

Все каннибалы! Или рабы без хозяев

Джордж Фицхью

Cannibals all! or, Slaves without masters

George Fitzhugh

Электронная книга проекта "Гутенберг" о всех каннибалах! или "Рабы без хозяев"

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Все каннибалы! или Рабы без хозяев

Автор: Джордж Фицхью

Дата выхода: 4 марта 2011 [Электронная книга №35481]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Сюзанной Шелл и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА: КАННИБАЛЫ ВСЕ!" ИЛИ "РАБЫ БЕЗ ХОЗЯЕВ" ***

ВСЕ КАННИБАЛЫ! ИЛИ РАБЫ БЕЗ ХОЗЯЕВ

АВТОР ДЖОРДЖ ФИЦХЬЮ,

Из ПОРТ-РОЙЯЛА, КАРОЛИНА, ВИРДЖИНИЯ.

"Рука его будет на всякого человека, и рука всякого человека на него". —Бытие хvi. 12.

"Врач, исцели самого себя". —Луки iv. 23.

РИЧМОНД, Вирджиния.

А. МОРРИС, ИЗДАТЕЛЬ.

1857г.

Введен в соответствии с Актом Конгресса в 1857 году АДОЛЬФУСОМ МОРРИСОМ в канцелярии окружного суда Соединенных Штатов по Восточному округу Вирджинии.

К. Х. УИНН, ПЕЧАТНИК, РИЧМОНД.

Содержание.

	Страница.
Посвящение	vii
Предисловие	ix
Введение	xiii
ГЛАВА I.	
Всеобщая торговля	25
ГЛАВА II.	
Труд, навыки и капитал	33
ГЛАВА III.	
Продолжение темы —эксплуатация навыков	58
ГЛАВА IV.	
Международная эксплуатация	75
ГЛАВА V.	
Ложная философия эпохи	79
ГЛАВА VI.	
Свободная торговля, мода и централизация	86
ГЛАВА VII.	
Миром <i>слишком мало</i> управляют	97
ГЛАВА VIII.	
Свобода и рабство	106
ГЛАВА IX.	
Пейли об эксплуатации	124
ГЛАВА X.	
Наши лучшие свидетели и мастера военного искусства	127
ГЛАВА XI.	
Упадок английской свободы и ужесточение английских законов о бедных	157
ГЛАВА XII.	
Французские рабочие и Французская революция	176
ГЛАВА XIII.	
Реформация —Право на частное суждение	194
ГЛАВА XIV.	
Кочевые попрошайки и нищие бандиты Англии	204
ГЛАВА XV.	
"Сельская жизнь Англии",	218
ГЛАВА XVI.	

Несчастные женщины-рукодельницы и "Песня о рубашке" Худа	223
ГЛАВА XVII.	
Эдинбургский обзор южного рабства	236
ГЛАВА XVIII.	
Лондонский "Глоуб" об освобождении Вест-Индии	274
ГЛАВА XIX.	
Защита и милосердие к слабым	278
ГЛАВА XX.	
Семья	281
ГЛАВА XXI.	
Негритянское рабство	294
ГЛАВА XXII.	
Сила слабости	300
ГЛАВА XXIII.	
Деньги	303
ГЛАВА XXIV.	
Геррит Смит о земельной реформе и Уильям Лойд Гаррисон о безвластии	306
ГЛАВА XXV.	
На чем заканчивается борьба с рабством	311
ГЛАВА XXVI.	
Христианская мораль невыполнима в свободном обществе - но естественная мораль рабовладельческого общества	316
ГЛАВА XXVII.	
Рабство — его влияние на свободных	320
ГЛАВА XXVIII.	
Частная собственность уничтожает Свободу и равенство	323
ГЛАВА XXIX.	
Национальная эпоха - превосходный свидетель	327
ГЛАВА XXX.	
Философия "измов" — Показывает, почему они изобилуют на Севере и неизвестны на Юге	332
ГЛАВА XXXI.	
Дефицит продовольствия в свободном обществе	335
ГЛАВА XXXII.	
У Человека есть Собственность на Человека	341
ГЛАВА XXXIII.	
"Переворот" в отмене смертной казни	344

ГЛАВА XXXIV.

Национальное богатство, личное богатство, роскошь и экономия 350

ГЛАВА XXXV.

Правительство - вещь силы, а не Согласия 353

ГЛАВА XXXVI.

Предупреждение Северу 363

ГЛАВА XXXVII.

Добавление 373

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ.

ДОСТОПОЧТЕННОМУ Генри А. УАЙЗУ.

Уважаемый сэр!

Я посвящаю эту работу вам, потому что я не знаком ни с кем, кто бы так рьяно, кропотливо и успешно стремился к виргинизации Вирджинии, поощряя посредством законодательства штата ее интеллектуальный и физический рост и развитие; ни с кем, кто бы так ясно видел зло централизации извне и так усердно работал, чтобы излечить или предотвратить это зло, укрепляя централизацию внутри.

Центры мысли Вирджинии должны располагаться в ее колледжах и университетах, центры торговли и мануфактур - в ее Прибрежных и западных городах, а центры моды - в ее Минеральных источниках.

Я также согласен с вами, что сила государства и государственная независимость являются наилучшими гарантиями прав государства; и что самая мудрая политика - это та, которая больше всего способствует росту силы и независимости государства.

Слабость вызывает агрессию; сила вызывает уважение; следовательно, Союз безопасен, когда его отдельные члены лучше всего способны отразить травму или жить независимо.

Ваша привязанность к Вирджинии не уменьшила вашей любви к Союзу. Настаивая на завершении таких работ, как дорога Ковингтон-Огайо, вы пытаетесь приумножить богатство, славу и силу нашего собственного штата, в то время как вы в равной степени приумножили бы богатство, силу и вечность Союза.

Я не могу посвятить вас во все доктрины моей книги, потому что вы не увидите ее, пока она не будет опубликована.

С очень большим уважением,

Ваш покорный слуга,

География. Фицхью.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В этой работе я попытался рассмотреть темы свободы и рабства в более жесткой аналитической манере, чем в "Социологии для Юга"; и, в то же время, предоставить читателю множество фактов, авторитетных источников и признаний, с помощью которых можно проверить истинность моих взглядов.

Моей главной целью было показать, что *Труд создает ценности, а Ум эксплуатирует и накапливает их*; и отсюда сделать вывод, что неограниченная эксплуатация так называемого свободного общества более угнетает работника, чем домашнее рабство.

В решительном нападении на популярные доктрины современной этики я должен разделить заслугу или порицание с моим соответствующим знакомым и другом, профессором Х. из Вирджинии.

Наше знакомство началось с того, что он поздравил меня письмом с сообщением о том, что я занят трактатом, абстрактно оправдывающим институт рабства, и высказал предположение, что из того, что он прочитал в моих сообщениях в газеты, он предвидел, что я буду вынужден выступить с общей атакой на господствующую политическую и моральную философию. Это письмо и другие, последовавшие за ним, вместе с тем, как моя Книга была принята общественностью Юга, побудили меня в настоящей работе признать всю широту и размах моей цели. Я уверен, что будет легче убедить мир в том, что обычные теории нашей современной этической философии, будь то утилитарные или сентиментальные, настолько ошибочны в своих посылах и выводах, что заслуживают отказа, чем убедить его в том, что социальные формы, при которых он живет, и попытки их оправдать и одобрить столь же ошибочны и должны быть заменены другими, основанными на более широкой философской системе и более христианских принципах.

Тем не менее, я считаю, что под знаменами социализма и более опасного, потому что более обманчивого, полусоциализма общество незаметно, а часто и бессознательно, движется к полному отказу от самых важных институтов — религии, семейных уз, собственности и ограничений правосудия. Нынешняя профессия, действительно, состоит в том, чтобы остановиться на полпути к дому Без Правительства и Свободной Любви; но мы уверены, что она не может остановиться и разбить лагерь в таких помещениях. Общество разработает ошибочные доктрины до их логических последствий и обнаружит ошибку только на собственном опыте. Мир вернется к домашнему рабству только тогда, когда все другие социальные формы потерпят неудачу и будут исчерпаны. Возможно, этот час недалек.

Мистер Х. не увидит эту работу до ее публикации и не согласится со многими ее деталями, неограниченной широтой ее позиций и отсутствием точного определения. По моему мнению, время для такой точности еще не пришло и не придет до тех пор, пока нынешняя философия не будет признана несостоятельной, и мы не начнем искать более возвышенную и просвещенную замену.

Введение.

В нашей небольшой работе "Социология для Юга", - сказали мы, - "Мы можем снова предстать перед публикой в качестве писателей; но мы не будем вмешиваться и предпочли бы, чтобы другие завершили работу, которую мы начали". Эта небольшая работа встретила везде, как мы полагаем, на Юге, благоприятный прием. Никто не опроверг ее теорию Свободного общества и не оспорил факты, на которых эта теория основывается. Появилось очень много способных сотрудников, и ежедневно появляется множество книг и эссе, занимающих более высокие позиции в защиту рабства; оправдывающих его как нормальный и естественный институт, вместо того, чтобы оправдывать его как исключительный. Теперь это рассматривается как положительное благо, а не необходимое зло. Успех, а не способность нашего эссе, возможно, оказали некоторое влияние на выявление этого нового способа защиты. В течение многих лет мы постепенно и осторожно проверяли общественное мнение на Юге и убедились, что оно готово доказать это и предпочитает самые высокие рубежи обороны. У нас нет особой пригодности для работы, которой мы занимаемся, за исключением уверенности в том, что мы обращаемся к публике, предрасположенной одобрить наши доктрины, какими бы смелыми или новаторскими они ни были. До сих пор большая трудность в защите рабства возникала из опасения, что общественность обидится на посягательства на его давно взлелеянные политические аксиомы; которые, тем не менее, стояли на пути этой защиты. Теперь очевидно, что эти аксиомы отжили свой век, поскольку никто, ни на Севере, ни на Юге, не жаловался на наше довольно свирепое наступление на них, а тем более не пытался ответить на наши аргументы и возражения или опровергнуть их. Все люди начинают очень ясно понимать, что состояние революции политически и социально ненормально и исключительно, и что принципы, которые могли бы ее оправдать, верны в частном и ложны в общем. "Возвращение к фундаментальным принципам" угнетенного народа является государственной изменой, если оно терпит неудачу; благороднейшим героизмом, если оно выливается в успешную революцию. Но "частое возвращение к фундаментальным принципам" противоречит продолжающемуся существованию любого правительства и является доктриной, достойной того, чтобы ею щеголяли только измы Севера и Красные республиканцы Европы. У них никакие принципы не считаются устоявшимися и священными и никогда ими не будут. Когда во время революции общество частично распадается, разлагается и распадается, доктрина равенства людей может быть услышана и может быть полезна для стимулирования восстания; но это практически невозможно и прямо противоречит всему правительству, всей отдельной собственности и всему общественному существованию. Мы приводим эти два примера в качестве примеров, чтобы показать, как мудрейшие и лучшие из людей обязательно выводят в качестве общих принципов то, что верно только относительно них самих и их особых обстоятельств. Никогда люди не были благословлены такими мудрыми и благородными институтами, как у нас; ибо они сочетают в себе все хорошее, что было в институтах Рима и Греции, Иудеи и Средневековой Англии. Но пагубная абсурдность наших политических аксиом и принципов вполне соответствует мудрости и консерватизму нашей политической практики. Живое признание общественностью подобных доктрин побуждает нас упорствовать в написании. Однако молчание Севера гораздо более

обнадеживает, чем одобрение Юга. Задетый и осмеиваемый в течение двух лет многими высокопоставленными газетами Юга за отрицание утверждения о том, что Свободное общество в Западной Европе потерпело неудачу и что оно демонстрирует предвестнические симптомы неудачи даже в Америке, Север молчит и, таким образом, молчаливо признает обвинение. Вынужденный сравнивать и взвешивать преимущества и недостатки нашего домашнего рабства с их рабством масс капиталу и нациям, он молчит и не принимает и не отклоняет наш вызов. Сравнительные пороки рабовладельческого общества и Свободного общества, рабства у людей-хозяев и рабства у Капитала - вот проблемы, с которыми сейчас сталкивается Юг и которых Север избегает. И она избегает их, потому что аболиционисты, единственные противники рабства на Юге, как мы полагаем, до единого заявили о полной несостоятельности своей собственной социальной системы, предложили ее ниспровергнуть и предложили приблизительное тысячелетие или какую-то систему Свободной Любви, коммунизма или социализма в качестве замены.

Тревожные масштабы такого состояния общественного мнения, или, говоря более точно, отсутствие какого-либо общественного мнения или общей веры и убежденности в чем-либо, не снились на Юге и не осознавались полностью и должным образом даже на Севере. Мы не можем поверить, что это так сильно отличается от всего нашего опыта и наблюдений, а они стали привычными и невнимательными к зараженной социальной атмосфере, которую они постоянно вдыхают. Кроме того, живя среди "измов", они не располагают к всестороннему наблюдению или спокойному обобщению. Более года назад мы совершили короткую поездку на Север, и пока там общались только с выдающимися аболиционистами. Мы много переписывались с ними, до и после, и прочитали многие их книги, лекции, эссе и выступления. Мы не видели и не слышали от них никакого отрицания несостоятельности их собственной социальной системы; напротив, мы обнаружили, что все они были согласны с необходимостью радикальных социальных изменений. Это правда, в разговоре они скажут: "Наша система общества плоха, но ваша, Южная, еще хуже; дело социальных наук продвигается вперед, и мы готовы создать систему, лучшую, чем любая из них". Мы могли бы привести множество частных анекдотов и процитировать тысячи авторитетных источников, чтобы доказать, что именно таково положение дел с многочисленными "измами" Севера. Правильность нашего заявления никто не будет отрицать. Если это так, то любой может убедиться в его правдивости, прочитав любую газету об отмене смертной казни или газету безбожников на Севере в течение одного месяца. The Liberator из Бостона, их самая авторитетная газета, постоянно наиболее полно раскрывает их мнения и их повсеместную деструктивность целей.

Нежелание Севера спорить с нами или с южной прессой в связи с новыми позициями, которые мы заняли, наши собственные наблюдения за работой северного общества, тревожный рост социализма, о чем свидетельствует его контроль над многими законодательными собраниями Северных штатов и его большинство в нижней палате Конгресса, - все это новые доказательства истинности нашей доктрины. Характер этого большинства в Конгрессе полностью раскрывается тем единственным фактом, который, как мы видели, был изложен в северной газете об отмене смертной казни, что "в Конгрессе есть сотня духовных рэперов". Член Конгресса от Северной Кореи сделал нам аналогичное замечание несколько дней назад. Это всего лишь копия Шипящего законодательного собрания Массачусетса или, Хвала Господу, Голого парламента Англии. Дальнейшее изучение западноевропейского общества, которое на протяжении двадцати лет было вовлечено в непрерывные революции, также убедило нас в том, что Свободное общество повсюду порождает измы, и эти измы вскоре порождают кровавые

революции. До нашей поездки на Север мы не по достоинству оценивали отрывок, который мы собираемся процитировать, из "Памфлетов последних дней" м-ра Карлайла. Теперь нам кажется, что декорациями для картины послужили Бостон, Нью-Хейвен или Западный Нью-Йорк:

"Значит, чтобы исправить отношения, существующие между двумя мужчинами, нет другого способа, кроме как положить им конец? Старые отношения стали неподходящими, изжившими себя, возможно, несправедливыми; и выход состоит в том, чтобы отменить их; пусть отныне никаких отношений вообще не будет. Начиная с "таинства брака" и ниже, человеческие существа были по-разному связаны друг с другом и каждый со всеми; и не было ни одного отношения между человеческими существами, справедливого или несправедливого, в котором не было бы своих обид и трудностей, своей необходимости терпеть и воздерживаться с обеих сторон. Но отныне, да будет вам известно, мы изменили все это по милости Небес; появился "принцип добровольности", который сам по себе сделает все за нас; и теперь пусть новое таинство, таинство *Развода*, которое мы называем эмансипацией и которое распространяем на наших платформах, станет повсеместным порядком дня! Задумывались ли люди, к чему все это ведет и что это определенно предвещает? Разорвите все человеческие отношения, которые хоть где-то стали непростыми, полностью на части; сведите все обязательное к добровольному, все, что было постоянным среди нас, к состоянию кочевого; другими словами, РАСШАТЫВАЙТЕ УСЕРДНЫМИ КЛИНЬЯМИ в каждом суставе всю конструкцию общественного существования, камень за камнем, пока, наконец, все не окажется достаточно расшатанным, это может, как мы уже видим в большинстве стран, быть разрушено внезапной вспышкой революционного гнева; и, лежа просто в виде гор анархического хлама, побудить вас воспеть Братство и т. Д., и радуйтесь наступившей замечательной эре человеческого прогресса".

Теперь остановимся на этом отрывке из Карлейля. Мы говорим, что, насколько это возможно, это точная картина измов Севера. Но ограничения закона и общественного мнения на Севере меньше, чем в Европе. "Измы" по обе стороны Атлантики одинаково заняты "вбиванием клиньев", "расшатывая в каждом суставе всю ткань социального существования"; но пока они осмеливаются призывать к анархии в Европе, они не осмеливаются провозгласить в Нью-Йорке Свободную любовь, инцест онейды и мормонскую полигамию. Моральные, религиозные и социальные ереси Севера более чудовищны, чем европейские. Ученик превзошел учителя без помощи стимуляторов бедности, голода и наготы, которые толкают учителя вперед.

Общество не должно потерпеть крах на Северо-востоке до тех пор, пока не будет заселен весь Запад, а отток населения или избыток иммиграции постоянно перенасыщают рынок труда на Атлантическом побережье. До тех пор деспотизм мастерства и капитала, вынуждая эмигрировать на Запад, делает этих эмигрантов собственниками, приносит им пользу, заселяет Запад и за счет их обратной торговли обогащает Восток. Социальные формы Севера и Юга в настоящее время одинаково способствуют росту и процветанию у себя дома и одинаково полезны для человечества в целом, предоставляя убежище угнетенным и обеспечивая всех едой и одеждой. Северное общество частично потерпело неудачу, но только потому, что оно порождает измы, которые угрожают ему свержением и препятствуют его прогрессу.

Несмотря на то, что мы кажемся тщеславными и эгоистичными, мы не можем удержаться от упоминания еще одного обстоятельства, которое побуждает нас писать. В то самое время, когда мы писали нашу брошюру под названием "Оправданное рабство", в которой мы утверждали, что

Свободное общество потерпело крах, м-р Карлайл начал писать свои "*Памфлеты последних дней*", само название которых - утверждение несостоятельности Свободного общества. Доказательство, полученное из этого совпадения, становится тем более убедительным, когда становится ясно, что обычный человек по эту сторону Атлантики обнаружил и разоблачал те же социальные явления, которые экстраординарный человек обнаружил и разоблачал по другую сторону. Сами названия наших работ являются синонимами, поскольку "Последние дни" - это "Крах общества".

М-р Карлайл и мисс Фанни Райт (в своей книге "Англия Цивилизатор") оправдывают рабство, показывая, что каждое из его очевидных послаблений в Англии наносило ущерб рабочему классу. Они были полностью и умело представлены в парламенте своими древними хозяевами, баронами. С тех пор как Трон, Церковь и Дворянство были лишены своей власти, а Палата общин, представляющая земли и деньги, правит деспотически, массы оказались вне закона. Они трудятся, испытывая все неудобства рабства, и не имеют ни одного из прав рабов. Это подлинная история английской конституции, которую мы намерены более полно изложить в дальнейшем. Это еще одна причина, по которой мы снова выступаем перед общественностью. Книга Блэкстоуна, которую читает большинство американских джентльменов, преподает доктрину, прямо противоположную этой, и эту доктрину мы попытаемся опровергнуть.

Возвращаясь с Севера, мы приобрели в Нью-Йорке экземпляр "Политики и экономики" Аристотеля. К нашему удивлению, мы обнаружили, что наша теория происхождения общества была идентична его теории и что мы использовали не только те же иллюстрации, но и те же самые слова. Мы сразу увидели, что истинное оправдание рабства должно основываться на его теории социальной природы человека, в противоположность теории Локка об Общественном договоре, на которую опирается последнее Свободное общество. Это правда, что мы обсуждали эту доктрину; но для всего мира наш авторитет был просто отталкивающим, в то время как та же доктрина, исходящая от Аристотеля, имела, помимо его имени, две тысячи лет человеческого одобрения и единодушия в свою пользу; ибо без этого согласия и одобрений его книга давно бы погибла.

В дополнение ко всему этому, мы думаем, что обнаружили, что Моисей предвосхитил социалистов и что, запрещая "ростовщичество денег, съестных припасов и всего, что дается займы под ростовщичество", и осуждая "приумножение", он был намного мудрее Аристотеля и видел, что другой капитал или собственность "плодятся" не больше, чем деньги, и что их прибыль была несправедливым взысканием с рабочего человека. Социалисты провозглашают это своим собственным открытием. Мы думаем, что Моисей открыл и провозгласил это более трех тысяч лет назад — и что это единственная истинная теория капитала и труда, единственная адекватная теоретическая защита рабства, — поскольку она доказывает, что прибыль, которую капитал извлекает из труда, делает свободных рабочих рабами без прав, привилегий или преимуществ домашних рабов, а капиталистов - их хозяевами со всеми преимуществами и без какого-либо бремени и обязательств обычных владельцев рабов.

Научное название этой работы лучше всего было бы выразить общепринятым французским термином "*Эксплуатация*". Мы пытаемся перевести с помощью двойной перифразы "Все каннибалы; или рабы без хозяев".

Мы были достаточно неосмотрительны, написав сначала наше Введение, и можем не оправдать тех ожиданий, которые мы возбуждаем. В таком случае наш избыток искренности должен частично компенсировать недостаток наших способностей.

ВСЕ КАННИБАЛЫ!

ГЛАВА I.

ВСЕОБЩАЯ ТОРГОВЛЯ.

Мы все, как на Севере, так и на Юге, занимаемся торговлей белыми рабынями, и тот, кто преуспевает лучше всех, считается самым респектабельным. Это гораздо более жестоко, чем торговля черными рабами, потому что она забирает больше своих рабов и не защищает их и не управляет ими. Мы хвастаемся, что это требует большего, когда говорим, "что *прибыль*, получаемая от использования свободного труда, больше, чем от рабского". Прибыль, получаемая от свободного труда, представляет собой количество продуктов такого труда, которые работодатель посредством распоряжения, которое ему дает капитал или навык, отнимает, взыскивает или "эксплуатирует" у свободного работника. Прибыль от рабского труда - это та часть продуктов такого труда, которую власть хозяина позволяет ему присвоить. Эти прибыли меньше, потому что хозяин позволяет рабу сохранять большую долю результатов своего собственного труда, чем это делают наниматели свободного труда. Но мы не только хвастаемся, что торговля белыми рабами более требовательна и мошенническа (фактически, хотя и не намеренно), чем черное рабство; но мы также хвастаемся, что она более жестока, поскольку заставляет работника заботиться о себе и семье на те гроши, которые навыки или капитал позволили ему сохранить. Когда дневной труд заканчивается, он свободен, но перегружен заботами о семье и домашнем хозяйстве, которые превращают его свободу в пустую и обманчивую насмешку. Но его работодатель действительно свободен и может наслаждаться прибылью, полученной за счет труда других, не заботясь об их благополучии. Негритянский раб тоже свободен, когда дневные труды закончены, и свободен не только телом, но и разумом; ибо хозяин обеспечивает его пищей, одеждой, домом, топливом и всем остальным, необходимым для физического благополучия его самого и семьи. Труд господина начинается как раз тогда, когда рабу приходит конец. Неудивительно, что люди предпочитают белое рабство капиталу, рабству негров, поскольку оно более прибыльно и свободно от всех забот и труда чернокожих рабовладельцев.

Теперь, читатель, если ты хочешь познать себя — "поработать над своим собственным уродством" - читай дальше. Но если вы хотите лелеять самомнение, самоуважение или самооценку, отбросьте нашу книгу; ибо мы развеим иллюзии, которые способствовали вашему счастью, и покажем вам, что то, что вы считали и практиковали как добродетель, немногим лучше морального каннибализма. Но вы окажетесь в многочисленной и респектабельной компании; ибо все хорошие и респектабельные люди - "все каннибалы", которые не трудятся

или которые успешно пытаются жить без труда, за счет безвозмездного труда других людей: В то время как низкие, плохие и пользующиеся дурной репутацией люди - это те, кто трудится, чтобы прокормить себя и, кроме того, поддержать упомянутых респектабельных людей. Если не учитывать негритянских рабов, то общество в христианском мире разделяется на четыре класса: богатые или независимые респектабельные люди, которые живут хорошо и совсем не трудятся; профессиональные и умелые респектабельные люди, которые выполняют небольшую легкую работу за огромную плату; бедные трудолюбивые люди, которые содержат всех и морят себя голодом; и бедные воры, мошенники и крепкие попрошайки, которые живут как джентльмены, без труда, за счет труда других людей. Джентльмены эксплуатируют, что, будучи совершенно в больших масштабах и требуя большого количества жертв, в высшей степени респектабельно, в то время как жулики и попрошайки берут так мало от других, что им живется немногим лучше, чем тем, кто трудится.

Но, читатель, мы не хотим стрелять в стадо. "Ты - человек!" Ты - каннибал! и если вы добьетесь успеха, гордитесь количеством своих жертв ничуть не меньше, чем любой вождь фиджеев, который завтракает, ужинает и ужинает человеческим мясом.—И ваша совесть терзает вас, если вам не удалось добиться успеха, ничуть не меньше, чем его, когда он возвращается из неудачной вылазки.

Вероятно, вы юрист, или торговец, или врач, заработавший на своем бизнесе пятьдесят тысяч долларов и вышедший на пенсию, чтобы жить на свой капитал. Но, заметьте! не тратить свой капитал. Это было бы вульгарно, позорно, преступно. Это означало бы жить своим собственным трудом; ибо ваш капитал - это ваш накопленный труд. Это означало бы поступать так, как поступают обычные рабочие, ибо они берут гроши, которые оставляют им их работники, чтобы жить дальше. Они живут трудом, ибо обменивают результаты своего труда на продукты труда других людей. Это, без сомнения, честный, вульгарный образ жизни, но совсем не респектабельный. Респектабельный образ жизни заключается в том, чтобы заставлять других людей работать на вас и ничего им за это не платить — и не беспокоиться о них после того, как их работа выполнена. Следовательно, белое рабовладение гораздо более респектабельно, чем рабство негров, поскольку хозяин работает на негра почти так же усердно, как и он на своего хозяина. Но ты, мой добродетельный, респектабельный читатель, получаешь три тысячи долларов в год от труда белых (ибо твой доход является продуктом труда белых) и не получаешь ни цента прибыли ни в какой форме. Вы сохраняете свой капитал и никогда не работаете, и все же живете в роскоши за счет труда других. Капитал распоряжается трудом, как хозяин рабом. Ни то, ни другое не оплачивает труд; но хозяин позволяет рабу удерживать большее содержание из доходов от его собственного труда, и, следовательно, "свободный труд дешевле, чем труд раба". Вы, с властью над трудом, которую дает вам ваш капитал, являетесь рабовладельцем - хозяином без обязательств хозяина. Те, кто работает на вас, кто создает ваш доход, - рабы без прав рабов. Рабы без хозяина! Пока вы были заняты накоплением своего капитала, стремлением стать независимым, вы занимались торговлей белыми рабынями. Стать независимым - значит уметь заставить других людей поддерживать вас, не будучи обязанным трудиться на *них*. Итак, какой человек в обществе не стремится достичь этой ситуации? Тот, кто достигает ее, является рабовладельцем в худшем смысле этого слова. Тот, кто стремится к этому, занимается работорговлей. Вы, читатель, принадлежите к тому или иному классу. Люди без собственности в свободном обществе теоретически находятся в худшем положении, чем рабы. Практически, их состояние соответствует этой теории, как повсюду демонстрируют история и статистика. Капиталисты в свободном обществе живут в десять раз большей роскоши

и демонстрируют, что это делают южные хозяева, потому что рабы капитала работают усерднее и стоят дешевле, чем негритянские рабы.

Негритянские рабы Юга - самые счастливые и, в некотором смысле, самые свободные люди в мире. Дети, старики и немощные вообще не работают, и все же им обеспечены все удобства и предметы первой необходимости. Они наслаждаются свободой, потому что их не угнетают ни заботы, ни труд. Женщины выполняют мало тяжелой работы, и их хозяева защищают их от деспотизма мужей. Негры и крепкие парни работают в среднем в хорошую погоду не более девяти часов в день. Остальное время они проводят совершенно бесцельно. Кроме того, у них есть свои субботы и праздники. Белые люди, с их такой распущенностью и свободой, умерли бы от скуки; но негры наслаждаются телесным и умственным покоем. Обратив лица к солнцу, они могут спать в любое время; а спокойный сон - величайшее из человеческих наслаждений. "Благословен человек, который изобрел сон". Это счастье само по себе — и оно является результатом удовлетворенности настоящим и уверенной уверенности в будущем. Мы не знаем, спят ли когда-нибудь свободные работники. Они глупцы, если поступают так; ибо, пока они спят, коварный и бдительный капиталист изобретает средства, чтобы заманить их в ловушку и эксплуатировать. Свободный рабочий должен работать или умереть с голоду. Он больше раб, чем негр, потому что работает дольше и усерднее за меньшее пособие, чем раб, и не имеет отпуска, потому что заботы жизни у него начинаются тогда, когда заканчиваются его труды. У него нет свободы и ни единого права. Мы знаем, что, как часто говорят, воздух и вода - это общая собственность, в которой все имеют равное право участвовать и пользоваться; но это совершенно неверно. Присвоение земель влечет за собой присвоение всего, что находится на землях или над ними, *usque ad cælum, aut ad inferos*. Человек не может дышать воздухом, не имея места, откуда им можно дышать, а все места предназначены для этого. Вся вода является частной собственностью "до середины ручья", за исключением океана, а он непригоден для питья.

Свободные рабочие не имеют и тысячной доли прав и свобод негритянских рабов. На самом деле, у них нет ни единого права или свободы, если только это не право или свобода умереть. Но читатель может подумать, что он и другие капиталисты и работодатели свободнее, чем негры-рабы. Ваш капитал скоро исчез бы, если бы вы осмелились позволить себе свободу и самозабвение негров. Вы удерживаете свое богатство и положение благодаря постоянной бдительности, заботе и осмотрительности. Вы никогда не трудитесь, но вы никогда не бываете свободны.

Там, где землей владеют немногие, они обладают неограниченной властью над общественным равновесием, пока не воцарится домашнее рабство, которое вынудит их позволить этому общественному равновесию получать достаточную и комфортную жизнь от "terra mater". Свободное общество, отстаивающее право немногих на землю—рабство, утверждает, что оно в разной степени принадлежит всем.

Но, читатель, да будет тебе известно о работорговле. Это единственное ремесло, которому стоит следовать, а рабы - единственная собственность, которой стоит владеть. Все остальное ничего не стоит, это просто *конец света*, за исключением того, что оно наделяет владельца властью распоряжаться трудом других - поработать их. Дайте вам дворец, десять тысяч акров земли, роскошную одежду, экипаж и любую другую роскошь; и с вашими искусственными потребностями вы будете беднее Робинзона Крузо или самого низкого работника, если у вас нет

рабов капитала или домашних рабынь. Ваш капитал не принесет вам ни цента дохода и не удовлетворит ни одной из ваших потребностей без труда. Труд необходим для придания ценности собственности, и если бы вы владели всем остальным, а не рабочей силой, вы были бы бедны. Но пятьдесят тысяч долларов означают и стоят пятьдесят тысяч долларов рабов. Вы можете распоряжаться, не затрагивая этот капитал, рабочей силой на три тысячи долларов в год. Вы ничего не смогли бы сделать, если бы покупали на эти деньги рабов, и тогда вы были бы обременены заботами о том, чтобы управлять ими и обеспечивать их. Теперь вы рабовладелец на сумму в пятьдесят тысяч долларов, со всеми преимуществами и без каких-либо забот и ответственности хозяина.

"Собственность в человеке" - это то, за что все борются. Почему бы им не быть обязанными заботиться о людях, о своей собственности, как они заботятся о своих лошадях и гончих, о своем крупном скоте и своих овцах? Теперь, прикрываясь обманчивым именем свободы, вы работаете с ним "от утра до росистого вечера" — от младенчества до старости, — а затем обрекаете его на голодную смерть. Ты лучше обращайся со своими лошадьми и гончими. Капитал - жестокий хозяин. Свободная работоторговля, самое обычное, но и самое жестокое ремесло.

ГЛАВА II.

ТРУД, НАВЫКИ И КАПИТАЛ.

Ничто, написанное на тему рабства со времен Аристотеля, не стоит того, чтобы его читать, вплоть до дней современных социалистов. Никто, рассматривая это, не счел нужным интересоваться историей и статистикой, улучшилось или ухудшилось физическое и моральное состояние освобожденных крепостных или рабынь в результате эмансипации. Никто не снизойдет до сравнения пороков домашнего рабства с пороками свободы без собственности. Никому и в голову не приходило усомниться в действительной свободе эмансипированных. Отношения капитала и труда, собственников к неимущим были вещами, о которых никто не думал и не писал. Ни врагам, ни апологетам рабства никогда не приходило в голову, что если никто не будет нанимать свободного работника, его положение будет бесконечно хуже, чем при фактическом рабстве, — им также не приходило в голову, что если его заработная плата будет меньше, чем пособие раба, он будет менее свободен после освобождения, чем до. К Сен-Симону, Фурье, Оуэну, Фанни Райт и нескольким другим, которые обнаружили и провозгласили, что пропеллерэрти был не только плохим мастером, но и невыносимым, относились как к злым провидцам. После французской и других революций в Западной Европе в 1830 году все люди внезапно обнаружили, что социальные отношения между людьми фальшивы и что необходимы социальные, а не политические революции. С того периода почти вся литература свободного общества - это всего лишь голос, провозглашающий его абсолютный и тотальный крах. Следовательно, произведения социалистов содержат истинную защиту рабства.

Большая часть активного интеллекта христианского мира в течение последних двадцати лет была занята анализом, обнаружением и разоблачением существующих отношений труда, квалификации и капитала и тщетными попытками исправить эти отношения. Философы Европы,

которые занимались таким образом, превзошли всех предшествовавших им философов-моралистов в первой части своего исследования, но во второй не предложили ничего, кроме ребяческой нелепости. Их деструктивная философия глубока, демонстративна и неопровержима — их конструктивные теории, дикие, дальновидные и химеричные на бумаге, терпят неудачу на практике. Каждый из них достаточно ясно доказывает, что нынешнее здание европейского общества выходит за рамки всех правил и пропорций и вскоре должно развалиться на куски - но нет двух, которые согласились бы с тем, как его следует восстанавливать. "У нас должен (говорят они все) быть новый мир, если мы вообще хотим иметь какой-либо мир!" и у каждого есть маленькая модель Утопии или Фаланстерства для этого нового и лучшего мира, который, как уверяет нас изобретатель, уже потерпел неудачу в небольшом экспериментальном масштабе, поэтому является именно тем, что нужно для успеха в большом. Мы имеем в виду социалистов и коммунистов, которые в большей или меньшей степени пропитали всю современную литературу своими доктринами. Анализируя общество, обнаруживая, разоблачая и обобщая его действия и различные явления, они всего лишь грамматики или анатомы, ограничивающие философию ее надлежащей сферой и использующие ее в полезных целях. Когда они пытаются пойти дальше — и, обнаружив, что нынешняя социальная система смертельно больна, предлагают создать другую вместо нее, — они столь же самонадеянны, как анатом, который должен попытаться создать человека. Социальные тела, как и человеческие, являются творениями Бога, которые человек может препарировать, а иногда и исцелять, но которые он не может создать. Общество не всегда было таким больным, иначе социализм был бы так же распространен в прошлом, как и сейчас. Мы думаем, что этим самонадеянным философам лучше всего было бы сравнить его в его здоровом состоянии с тем, что есть сейчас, и восполнить недостатки или срезать наросты, как может подсказать сравнение. Но наша нынешняя задача состоит в том, чтобы привлечь внимание к некоторым ценным открытиям на твердой земле социальной науки, которые эти социалисты сделали в своих тщетных путешествиях в поисках постоянно удаляющейся и иллюзорной Утопии. Подобно алхимикам, хотя они явно потерпели неудачу в достижении целей своих занятий, они случайно наткнулись на истины, не учтенные и не оцененные ими самими, которые будут ценны в руках более практичных и менее оптимистичных людей. Примечательно, что политэкономисты, которые обычно считают труд наиболее справедливым и корректным мерилем стоимости, не должны были обнаружить, что прибыль от капитала вообще не представляет труда. Чтобы быть последовательными, политэкономистам следует объявить несправедливыми все проценты, ренту, дивиденды и другую прибыль от капитала. Под рентой мы подразумеваем ту часть ренты, которая является строго доходом. Ежегодно сумма, необходимая на ремонт, и, в конечном итоге, перестроить дом, не прибыли. Четыре процента. будем это делать. Аренда на десять процентов. в таком случае прибыль в размере шести процентов. Четыре процента. это всего лишь возврат строителю его труда и капитала, затраченных на строительство. "Использование вещи является справедливым предметом изменения лишь постольку, поскольку используемый предмет потребляется в процессе использования; ибо такое потребление является потреблением труда или капитала владельца и представляет собой всего лишь обмен эквивалентными количествами труда".

Эти социалисты, обнаружив, что мастерство и капитал посредством свободной конкуренции осуществляют неоправданное господство над трудом, предлагают вообще покончить с мастерством, капиталом и свободной конкуренцией. Они излечили бы болезни общества, разрушив его самые жизненно важные функции. Выдвинув общее положение о том, что равные

количества труда или его результаты должны быть обменены друг на друга, они приходят к выводу, что, поскольку прибыль от капитала не является результатом труда, капиталист должен быть лишен всякого процента, или ренты, или другой прибыли на свой капитал и вынужден во всех случаях обменивать часть самого капитала на труд или его результаты. Это предотвратило бы накопление или, по крайней мере, ограничило бы его приобретением самых элементарных предметов первой необходимости. Они говорят: "юрист и художник не работают так усердно и непрерывно, как пахарь, и должны получать меньшую заработную плату, чем он — бушель пшеницы представляет столько же труда, сколько речь или портрет, и должен быть обменен на то или другое". Такая система торговли и обмена уравнивала бы условия, но уничтожила бы цивилизацию. И все же эти люди показывают, что посредством налогообложения и угнетения, которые капитал и мастерство осуществляют над трудом, богатая, профессиональная, торговая и умелая часть общества стали хозяевами трудящихся масс, положение которых, и без того невыносимое, с каждым днем становится все хуже. Они отчетливо указывают на характер болезни, с которой страдает пациент, но не видят иного способа вылечить болезнь, кроме как убить пациента.

В предыдущей главе мы проиллюстрировали их теорию капитала на одном примере. Мы могли бы привести сотни иллюстраций, и все же тема настолько сложна, что мало кто из читателей потрудится разобраться в ней. Давайте возьмем два хорошо известных исторических примера: Англия стала обладателем двух прекрасных островов, Ирландии и Ямайки. Англичане отобрали или обманом отобрали у ирландцев их земли; но заявляли, что оставляют людей свободными. Люди, однако, должны пользоваться землей, иначе они умрут с голоду. Англичане взымали с них арендную плату в таком размере, что их содержание за вычетом этой арендной платы не составляло и половины того, что полагалось ямайским рабам. Они были вынуждены работать на своих землевладельцев из—за страха голода и смерти - сил более сильных, чем плеть надсмотрщика. Они работали больше и не получали и в половину столько зарплаты или надбавок, сколько ямайские негры. Все отчеты французскому и британскому парламентам показывают, что физические потребности вест-индских рабов удовлетворялись хорошо. Ирландцы стали подданными капитала — рабами, у которых не было хозяев, обязанных по закону, личным интересам или домашним привязанностям обеспечивать их. Самые свободные люди в мире, в широком и обыденном смысле этого слова, их состояние, моральное, физическое и религиозное, было намного хуже, чем когда—либо было или когда-либо могло быть у цивилизованных рабов, - ибо в конце концов, после столетий медленного голода, триста тысяч человек погибли за один сезон из-за нехватки пищи. Англичане захватили также земли Ямайки, но ввели негритянских рабов, которых они были вынуждены содержать в любое время года и любой ценой. Негры чувствовали себя комфортно, пока благотворительность не обложила бедняков Англии и Ирландии налогом в сто миллионов долларов, чтобы освободить их. Теперь они наслаждаются ирландской свободой, в то время как все хорошие земли принадлежат англичанам. Они обездолжены и одичали, и их положение во всех отношениях хуже, чем в рабстве.

Общественное мнение объединяется с личными интересами, семейной привязанностью и муниципальным законодательством для защиты раба. Мужчина, который плохо обращается со слабыми и зависимыми, который злоупотребляет своей властью над женой, детьми или рабами, вызывает всеобщее отвращение. То же самое общественное мнение, которое защищает рабов, поощряет угнетение свободных тружеников — ибо считается более почетным и похвальным получать большие гонорары, чем маленькие, заключать выгодные сделки, чем плохие (а все

гонорары и прибыли в конечном счете исходят от простых тружеников) — жить без работы, за счет поборов накопленного капитала, чем трудиться за плугом или лопатой, зарабатывая себе на жизнь. В интересах капиталиста и квалифицированных работников предоставлять свободным рабочим как можно меньшую часть плодов их собственного труда; ибо весь капитал создается трудом, и чем меньше пособие свободного рабочего, тем больше прибыль его работодателя. Дурное и несправедливое обращение со свободными работниками повсеместно прививается как моральный долг, и эгоизм человеческой природы побуждает его к самому строгому выполнению этого людоедского долга. Мы обращаемся к политической экономии; этической, социальной, политической и экономической философии свободного общества, чтобы доказать истинность наших доктрин. Как этическое и социальное руководство, эта философия учит, что социальная, индивидуальная и национальная конкуренция является моральным долгом, и мы попытались доказать, что любая конкуренция - это всего лишь попытка поработить других, не будучи обремененными их поддержкой. Как политическое руководство, оно просто обязало бы правительство "поддерживать мир"; или, чтобы точнее определить его доктрину, оно учит, "что вся обязанность правительства состоит в том, чтобы удерживать слабых, пока сильные грабят их", поскольку оно наказывает преступления, сопровождаемые применением силы, которые совершают только слабоумные; но поощряет войну умов, в которой сильные и проницательные обязательно преуспеют, обирая слабых и невежественных.

Пора, давно пора, изгнать политическую экономию из наших школ. Но какая от этого польза в свободном обществе, где антагонистические отношения людей предполагают каждому, без учителя, что "он может быть справедлив только по отношению к самому себе, причиняя зло другим". Аристотель и большинство других древних философов и государственных деятелей придерживались доктрины, "что, поскольку деньги не будут плодиться, проценты недопустимы". Моисес, без сомнения, видел, как и современные социалисты, что весь остальной капитал стоит на тех же основаниях, что и деньги. Ничто из этого не является самосозидательным или будет "размножаться". Формулировки, используемые в отношении "ростовщичества" и "приумножения" в 25-й главе книги Левит и 23-й главе Второзакония, достаточно широки, чтобы охватить и запретить любую прибыль от капитала. Такой процент, или "прибавка", или прибыль, могла быть начислена язычникам, но не евреям. Все действия Моисея, очевидно, были направлены на то, чтобы предотвратить конкуренцию в отношениях евреев друг с другом и породить постоянное равенство условий и братские чувства.

Социалисты сделали одно великое добро. Они позволяют нам понять и оценить институты Моисея и увидеть, что никто, кроме Божества, не мог породить их.^[1] Ситуация в Иудее была во многих отношениях аномальной, и мы не должны предполагать, что ее политические и социальные отношения должны были быть универсальными. Тем не менее, здесь четко утверждается, что при определенных обстоятельствах вся прибыль на капитал является неправильной.

Все реформаторы наших дней - трезвенники и пытаются полностью изгнать зло, а не

чтобы уменьшить или ограничить его. Было бы разумнее предположить, что в моральном или физическом мире по своей сути нет ничего злого, а только то, что оно становится таковым в результате неправильного применения их людьми. Наука каждый день открывает для себя, что самые смертоносные яды при правильном применении становятся самыми эффективными

лекарствами. Таким образом, то, что кажется дурными страстями и склонностями людей и обществ, при надлежащем регулировании может быть использовано для достижения самых мудрых и благих целей. Цивилизованное общество никогда не существовало без этой конкуренции, порожденной желанием человека переложить большую часть бремени жизни на других и наслаждаться плодами их труда, не обмениваясь эквивалентным трудом своего собственного. Во всех подобных обществах (за пределами Библии) такое эгоистичное и алчное присвоение прививается как моральный долг; и тот, кто лучше всего преуспевает, либо проявляя профессиональные навыки, либо путем накопления капитала, в присвоении чужого труда, не трудясь взамен, считается наиболее достойным. Рассматривая отношения капитала и труда, было бы несправедливо не учитывать систему богаделен, являющуюся высшим прибежищем для бедных.

Налоги или ставки для бедных, которые поддерживают эту систему льгот, как и все другие налоги и ценности, являются результатом труда бедных. Трудоспособные бедняки вынуждены богатыми и умелыми поддерживать слабых, а слишком часто и праздных бедняков. В дополнение к покрытию необходимых расходов и бессмысленной роскоши богатых, поддержке правительства и самих себя, капитал вынуждает их содержать свои дома для бедных. При сборе налогов для бедных, при их распределении и при управлении системой богаделен, вероятно, исчерпывается половина налога, взимаемого для бедных. Из оставшейся суммы, возможно, еще половина расходуется на недостойные предметы. Хозяева аналогичным образом освобождают больных, младенцев и престарелых рабов от работы сильных и здоровых. Но ничто не тратится впустую при сборе и администрировании, и ничто не отдается недостойным объектам. Хозяин, контролирующий объекты своей щедрости, заботится о том, чтобы они не стали обременительными из-за своих собственных преступлений и праздности. Это противоречит всем человеческим обычаям и правовым аналогиям, что тех, кто находится в зависимости или может стать таковой, не следует контролировать. Обязанность защищать слабых предполагает необходимость их порабощения — следовательно, во всех странах женщины и дети, подопечные и подмастерья были, по сути, рабами, управляемыми не законом, а волей вышестоящего начальства. Это фатальный дефект в системе богаделен. Многие мужчины становятся нищими из-за собственной неосмотрительности или неправильного поведения, и только хозяева могут предотвратить такое неосмотрительность. Хозяева хорошо обращаются со своими больными, младенцами и беспомощными рабами не только из чувства привязанности, но и из корыстных побуждений. Хорошее обращение делает их более ценными. Все дома призрения находятся в ведении пенитенциарной системы, чтобы удержать бедных от обращения в них. Кроме того, хозяева всегда на месте, чтобы оказать необходимую помощь несчастным и беспомощным рабам. Тысячи бедняков голодают вне досягаемости дома призрения или другой общественной благотворительной организации.

Распространенное обвинение, выдвигаемое против рабства, состоит в том, что оно вызывает праздность у хозяев. В небольших поместьях хлопоты, заботы и труд по обеспечению жены, детей и рабов, а также по надлежащему управлению всеми делами фермы обычно ложатся на хозяина. На более крупных ему помогает надсмотрщик или управляющий. Если они выполняют свои обязанности, их время полностью занято. Если они этого не делают, поместье приходит в упадок. Хозяйка на южных фермах обычно занята более деловито, с пользой и доброжелательностью, чем кто-либо другой на ферме. В своем лице она объединяет обязанности жены, матери, любовницы, экономки и сестры милосердия. И она замечательно справляется со всеми этими обязанностями. Богатые люди в свободном обществе могут, если

им заблагорассудится, разгуливать по городу, посещать клубы, посещать театр и не иметь никаких других забот, кроме сбора арендной платы, процентов и дивидендов с акций. В хорошо устроенном рабовладельческом обществе не должно быть бездельников. Но мы не можем предугадать, как заставить капиталистов в свободном обществе работать. Хозяин работает на раба, они обмениваются производственной стоимостью. Но капиталист, живущий на свой доход, ничего не дает своим подданным. Он живет простой эксплуатацией.

Есть возражение, что рабство допускает или поощряет безнравственность и невежество. Это ошибка. Общение домашней прислуги с белой семьей в какой-то степени ассимилирует их уровень информированности и моральное поведение с уровнем белых. Домашние слуги, общаясь с полевыми рабочими, передают им свои знания. Хозяин во всем насаждает достойную мораль. Негры никогда не остаются в неведении относительно истин христианства, все они говорят на понятном английском и участвуют в обычных событиях того времени. Отчеты британскому парламенту показывают, что бедняки-земледельцы и горняки Англии едва ли знают о существовании Бога, не говорят на понятном английском и, как правило, развращены и невежественны. Они ничему не учатся, общаясь со своим начальством, как это делают негры. Они жестоко обращаются с женами и детьми, потому что у них нет хозяев, которые могли бы контролировать их, а мужчины часто рассеяны и бездельничают, оставляя всю работу женщинам и детям — из-за отсутствия такого же контроля.

Рабство, отделяя массу невежественных людей друг от друга и приводя их в контакт и повседневное общение с хорошо информированными, становится замечательной системой образования — без сомнения, необходимой. Подвергая их постоянному контролю и надзору начальства, заинтересованного в поддержании нравственности, это становится лучшей и наиболее эффективной полицейской системой; настолько эффективной, что у древних римлян практически не было уголовного кодекса.

Основные возражения против колониального рабства поздних римлян, против крепостного права и всех форм прежнего рабства заключаются в том, что рабы подвергаются заботам так же, как и трудам повседневной жизни; что хозяева становятся бездельниками; что недостаток общения разрушает нежные отношения между хозяином и рабом, не приводит массу невежественных рабов ни к какому другому общению, кроме как с невежественными; и лишает их, как и наставлений правительства, начальников, живущих на той же ферме. Южное рабство становится лучшей формой рабства, которая у нас есть в истории, за исключением рабства евреев. У евреев было очень мало рабов, и отношения господина и рабыни у них были поистине нежными, покровительственными и патриархальными. Хозяин, жена и дети находились в постоянном общении с рабами и образовывали, как на практике, так и в теории, любящие, благоустроенные семьи.

По мере развития современной цивилизации рабство становится с каждым днем все более необходимым, потому что его тенденция заключается в накоплении всего капитала в немногих руках, отрывает массы от почвы, снижает их заработную плату и шансы на трудоустройство и увеличивает потребность в определенных средствах к существованию, которые может обеспечить только рабство, когда все земли и другой капитал принадлежат немногим.

Христианская мораль не может найти практической опоры в обществе, устроенном таким образом, что "любить ближнего, как самого себя" или "поступать с другими так, как мы хотели бы, чтобы они поступали с нами", было бы актом самоубийственного самопожертвования.

Христианская мораль, однако, проповедовалась не свободному конкурентному обществу, а рабовладельческому обществу, где практиковать ее не является ни очень трудным, ни противоестественным занятием. В различных семейных отношениях мужа, жены, родителя, ребенка, господина и раба часто практикуется соблюдение этих христианских заповедей, и почти всегда это способствует временному благополучию тех, кто их соблюдает. Интересы различных членов семейного круга, правильно понятые, совпадают и гармонизируются, и каждый член наилучшим образом продвигает свои собственные эгоистичные интересы, служа желаниям и интересам остальных. Два больших камня преткновения устраняются при принятии Священного Писания, когда доказывается, что рабство, которое оно признает, одобряет и предписывает, способствует счастью и благополучию людей, и что мораль, которую оно прививает, хотя и совершенно невыполнима в свободном обществе, легко практикуется в той форме общества, к которой оно было обращено.

Мы не предполагаем, что в свободном обществе может существовать какой-либо другой моральный закон, кроме того, который учит, что "наиболее достоин тот, кто больше всего причиняет зла своим собратьям", ибо любой другой закон сделал бы людей мучениками за их собственные добродетели. Мы видим тысячи хороших людей, тщетно борющихся с пагубными потребностями своего положения и усугубляющих своей благотворительностью зло, которое они могли бы вылечить, ибо благотворительность в свободном обществе - это всего лишь налог, который мастерство и капитал слишком часто взимают с работающих бедняков, чтобы возложить на менее достойных и праздных бедняков. Мы знаем человека на Севере, который владеет миллионами долларов и готов выбросить каждый цент в океан на благо человечества. Но это капитал, и, размещая он его, где хочешь, он становится двигателем налогообложения и угнетения трудящейся бедноты.

Невозможно установить гармоничные или дружественные отношения между трудом и капиталом, кроме как посредством рабства, которое определяет их интересы. Если бы этот джентльмен вложил свой капитал в землю и негров, он мог бы быть уверен, в какие бы руки он ни попал, что он будет использован для защиты рабочих, а не для их угнетения; ибо, когда рабы стоят около тысячи долларов за голову, они будут тщательно и хорошо обеспечены. В любых других инвестициях, которые он может сделать, это будет использоваться как двигатель для выжимания наибольшего количества рабочей силы из бедных при наименьшем размере пособия. Мы говорим "пособие", а не "заработная плата"; ибо ни рабы, ни свободные работники не получают заработную плату в общепринятом смысле этого термина: то есть работодатель или капиталист платит им из ничего от себя, но предоставляет им часть, обычно очень небольшую часть, доходов от их собственного труда. Свободные работники платят друг другу, ибо труд создает все ценности, и капитал, забирая львиную долю благодаря своей налоговой силе, но выплачивает так называемую заработную плату одному рабочему из доходов от труда другого. Капитал не размножается, но остается неизменным. Его прибыль - это всего лишь его налоговая сила. Люди стремятся стать независимыми, чтобы перестать оплачивать труд; чтобы стать хозяевами, без забот, обязанностей и ответственности хозяев. Капитал осуществляет более совершенное принуждение над свободными рабочими, чем хозяева-люди над рабами: ибо свободные рабочие всегда должны работать или голодать, а рабов содержат независимо от того, работают они или нет. Свободные работники обладают меньшей свободой, чем рабы, им хуже платят и они хуже обеспечены, и у них нет никаких ценных прав. Рабы, обладающие большей фактической свободой, более широким пособием и постоянной защитой, могут пользоваться всеми правами, которые обеспечивают им физический комфорт в любое время и

при любых обстоятельствах. Свободный работник должен быть нанят или голодать, но никто не обязан нанимать его. О рабе заботятся независимо от того, нанят он или нет. Хотя у каждого свободного работника нет определенного хозяина, его потребности и капитал других людей делают его рабом без хозяина или со слишком большим количеством хозяев, что так же плохо, как и отсутствие ни одного. Часто было бы лучше, если бы у него был признанный учитель, а не безответственный и необусловленный.

С этим предметом труда и капитала связаны некоторые поразительные социальные явления, которые, вероятно, будут новыми для большинства наших читателей. Законодатели и философы часто ломают голову себе и другим людям в тщетных дискуссиях о том, как должны устанавливаться налоги, чтобы они падали на богатых, а не на бедных. Это вытекает из нашей теории, согласно которой, поскольку труд создает все ценности, рабочие платят все налоги, а богатые, по словам Геррита Смита, "являются всего лишь проводниками, которые передают их правительству".

Опять же, поскольку только труд создает прибыль капитала и выплачивает ее; увеличивайте и накапливайте капитал, но увеличивайте труд бедных и уменьшайте их вознаграждение. Таким образом, бедняки постоянно куют для себя новые цепи. Прудон приводит известный пример, чтобы доказать и проиллюстрировать эту теорию: арендатор улучшает ферму или дом и увеличивает их ренту; таким образом, его труд становится средством увеличения налога, который он или кто-либо другой должен платить капиталисту. То, что верно в данном случае, верно и для совокупного мирового капитала: его увеличение - это всего лишь повышенный налог на рабочую силу. А. путем торговли или спекуляции получает дополнительный миллион долларов к уже существующему капиталу. Теперь его миллион долларов не принесет никакой прибыли, если в то же время не будет создано достаточное количество нищих рабочих, чтобы выплачивать прибыль компании. После того как они поддержат свои семьи, потребуется тысяча рабочих, чтобы выплатить проценты или прибыль в размере миллиона долларов.

Следовательно, можно в целом считать верным, что там, где страна приобрела миллионера, она тем же способом приобрела тысячу нищих рабочих: при условии, что это было сделано за счет прибыли от внешней торговли или новых ценностей, созданных внутри страны, то есть если это было *добавлением* миллиона к капиталу нации.

Нация берет займы сто миллионов долларов под шесть процентов на сто лет. В течение этого времени он выплачивает в виде налога, называемого процентами, шестикратную сумму ссуженного капитала, а затем возвращает сам капитал. Все это время, что касается процентов, жители этой страны были рабами кредитора. Он распоряжался, а не платил за их труд; его капитал возвращен в целости и сохранности. Абстрактно и согласно справедливости, "использование предмета является надлежащим предметом обвинения только тогда, когда предмет потребляется в процессе использования; ибо это потребление является потреблением труда заимодавца или нанимателя и представляет собой обмен равного количества труда друг на друга.

А., как торговец, юрист или врач, зарабатывает двадцать долларов в день; то есть обменивает каждый день своего собственного труда на двадцать дней труда обычных рабочих, предполагая, что они работают за доллар в день. За двадцать лет он накопил пятьдесят тысяч долларов, инвестировал их и передал своей семье. Без всякого труда он и его наследники, сохранив весь

этот капитал, продолжают с его помощью взимать налог в размере трех тысяч долларов с простых чернорабочих. Он и его наследники теперь ничего не платят за труд, но распоряжаются им. Им нечем платить, кроме своего капитала, который они оставляют себе. (Это эксплуатация или деспотизм капитала, который занял место домашнего рабства и на самом деле является гораздо худшим видом рабства. Отсюда возникает социализм, который предлагает перестроить общество.) Теперь этот капиталист считается в высшей степени достойным за это, а бедные, самоотверженные рабочие, которые действительно создали его капитал и которые выплачивают ему прибыль, считаются презренными, если не преступными. В целом, наиболее достойными считаются те люди, которые живут в величайшем великолепии, затрачивая наименьшее количество труда или вообще без него, и наиболее презренными считаются те, кто больше всего трудится для других и меньше всего для себя. Однако абстрактно такое взаимодействие представляется наиболее правильным, когда люди обмениваются равным количеством труда, несут равное бремя для других, с тем, которое они налагают на них самих. Таково золотое правило Священного Писания, но не общепринятая практика человечества.

"Ценность вещи заключается именно в том, что она принесет" - таков общий торговый принцип человечества. И все же люди возмущаются крайним применением своих собственных принципов и осуждают любое грубое и осязаемое преимущество, получаемое за счет желаний, положения и потребностей других, как *мошеничество*. Но мы должны помнить, что во всех случаях, когда неравные количества труда обмениваются по номиналу, преимущественно получает тот, кто получает взамен большее количество труда, а также потребности, положение и потребности того, кто получает меньшее количество.

Мы говорили, что рабочие платят все налоги, но труд в рабовладельческом обществе является капиталом, поэтому рабочие или рабы не страдают от увеличения налогов; и капиталист или хозяин должен сократить свои собственные расходы, чтобы покрыть дополнительный налог. Капитал не облагается налогом в свободном обществе, но *облагается налогом* в рабовладельческом обществе, потому что в таком обществе труд является капиталом.

Капиталисты и профессионалы могут и делают это за счет увеличения прибылей и сборов, перекладывая все бремя налогообложения на трудящийся класс. Рабовладельцы не могут этого сделать, поскольку уменьшение содержания их рабов снизило бы их ценность и уменьшило бы их собственный капитал.

Наше разоблачение того, что социалисты называют эксплуатацией наемных работников и капитала, как мы знаем, не удовлетворит даже рабовладельцев; ибо, хотя в рабовладельческом обществе такой эксплуатации или несправедливых поборов гораздо меньше, все же слишком многое из этого остается, чтобы было приятно размышлять. Кроме того, наш анализ человеческой природы и человеческих устремлений слишком темен, чтобы его можно было с готовностью принять. Мы должны радоваться, что наша теория опровергнута. Однако мы уверены, что этого никогда не может быть; но столь же уверены и в том, что это подвержено многим модификациям и ограничениям, которые не приходили нам в голову. У нас есть то утешение, что, отвергая как ложные и вредные все системы моральной философии, мы опираемся на Библию, как содержащую единственно верную систему морали. Мы уже пытались привести три примера, в которых оправдание рабства давало новые и дополнительные доказательства истинности христианства. Теперь мы добавим другие.

Общеизвестно, что неверность появилась в мире в широких масштабах только одновременно с отменой рабства и что в настоящее время она ограничена странами, где домашнего рабства не существует. Кроме того, аболиционисты, как правило, неверующие, о чем свидетельствуют их ежедневные речи, съезды и газеты. Там, где нет рабства, умы людей неуравновешенны по всем вопросам, и решительно ни в чем нет веры и убежденности. Их моральный и социальный мир находится в хаотичном и анархическом состоянии. Порядок, подчинение и адаптация исчезли; а вместе с ними и вера в Божество, автора всякого порядка. Часто подчеркивалось, что порядок, наблюдаемый в моральном и физическом мире, является убедительным доказательством существования Божества, создателя этого порядка. Насколько сильно этот аргумент теперь подкрепляется новым фактом, только что впервые выявленным, а именно тем, что разрушение социального порядка порождает всеобщий скептицизм. Простые политические революции мало влияют на общественный порядок и почти не порождают неверности. Было необходимо, чтобы социальные революции, подобные тем, что произошли в Европе в 1848 году, привели к наступлению эпохи неверия; ибо за пределами рабовладельческого общества мы живем именно в такую эпоху.

Если мы докажем, что домашнее рабство в целом является естественным и необходимым институтом, мы устраним величайший камень преткновения для веры в Библию; ибо, хотя тексты, оторванные от контекста, могут быть найдены для любых других целей, невозможно найти ни одного, который хотя бы выступал против рабства. Искаженное и принудительное построение аболиционистами определенных отрывков для этой цели, если бы оно использовалось в качестве общего правила построения, свело бы Библию к простой аллегории, которую можно интерпретировать в соответствии с любым порочным вкусом и злыми целями.

Но мы рассматривали лишь одну сторону человеческой природы, причем ту сторону, которая стала темнее из-за ложных, антагонистических и конкурентных отношений, в которые ставят человека так называемые свобода и равенство.

Человек по своей природе самое социальное и стадное и, следовательно, наименее эгоистичное из животных. В семье мало места, возможностей или искушения для эгоизма — и рабство оставляет лишь малую часть мира без семьи. Человек больше всего любит тех, кто ему ближе всего. Сначала его жена, дети и родители, затем его рабы, затем его соседи и соотечественники. Но его бескорыстие на этом не заканчивается. Он готов и горит желанием покончить с голодом в Ирландии и содрогаются, когда читает об убийстве в "антиподах". Он глубоко сочувствует страданиям домашних животных и становится счастливым, наблюдая за тем, как радуются окружающие его стада, табуны и порхающих птиц. Он сочувствует всей внешней природе. Выжженное поле огорчает его, и он радуется, видя, как вокруг него расцветают рощи, сады и равнины. Все люди - филантропы и при возможности приносили бы пользу своим ближним. Но мы не можем быть уверены, что приносим пользу тем, кого не можем контролировать. Следовательно, все активно хорошие люди амбициозны и хотели бы стать мастерами во всем, кроме названия.

Благожелательность, любовь к тому, что находится снаружи, и склонность испытывать боль или неудобства ради счастья и благополучия того, что находится вне "я", являются таким же универсальным мотивом человеческого поведения, как и простой эгоизм, который представляет собой склонность жертвовать благом других ради нашего собственного блага.

Преобладающая в наши дни философия учитывает лишь половину человеческой природы — и то худшую половину. Наше счастье настолько зависит от счастья и благополучия всего, что нас окружает, что простая эгоистичная философия, такая как политическая экономия, является очень опасным и вводящим в заблуждение руководством.

Мы используем термин "Благожелательность" для выражения наших внешних привязанностей, симпатий, вкусов и чувств; но его недостаточно для выражения нашего значения; он не противоположен эгоизму, а бескорыстие было бы слишком негативным для наших целей. Философия была так занята наихудшей чертой человеческой природы, что даже не нашла названия для этой, ее лучшей черты. Мы должны вернуться к христианству, которое охватывает всю природу человека и, хотя и не является философским кодексом, является чем-то лучшим; ибо оно предлагает провести нас через испытания и хитросплетения жизни не с помощью простых хладнокровных расчетов головы, но с помощью безошибочных инстинктов чистого и возрожденного сердца. Проблема Морального мира слишком обширна и сложна для понимания человеческим умом; и все же чистое сердце спокойно нащупает свой путь через лабиринты, которые запутывают голову.

СНОСКИ:

[1] Моисей демонстрирует свое знание о деспотизме капитала не только тем, что запрещает получать прибыль, но и своим предписанием не позволять освобожденным рабам "уходить пустыми". Второзаконие xv. 13, 14.

"И когда ты отпустишь его свободным от себя, ты не позволишь ему уйти пустым. Ты должен щедро снабжать его из стада твоего, и из земли твоей, и из винного прессы твоего; из того, чем Господь, Бог твой, благословил тебя, ты должен отдавать ему".

Люди без собственности, подверженные неограниченным поборам капитала, находятся в бесконечно худшем положении после эмансипации, чем до. Моисей предотвратил вымогательство капитала, предоставив собственность новому свободному человеку.

ГЛАВА III.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ — ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАВЫКОВ.

"Ценность вещи - это то, что она приносит". Профессионал, который взимает самые высокие гонорары, пользуется наибольшим уважением, а тот, кто занижает плату, оказывается опозоренным. У нас есть друг, который был и, мы верим, останется одним из самых полезных людей в Вирджинии. Он унаследовал независимое наследство. Он получил прекрасное образование и с трудом выбрал почетную профессию. Его успех был велик, а плата очень высока. За несколько лет он сколотил состояние и прекратил работу. Мы изложили ему нашу теорию. Сказали ему, что раньше считали его хорошим человеком и настоящим примером для подрастающего поколения; но теперь он осужден в соответствии с нашей теорией. Наживая свое состояние, он ежедневно обменивал примерно один день своего легкого труда на тридцать дней работы фермером, садовником, шахтером, землекопом, шитьем и другими простыми

тружениками. Его капитал был всего лишь накоплением результатов их труда; ибо общий труд создает весь капитал. Их труд был более необходимым и полезен, чем его, а также более почетным и респектабельным. Более почетные, потому что они были довольны своим положением и своей прибылью и не стремились эксплуатировать, обменивая один день своего труда на труд многих других людей. Быть эксплуатируемым должно быть более похвально, чем эксплуатировать. Они были "рабами без хозяев"; мелкими рыбками, которые были пищей для всех более крупных. Они были опозорены, потому что не хотели практиковать каннибализм; возвысились в мире за счет более прибыльных, менее полезных и менее трудоемких занятий и жили за счет эксплуатации, а не за счет труда. Он, занимаясь каннибализмом успешнее других, приобрел славу и богатство. Это была старая песня — "Саул убил тысячи своих, а Давид - десятки тысяч". Чем больше скальпов мы сможем показать, тем больше нам окажут чести.

Мы сказали ему, что он сколотил свое состояние на эксплуатации мастерства, а теперь живет за счет еще худшей эксплуатации капитала. Работая, он зарабатывал тридцать долларов в день, то есть эксплуатировал или присваивал труд тридцати обычных рабочих и отдавал взамен свой собственный труд, по сути менее ценный, чем любой из них. Но теперь дела у него шли еще хуже. Он использовал свой капитал как силу, чтобы заставить других работать на него — на кого он вообще не работал. Белые рабочие, которые приносили ему доход, или проценты и дивиденды, были им полностью забыты, потому что он даже не знал, кто они такие. Он гораздо лучше обращался со своими неграми-рабами. Это правда, что он присваивал или эксплуатировал большую часть результатов их труда, но он управлял ими и обеспечивал их с почти родительской любовью. Некоторых из них мы знали, кто притворялся непригодным к труду, ему обходилось дорого. Наш друг сначала высмеял нашу теорию. Но постепенно начал понимать его истинность и, будучи чутко добросовестным, был склонен беспокоиться всякий раз, когда затрагивалась эта тема.

Однажды он встретил нас с сияющим от улыбки лицом и сказал: "Я могу объяснить и обосновать вашу новую теорию. Это угнетение и поборы навыков и капитала, которые, как мы видим, постоянно практикуются и которые слишком естественны для человека, чтобы когда-либо прекратиться, необходимы для того, чтобы рассеять население по всему земному шару. Половина плодородных земель мира не присвоена и приглашает к заселению и возделыванию. Большинство мужчин, которые захотят, могут стать собственниками, сменив место жительства. Во многих странах им слишком тесно, и эксплуатация, которая их рассеивает, является благословением. У нас будет достаточно времени обсудить вашу теорию о деспотизме мастерства и капитала, когда весь мир будет плотно заселен, и люди, не имеющие собственности, больше не смогут спастись от притеснений тех, кто владеет собственностью".

Теория нашего друга, безусловно, остроумна и нова, и она далеко идет к доказательству того, что эксплуатация не является абсолютным злом. В исключительных обстоятельствах его благотворное воздействие на счастье и благополучие человека может значительно перевесить его пагубное влияние. Вероятно, так обстоит дело на Севере. Там свободная конкуренция и вытекающее из нее угнетение навыков и капитала более жестоки и активны, чем в любой другой стране. Но через сорок восемь часов рабочие могут сбежать на Запад и стать собственниками. Это благословение для них - быть изгнанными таким образом, и благословение для тех, кто их изгоняет. Эмиграция на Запад избавляет Восток от избыточного населения и обогащает его за счет торговых обменов, которые непосредственно порождает эмиграция. Как исключительная форма общества, мы начинаем думать, что на Севере это очень полезно. Это будет оставаться

хорошим и полезным до тех пор, пока Северо-запад не будет заселен. Тогда, и не раньше, мистеру Грили придет время строить фаланстеры, а Герриту Смит - делить все земли. Мы обнаруживаем, что нам придется защищать как Север, так и Юг от нападков аболиционистов, и все же мы не можем ни на йоту отказаться от нашей теории: "Рабство - естественное и нормальное состояние общества". Ситуация на Севере является ненормальной. Таким образом, в пустынных или горных районах, где можно обрабатывать лишь небольшие участки земли, для этой цели достаточно отца, жены и детей, и рабство было бы излишним.

Чтобы убедиться, что наш читатель поймет нашу теорию, мы приведем длинную выдержку из "Науки об обществе" Стивена Перла Эндрюса из Нью-Йорка. Мы думаем, что он самый способный писатель по моральной науке, которого когда-либо создавала Америка. Хотя он и аболиционист, он не очень плохого мнения о рабстве. Мы искренне верим, что на Севере нет ни одного разумного аболициониста, который не верил бы, что рабство у капитала в свободном обществе хуже, чем рабство у южных негров; но, как и мистер Эндрюс, все они перфекционисты, у которых Утопия на виду:

Я. Предположим, я колесный мастер в маленькой деревне и единственный в своем деле. Вы путешествуете с определенными ценностями в своем экипаже, который ломается напротив моего магазина. На починку кареты уйдет час моего времени. Вы не можете воспользоваться никаким другим средством передвижения, и ваши убытки, если вы не прибудете в соседний город вовремя для отплытия определенного судна, составят 500 долларов, о чем вы упоминаете мне добросовестно, чтобы ускорить мои усилия. Я уделяю час своей работе и чиню карету. Что я имею право взимать по справедливости — каким должен быть *предельный размер цены* на мой труд?

Давайте применим различные показатели и посмотрим, как они будут действовать. Если ценность - это предел цены, то цена часа труда должна составлять 500 долларов. Это эквивалентно ценности труда для вас. Если стоимость является пределом цены, тогда вы должны заплатить мне товар, или товары, или представителя в валюте, который обеспечит меня товарами, требующими часового труда, столь же тяжелого, как починка кареты, без малейшей ссылки на степень выгоды, которую этот труд принес вам; или, выражая иллюстрацию в деньгах, таким образом: предполагая, что двадцать пять центов эквивалентны часовому труду артиста в этой конкретной профессии, тогда, согласно *принципу издержек*, я должен быть оправдан, запрашивая только двадцать пять центов. , но согласно *Принципу ценности*, я должен быть оправдан, запрашивая 500 долларов.

The *Принцип ценности*, в той или иной форме выражения, является, как я уже говорил, единственным признанным, как бы то ни было, принципом торговли во всем мире. "Вещь стоит того, что она принесет на рынок". И все же, если бы я потребовал с вас 500 долларов или четвертую часть этой суммы и, воспользовавшись вашими потребностями, заставил бы вас заплатить их, все обвинили бы меня, бедного колесника, в вымогательстве и негодяе. Почему? Просто потому, что это *необычное* применение принципа. Колесные мастера редко имеют возможность совершить подобную "спекуляцию", и поэтому это не соответствует "установленным торговым обычаям". Следовательно, его явная несправедливость в таком случае шокирует здравый смысл права. Тем временем вы, богатый торговец, ежедневно сколачиваете огромное состояние, ведя бизнес по тому же принципу, который вы осуждаете в the wheelwright, и никто не находит к этому претензий. При каждом дефиците на рынке вы

немедленно повышает цену на каждый товар, который у вас есть. Это ваш *бизнес*, чтобы воспользоваться потребностями тех, с кем вы имеете дело, продавая их *согласно стоимости* к ним, а не *по стоимости* для вас. Вы идете дальше. Вы всеми доступными вам средствами создаете эти предметы первой необходимости, скупая определенные товары и удерживая их вне рынка до тех пор, пока спрос не станет острым, распространяя ложные сообщения о недоборе урожая и используя другие подобные уловки, известные в торговле. В принципе, это то же самое, как если бы колесный мастер сначала вырыл колею, в которой опрокинулась ваша коляска, а затем взыскал с вас 500 долларов.

Однако до сих пор никому не приходило в голову серьезно подвергать сомнению принцип, а именно, что *"Ценность - это предел цены"*, или, другими словами, что *"правильно принимать за вещь то, чего она стоит"*. Именно по этому принципу или максиме теперь утверждается, что ведется вся *честная* торговля, пока не возникнут случаи, когда ее угнетающая деятельность будет настолько вопиющей и отвратительной для морального чувства человечества, что те, кто ею занимается, будут осуждены как мошенники. Таким образом, устанавливается своего рода условное ограничение на применение принципа, который в равной степени является *принципом* любой мошеннической сделки и того, что называется законной торговлей. До сих пор не было сделано открытия, что сам принцип по сути своей порочен, и что в своем бесконечном и всепроникающем разнообразии применений этот порочный принцип является *источником* несправедливости, неравенства условий, ужасающего пауперизма и нищеты, которые характеризуют существующее состояние нашей так называемой цивилизации. Еще менее было сделано открытие, что существует другой простой принцип торговли, который, будучи однажды понят и применен на практике, эффективно исправит все эти чудовищные пороки и введет в человеческое общество господство абсолютного равенства во всех отношениях собственности, в то время как он заложит основы всеобщей гармонии также в социальных и моральных отношениях.

II. Предположим, мне потребуется десять минут труда, чтобы приготовить таблетку, которая спасет вам жизнь, когда ничто другое не спасет; и предположим, в то же время, чтобы упростить дело, что знание ингредиентов пришло ко мне случайно, без труда или *затрат*. Ясно, что ваша жизнь для вас дороже вашего состояния. Имею ли я, в таком случае, право требовать от вас за лекарство все ваше имущество, более или менее? Очевидно, что это так, если *правильно принимать за вещь то, чего она стоит*, что теоретически является высшей этикой торговли.

Вынужденный, с одной стороны, существующей в природе вещей невозможностью установить и измерить положительные ценности или, другими словами, определить, чего *на самом деле стоит* вещь, и частично осознающий очевидную трудность и несправедливость каждого необычного или экстремального применения принципа, что это либо не правило, либо плохое применение, и не руководствующийся знанием какого-либо истинного принципа, выводящего из лабиринта конфликтующих прав, в который ведет ложный принцип, мир практически отказался от попыток совместить Справедливость с коммерцией и понизил свой стандарт морали до утверждения, противоположного принципу справедливости. формула, а именно, что *"вещь стоит того, что она принесет"*; или, другими словами, что при продаже вещи уместно брать за нее все, что за нее можно получить. Таким образом, это то, что называется Рыночной стоимостью товара в отличие от его фактической стоимости. Не являясь более справедливой мерой цены, она, безусловно, имеет большое практическое преимущество перед более пристойным теоретическим утверждением, заключающееся в том, что *is* возможно

экспериментально установить, сколько вы можете заставить людей жертвовать из-за их потребностей. Принцип в этой форме измеряет цену степенью *нужды* со стороны покупателя, то есть тем, что, по его предположению, окажется для него ценностью или выгодой от приобретенного товара по сравнению с тем, с которым он расстанется в сделке. Следовательно, продавец немедленно и постоянно заинтересован в том, чтобы поставить покупателя в состояние как можно большей нужды; "загнать его в угол", как говорят на Уолл-стрит, и заставить его покупать по самой высокой цене. Если он не в состоянии увеличить свою действительную потребность, он прибегает ко всем средствам создания воображаемой потребности путем ложных похвал качествам и использованию своих товаров. Отсюда обычаи опережать рынок, вводить общественность в заблуждение относительно спроса и предложения, рекламировать и надувать никчемные товары и тому подобное, которые составляют существующую коммерческую систему — систему, которая в наш век разлагается и начинает оскорблять ноздри хорошего вкуса не меньше, чем врожденное чувство справедливости, которое, каким бы ужасным оно ни было, ему не удалось полностью уничтожить.

Следовательно, Принцип ценности в этой форме, как и в другой, *ощущается* без четкого понимания как по сути дьявольский, и, следовательно, он снова претерпевает своего рода сентиментальную модификацию там, где *чувство* честности наиболее сильно. Это последнее и высшее выражение доктрины честности, известной сейчас в мире, может быть сформулировано в форме наставительного принципа: "Не будь *слишком* плохим" или "Не копай *слишком* глубоко". Ни один политический экономист, финансист, моралист или религиозный деятель не имеет более определенного стандарта правильности в коммерческих сделках, чем этот. Не будет преувеличением утверждать, что ни политический экономист, ни финансист, ни моралист, ни религиозный деятель сегодня не знают и никогда не знали, что такое быть честным. Религиозный учитель, который от субботы к субботе увещевает своих слушателей быть *честными* в своих отношениях друг с другом и с внешним миром, не знает и за всю свою жизнь не смог бы сказать, сколько он обязан платить своей прачке или домработнице за любую услугу, какую бы они ни оказывали. *Чувство* честности существует, но не хватает *науки* о честности. Чувство стоит на первом месте. Наука должна быть результатом, последовательным развитием чувства. Заповеди христианской морали должны образом относиться к тому, что является душой другого, оставляя интеллектуальному исследованию поиск ее научного дополнения.

Из сказанного следует, что Принцип ценности является коммерческим воплощением существенного элемента завоевания и войны — войны, перенесенной с поля боя на встречную полосу, - что, однако, не менее противоречит духу христианской морали или чувству человеческого братства. В телесном конфликте физически сильный побеждает и подчиняет физически слабого. В торговом конфликте интеллектуально проницательные и могущественные люди побеждают и подчиняют себе тех, кто интеллектуально слаб или чье интеллектуальное развитие не соответствует тому уровню, который позволяет им участвовать в конфликте умов в сфере торговли. С прогрессом цивилизации и развития мы перестали думать, что превосходящая физическая сила дает *право* на завоевание и порабощение. В идее мы вышли из периода физического господства. Однако мы все еще остаемся в периоде интеллектуального завоевания или грабежа. До сих пор не подвергалось сомнению общее положение о том, что человек, обладающий интеллектуальными способностями, превосходящими другие, имеет вытекающее из этого право извлекать выгоду за счет других. Только в крайних случаях признания заключение когда-либо опровергается. Во всей области того, что называется

законными торговыми операциями, не признается никакого другого закона, кроме относительной "сообразительности" сторон, изменяемой в лучшем случае сентиментальным предписанием, изложенным выше.

Внутренняя неправомерность основных аксиом и практики существующей торговли станет очевидной каждому размышляющему уму из предыдущего анализа. Однако, прежде чем отказаться от рассмотрения Принципа ценности, будет уместно немного подробнее проследить некоторые из его конкретных результатов.

Поскольку сам принцип по своей сути незаконен, все плоды этого принципа неизбежно пагубны.

Среди вытекающих из этого последствий можно назвать следующие:

I. *Это делает ложь и лицемерие необходимыми спутниками торговли.* Там, где цель состоит в том, чтобы купить дешево и продать дорого, стороны находят свой интерес во взаимном обмане. Теоретически учат, что "честность - лучшая политика" в долгосрочной перспективе; но на практике торговец быстро обнаруживает, что ему придется умереть с голоду, если он будет действовать в соответствии с предписанием — в краткосрочной перспективе. Честность — даже в той степени, в какой ее можно достичь, — это *не* лучшая политика при нынешней ненаучной системе торговли; если под наилучшей политикой понимать ту, которая ведет к успеху в бизнесе. Профессиональные торговцы достаточно проницательны, чтобы различать свою истинную политику для достижения этой цели, и они не находят ее в полном изложении истины. Умные торговцы хорошо знают этот факт, а добросовестные торговцы сожалеют об этом, но они не видят выхода. Теория торговли, которой обучают невинных юношей в семье пенсионера или в воскресной школе, разорит любого клерка, если его придерживаться за прилавком, за две недели. Следовательно, от него повсеместно отказываются, и в тот момент, когда это наставление должно быть применено на практике, возникает новая система морали. Откровенное раскрытие торговцем всех тайных преимуществ, которыми он обладает, разрушило бы его репутацию проницательного игрока так же эффективно, как и репутацию игрока среди его партнеров. И коммерция, и азартные игры как профессии являются стратегическими системами. Обе стороны сделки стремятся превзойти друг друга - факт, который находит свое беззастенчивое выражение в максиме Общего права, *Caveat emptor* (пусть покупатель позаботится сам).

II. *Это делает богатых богаче, а бедных беднее.* — Поскольку торговля в рамках этой системы является интеллектуальным соответствием занятию головореза или завоевателя при господстве физической силы - следовательно, более сильный накапливает больше, чем ему полагается, ценой уничтожения более слабого — следствием принципа является то, что занятие торговлей для тех, кто обладает интеллектуальным превосходством, при других благоприятных условиях позволяет им накапливать больше, чем их доля богатства, в то время как это снижает интеллектуальное развитие тех, чье именно то, что требуется для данного вида соперничества, и чьи материальные условия менее благоприятны. благоприятный — к убожеству и бедности.

III. *Это создает торговлю ради торговли и увеличивает число непроемчивых, поддержка которых оплачивается рабочей силой.* Поскольку торговля, основанная на этом принципе, создает соблазн незаконной наживы и быстрого обогащения за счет других, она создает торговлю там, где в торговле нет необходимости — не как выгодный обмен товарами

между производителями и потребителями, а как средство спекуляции. Следовательно, тысячи людей отрываются от реального производства и без необходимости вовлекаются в бизнес обмена, взаимно пожирая друг друга в результате конкуренции и извлекая средства к существованию и свое богатство из производящих классов, не оказывая при этом никаких эквивалентных услуг. Отсюда бесконечный ряд промежуточных звеньев между производителем и потребителем, полный крах организации и экономии в распределении продуктов и невыносимое бремя непроизводительных классов на рабочих, а также множество ужасающих результатов пауперизма и преступности.

IV. Это унижает достоинство труда. Поскольку торговля, в соответствии с действием этого принципа, более прибыльна или, во всяком случае, может быть, обещает быть и в части случаев более прибыльна, чем производительный труд, из этого следует, что путь к богатству и социальному отличию лежит в этом направлении. Отсюда "Коммерция - Король", отсюда, опять же, обесценивание производительного труда и презрение к нему. Это имеет такое же отношение к коммерции в наш век — при господстве интеллектуального превосходства, какое сама коммерция имела несколько поколений спустя — при господстве физической силы — к военным достижениям, личным или наследственным. Таким образом, деградация труда и все неисчислимы бедствия, которые следуют за ней в нашей существующей цивилизации, находят свою действительную причину в том же самом ложном принципе обмена продуктами. Следующим этапом прогресса будет установление Справедливости — равенства результатов каждого вида производства в зависимости от нагрузки и, как следствие, возведение труда в высший ранг человеческой оценки. Тогда коммерция опустится до простого брокерства, оплачиваемого, как и любой другой вид труда, в соответствии с его отвратительностью, подобно тому, как армия сейчас опускается до простой полиции. Оно будет сведено к простейшим и наиболее прямым методам обмена и превращено в простейшего слугу производства, которое, в свою очередь, будет рассматриваться как дающее единственно верные патенты благородства.

V. Это исключает возможность научного регулирования спроса и предложения. Уже было показано, что спекуляция является причиной того, что никогда не было и не может быть никакой научной адаптации предложения к спросу. Также было частично показано, в различных точках, что спекуляция, или торговля шансами и колебаниями рынка, имеет свои корни в Принципе ценности, и что Принцип стоимости гасит спекуляцию. Однако в этой связи будет уместно точно определить границы спекуляции и более конкретно указать, как Принцип стоимости создает ее и как Принцип издержек ее гасит.

На обычном языке торговли под спекуляцией понимаются рискованные и необычные предприятия, затеваемые ради получения более чем обычной прибыли, и в этом смысле среди торговцев ей придается легкий оттенок обвинения в нечестности или поведении, вызывающем дурную репутацию. Однако, поскольку сейчас мы стремимся использовать язык точным и научным образом, мы должны найти более точное определение этого термина. Грань между обычной и неординарной прибылью слишком размыта для научного трактата. На одном конце длинной череды азартных игр и операций с получением выгоды стоит азартная игра, которая осуждается общим вердиктом человечества как всего лишь более благовидная форма грабежа. Это имеет такое же отношение к грабежу как дуэль к убийству. Где другой конец этой последовательности? В какой момент человек начинает получать неоправданное преимущество над своим ближним в коммерческой сделке? Из всего, что было показано, ясно следует, что он делает это с того момента, как получает от него больше, чем точный эквивалент

стоимости. Но это постоянное стремление каждого трейдера, основанное на любом другом принципе, кроме принципа затрат, делать это. Бизнес коммерсанта заключается в получении прибыли. *Прибыль* этимологически означает *нечто, сделанное сверх*, то есть нечто, превосходящее эквивалент, или, в самом простом выражении, *что-то даром*.

Таким образом, ясно, что нет разницы между извлечением прибыли в ее самой мягкой форме, спекуляцией в ее порочащем смысле как средним термином и азартными играми как высшим, кроме как в степени. Существует просто плохая градация рангов, которая существует между рабовладельцем, погонщиком на плантации рабов и работоторговцем, или между человеком удовольствий, шлюхой и сутенером.

Филантропия нашего времени движет небо и землю к свержению института рабства. Но у рабства нет научного определения. Считается, что оно заключается в черте подвижности; но изобретательный юрист пробежался бы пером по каждому существующему закону о рабстве и вычеркнул бы эту фикцию закона, и все же оставил рабство, для всех практических целей, именно таким, каким оно является сейчас. Ему нужно только воспользоваться услугами человека в силу закона, а не самим человеком. Таким образом, единственное различие, оставшееся между его положением и положением рабочего, у которого отнимают ложные коммерческие принципы, будет заключаться в том, что угнетение будет более ощутимым и нескрываяемо унижающим его мужественность.

Если при какой-либо сделке я получаю от вас какую-то часть вашего заработка без эквивалента, я начинаю делать вас своим рабом - конфисковывать вас для своих нужд; если я получаю большую часть ваших услуг без эквивалента, я делаю вас еще большим моим рабом; и, наконец, если я получаю все ваши услуги без эквивалента - за исключением средств поддержания вас в рабочем состоянии ради меня самого, я делаю вас полностью моим рабом. Рабство — это всего лишь одно из проявлений общей системы угнетения человека, для которой в английском языке нет исчерпывающего термина, но которую французские социалисты называют *эксплуатацией* - прямым или косвенным изъятием у трудящихся классов плодов их труда. В случае с рабом инструментом этой абстракции является сила и правовые акты. В случае рабочего, как правило, это спекуляция в широком смысле, или *получение прибыли*. Следовательно, после научного анализа будет обнаружено, что рабовладелец относится к торговцу так же, как флибустьер относится к черноному. Это вопрос вкуса, которым восхищаться больше: дерзкой отвагой одного или маслянистыми и интригующими наклонностями и выступлениями другого.

ГЛАВА IV.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ.

Подобно тому, как индивиды, обладающие навыками или капиталом, эксплуатируют или заставляют других членов того же сообщества работать на них бесплатно или за неоправданное вознаграждение, точно так же нации, обладающие этими преимуществами, эксплуатируют другие нации, с которыми они торгуют, но у которых их нет.

Англия ссужает, скажем, пятьсот миллионов долларов правительствам и частным лицам в Америке. Через сто лет она заберет у нас в виде процентов сумму, в шесть раз превышающую взятую займы или авансированную, и по истечении этого срока она заберет саму основную сумму долга. Мы платим Англии налог в размере по меньшей мере трех тысяч миллионов долларов в течение столетия, поскольку ее ссуды нам, вероятно, даже превышают предполагаемую сумму. До такой степени она распоряжается результатами нашего труда и не дает нам взамен ни цента из результатов своего труда, поскольку ее основная сумма, взятая займы, представляет ее труд, и мы возвращаем ее в целостности и сохранности. В этом смысле мы ее рабы — "рабы без хозяев", ибо она командует нашим трудом и наслаждается им, и у нее нет никаких обязательств хозяина — защищать нас и обеспечивать нас.

Ее превосходное мастерство в механическом искусстве посредством свободной торговли облагает нас налогами или эксплуатирует не меньше, чем ее капитал. Она обменивает свой сравнительно легкий и умелый труд на наш тяжелый, незащищенный и неинтеллектуальный труд; и, как правило, заставляет нас работать на нее три часа, в то время как она работает на нас один. Таким образом, за вычетом стоимости материала ярд ее ткани будет обменен на количество нашего хлопка, кукурузы или мяса, производство которых стоило в три раза больше труда, чем ее ярд ткани.

Как и в обществе, умелые и профессиональные работники облагают налогом или эксплуатируют простого рабочего, обменивая один час своего легкого труда на многие тяжелые работы обычного рабочего; как юристы, врачи, торговцы и механики имеют дело с поденщиками, так Англия и Новая Англия относятся к нам, жителям Юга. Эта теория, и только она, объясняет способность Англии выплачивать проценты по своему национальному долгу и в то же время увеличивать свое богатство. Она добивается всего этого за счет огромных прибылей от эксплуатации своего мастерства и капитала; за счет власти, которую они дают ей командовать трудом и присваивать его результаты без оглядки или за очень частичную плату. Она торгует со всем миром и эксплуатирует все, кроме Франции. Франция задает моду, и это позволяет ей эксплуатировать Англию. Англия в своей торговле с Францией вынуждена платить за французскую моду так же, как и за французскую рабочую силу. Другими словами, Франция обладает превосходным мастерством и с его помощью эксплуатирует Англию. Справедливым мерилom ценностей является труд, а не мастерство.

Америка отправляет свой хлопок, излишки зерна, мяса и другие сельскохозяйственные продукты, а также свое калифорнийское золото в Англию и взамен не получает ничего; ибо если бы она была вынуждена производить дома то, что она получает из Англии, она должна была бы заниматься тысячами искусных и интеллектуальных занятий, вместо того чтобы быть, как это слишком часто бывает, прикованной к грубой рутине обычного труда. Южные штаты этого Союза подвергаются эксплуатации их труда и их мозгов в торговле с Англией и Новой Англией. Они не производят ничего такого, чего мы не могли бы лучше производить дома. Северная торговля эксплуатирует нас. Торговля дальше на Юг обогатила бы нас и просветила, поскольку мы производили бы продукцию для крайнего Юга. Мы должны были бы стать эксплуататорами, а не быть эксплуатируемыми.

Когда мы были в Нью-Хейвене, один выдающийся аболиционист хвастался нам, что механики получают за свой труд два доллара в день и благодаря своей торговле с Китаем обменивают продукты одного дня труда на двадцатидневный труд китайцев, которые работают за десять

центов в день. Механик из Новой Англии, таким образом, был хозяином двадцати китайских рабочих, чьим трудом он распоряжался в течение одного своего рабочего дня. Это был пример индивидуальной, а не национальной эксплуатации. Вполне возможно, что Китай боится свободной торговли. Это дает ей надсмотрщиков, которые разоряют ее народ и угнетают ее цивилизацию; ибо они своими машинами и превосходным мастерством отвлекают ее народ от тысячи механических занятий, которые способствовали развитию цивилизации.

В социологии мы объясняли этот предмет синтетически: сейчас мы попытались изложить его аналитически.

ГЛАВА V.

ЛОЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ.

Моральная философия нашего времени (этот термин мы используем в общем смысле, включающем политику, Этику и экономику, бытовую и национальную) выводится из существующих отношений людей друг к другу в свободном обществе и пытается объяснить, оправдать, обобщить и регулировать эти отношения. Если эта система общества неверна, а ее отношения ложны, то философия, проистекающая из нее, должна разделить ее ошибочность и фальшивость. С другой стороны, если наша нынешняя философия верна, то рабство должно быть неправильным, потому что эта философия находится в состоянии войны с рабством. Успешная защита рабства невозможна до тех пор, пока мы не преуспеем в опровержении или признании недействительными принципов, на которые опирается свободное общество в качестве поддержки или защиты. Мир, однако, устал от своей философии, а социалисты не оставили ему опоры. Фактически, это, во всех своих разветвлениях, простое расширение и применение Политической экономии, а Политическую экономию можно резюмировать фразой "Laissez-faire" или "Не говоря уже". Система абсолютного эгоизма пронизывает все разделы этической, политической и экономической науки и отличает их друг от друга. Эта философия отчасти верна, потому что эгоизм, как правило действий и руководство к поведению, необходим для существования человека и всех других животных. Но это не должно быть, особенно для человека, единственным правилом и ориентиром; ибо он по своей природе в высшей степени общителен. Его желания, его слабость, его аппетиты, его привязанности заставляют его смотреть вовне и за пределы "я", чтобы поддерживать "я". Орел и сова, лев и тигр ведут не стадный образ жизни, а уединенный и самодостаточный. Они практикуют политическую экономию, потому что это соответствует их природе. Но люди и бобры, стада, пчелы и муравьи нуждаются в другой философии, в другом руководстве к поведению. Библия (независимо от ее авторитета) является лучшим руководством для человека даже в этом мире. Рядом с ним мы бы поместили Аристотеля. Но все книги, написанные четыреста или более лет назад, способны дать полезные инструкции, в то время как книги, написанные с тех пор, как правило, вводят в заблуждение. Мы имеем в виду, конечно, книги по моральной науке. Мы не преувеличим, сказав, что ни одна книга по физике, написанная более четырехсот лет назад, не стоит того, чтобы ее читать, и ни одна книга по морали, написанная за это время. Реформация, принесшая много практической пользы, породила ложную философию, которая росла и разветвлялась вплоть до наших дней, а теперь угрожает ниспровержением всех социальных институтов. Право

на частное суждение привело к появлению доктрины об индивидуальности человека и Общественному договору об ограничении этой индивидуальности. Отсюда также возникли доктрины невмешательства, свободной конкуренции, равенства людей, свободы религии, слова и печати и всеобщей свободы. Право на личное суждение, вполне естественно, ведет к праву действовать в соответствии с этим суждением, к верховному суверенитету личности и отречению от всякого правительства. Без сомнения, Реформация явилась результатом ослабления феодализма и возросших свобод ума и тела, которыми люди начали наслаждаться. Мы не ссоримся ни с Реформацией как таковой, поскольку реформа была необходима; ни со всей философией, которая была выведена из нее; но мы возражаем против чрезмерности реформ и чрезмерного применения этой философии. Человек не только социален, но и эгоистичен; он рождается частью общества, рождается и живет рабом общества; но у него также есть естественные индивидуальные права и свободы. Каковы его обязательства перед обществом, каковы его личные права, на какое положение он имеет право, какие обязанности он должен выполнять, зависит от тысячи постоянно меняющихся обстоятельств, от желаний и способностей индивида, а также от потребностей и благополучия общества, к которому он принадлежит. Современная философия рассматривает людей только как отдельные монады или индивиды; следовательно, это всегда отчасти ложно, а отчасти верно; потому что, хотя человек всегда является частью Существа, Общества, он также является самим Существом и не имеет к обществу того простого отношения, которое рука или нога имеет к человеческому телу. Мы не будем предлагать никакой новой философии, никаких универсальных и безошибочных принципов или руководств взамен тех, на которые мы нападаем. Моральная патология, которая чувствует свой путь в жизни и приспосабливается к обстоятельствам, какими они представляются, - это ближайший подход к философии, который либо безопасен, либо мудр. Все остальное должно быть предоставлено религии, Вере и Провидению. Эта неадекватность философии во все века и у всех народов заставляла людей полагаться на религиозную веру в качестве опоры. Подвергая критике все общепринятые теории, мы всего лишь даем смелое и откровенное выражение самым распространенным мыслям. Всеобщее восхищение отрывками, которые мы собираемся процитировать, доказывает истинность нашей теории, хотя и лишает нас всяких претензий на оригинальность:

Соломон, меланхоличный, мрачный, неудовлетворенный, брошенный в море бесконечных сомнений и спекуляций, восклицает: "Суета сует, - говорит Проповедник, - все суета". Но, в конце концов, он находит отдохновение от бурного океана философии в спокойной гавани веры. Как прекрасны и утешительны, и как естественны его прощальные слова:

"Давайте выслушаем заключение по всему делу: бойтесь Бога и соблюдайте его заповеди, ибо в этом весь долг человека".

"Ибо Бог предаст суду всякое дело со всеми тайнами, будь то доброе или злое".

В своей Десятой, или Золотой сатире, Ювенал приходит к аналогичному выводу после того, как предался подобным размышлениям:

Nil ergò optabunt homines? Si consilium vis,
Permittes ipsis expendere numinibus, quid

Conveniat nobis, rebusque sit utile nostris.
Nam pro jucundis aptissima quæque dabunt diis
Carior est illis homo, quàm sibi.

Эпикурейец Гораций в своей первой сатире видит ту же трудность, но предлагает менее удовлетворительное решение:

Est modus in rebus; sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.

Прекрасные слова Берка: "Какие мы тени и за какими тенями мы гонимся!" - передают ту же мысль, не пытаясь найти решение.

Шекспир использует глубочайшую философию, чтобы напасть на всю философию:

- На небе и на земле есть больше вещей,
Горацио, чем может присниться твоей философии.

Безбожник Вольтер признает, что "философия установила мало истин, принесла мало пользы"; и когда он резюмирует это немногое, читатель убеждается, что она ничего не сделала — разве что поставила в тупик и ввела в заблуждение.

Он, Вольтер, также, в другой связи, скорбно восклицает:

"Теперь я повторяю это признание еще более решительно, поскольку чем больше я читаю, чем больше размышляю и чем больше приобретаю, тем больше я могу утверждать, что я ничего не знаю".

Ньютон, признающий собственное невежество, является постоянным памятником неадекватности и тщетности моральных исследований и спекуляций.

Пиндар—

Человек, бренное существо дня,
Неопределенная тень мечты,
Озаренный небесным лучом,
Уносит прочь свою воздушную жизнь.

Эсхил—

Тщетен твой пыл, тщетна твоя милость,
ни силой, ни помощью Они не отплатят;
Как сон, слабая раса человеческая,
Однодневные рептилии.

Софокл—

Грустно думать, но фарс жизни убеждает меня,
Что люди - всего лишь призрачные формы или пустые тени.

Аристофан—

Придите же, вы, сонм угасающих жизней, подобных расе увядающих листьев,
Которые живут одним днем, создания из глины, племена, уносящиеся прочь подобно теням;
Эфемерные, бескрылые насекомые, призрачные формы, которых смерть, как ожидается,
Вскоре свяжет в призрачные снопы.

Мы завершим наши цитаты, которые могли бы продолжать до конца (ибо все, кто хорошо и много писал, предавались подобным размышлениям), "Расселасом" доктора Джонсона, который призван расширить и применить то, что другие кратко и лаконично изложили. "Доктор" - тщательно продуманный провал.

Философия не может ни объяснить прошлое, ни понять настоящее, ни предвидеть будущее. "Я ничего из этого не буду делать".

ГЛАВА VI.

СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ, МОДА И ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ.

Свобода и политическая экономия порождают и поощряют свободную торговлю, как между разными населенными пунктами и разными нациями, так и между жителями одних и тех же городов, районов или наций. Нации, обладающие наибольшим мастерством и капиталом, коммерческой предприимчивостью и хитростью, постепенно поглощают богатства тех наций, которые обладают меньшим количеством этих качеств. Результатом международной свободной торговли, которой способствуют возможности кредитной системы, почты и скоростного парового сообщения, является централизация богатства в нескольких крупных городах, таких как Нью-Йорк, Париж и Лондон; а социальной свободной торговли - сосредоточение богатства в нескольких руках в этих городах. Теоретически, различия в проницательности, навыках и деловых способностях между нациями и отдельными людьми в коммерческой войне умов ограбили бы слабых и простых и обогатили сильных и хитрых. Исторические факты и растущее неравенство в социальном, индивидуальном и национальном богатстве в условиях системы свободной торговли, стимулируемой политической экономией, соответствуют этой теории. Каждый месяц рождает своего миллионера, и каждый день - тысячи новых нищих. Нью-Йорк и Лондон быстро богатеют на плодах торговли, которая грабит менее коммерческих и умелых людей, которые имеют с ними дело.

Но наихудший эффект свободной торговли заключается в том, что она порождает центры общественного мнения, мысли и моды, лишает людей их национальности и подрывает их патриотизм, приучая их подражать иностранным манерам, использовать иностранную одежду и

мнения и презирать то, что является домашним. Париж, как центр мысли и моды, обладает такой же властью и зарабатывает почти столько же денег, сколько Лондон, являясь центром торговли и капитала. Американец или англичанин даст пять цен за изделие, потому что оно сделано в Париже. Таким образом, недостаток истинного самоуважения в Америке и Англии заставляет рабочую силу производить в Париже больше, чем где-либо еще. Житель Вирджинии считает позором быть одетым в домашнюю одежду, потому что домашняя одежда немодна. Француз гордится тем, что он француз; все остальные люди кажутся космополитами.

Тенденция всего этого состоит в том, чтобы перенести все богатства в Лондон, Нью-Йорк и Париж и свести цивилизацию христианского мира к жалкой копии французской цивилизации, которая сама по себе является безразличной копией римской цивилизации, которая была имитацией, но отличалась от греческой.

Мы ежемесячно платим миллионы за французские шелка, французские вина, французский бренди и французские безделушки, хотя можем производить и производим дома такие же удобные предметы одежды и такие же хорошие ликеры. Но мы презираем себя и восхищаемся французами, и отдаем четыре часа американского труда за один французский труд, просто чтобы быть в моде. А какова наша мода? Относиться с презрением ко всему американскому. Люди, поступающие таким образом, справедливо заслуживают того презрения, которое они испытывают к себе со стороны других, и сталкиваются с ним. Каждое маленькое государство Греции имело свой диалект, культивировало его и гордилось им. Сейчас диалекты стали вульгарными и провинциальными. У нас не будет таких людей, как греки, до тех пор, пока манеры, одежда и диалект джентльменов не выдадут, подобно европейским винам, того, откуда они родом. Так думал мистер Кэлхун и говорил на диалекте Южной Каролины в Сенате. Но, несмотря на все это, это был лучший английский на тот момент. Привкус провинциализма придавал ему более высокий колорит.

Мы, южане, преподаем политическую экономию, потому что ее преподают в Европе. И все же политическая экономия и все другие системы моральной науки, которые мы заимствуем из Европы, запятнаны упразднением и находятся в состоянии войны с нашими институтами. Мы должны создавать центры торговли, мысли и моды у себя дома. Мы должны стать национальными, нет, провинциальными, и перестать быть космополитами-имитаторами. Особенно нам нужны хорошие колледжи и университеты, где молодые люди могли бы научиться восхищаться своими домами, а не презирать их.

Юг чувствует истинность всего этого и через некоторое время начнет понимать это. В течение многих лет она серьезно и активно занималась *продвижением* исключительной и протекционистской политики и проповедовала свободную торговлю, невмешательство правительства и "оставление в покое". Но она этого не оставляет в покое. Она строит дороги и каналы, поощряет образование, финансирует школы и колледжи, улучшает речное судоходство, исключает или облагает высокими налогами иностранных артистов шоу-бизнеса, иностранных разносчиков, продавцов часов и т. Д.; Пытается законодательно стимулировать торговлю на Юге и законодательством штата, чтобы умножать и поощрять промышленные занятия. Защита со стороны правительства штата — это ее установленная политика, и это единственная целесообразная или конституционная защита. Ей пора признать, что она изменила политику и мнение, и бросить Адама Смита, скажем, Рикардо и Компанию, в огонь.

Нам нужны американские обычаи, привычки, манеры одеваться, мануфактуры, способы мышления, выражения и язык. Мы должны поощрять национальные и даже государственные особенности; ибо существуют особенности и различия в желаниях и положении всех людей, которые требуют провинциальных и национальных, а не космополитических институтов и производств. Возьмем, к примеру, язык. Это явление естественного роста и развития, которое естественным образом приспособляется к изменениям времени и обстоятельств. Он никогда не бывает безграмотным, как говорят дети, но всегда выразителен, практичен и естественен. Природа всегда грамматична, и язык, дитя природы, оставался бы таким же, если бы не грамматисты, которые своими прокрустовыми правилами нарушают ее пропорции, уничтожают ее разнообразие и адаптацию и замедляют ее рост. Выражаясь языком, они - то же самое, что стоматологи для зубов: они чаще повреждают их, чем улучшают.

Грамматика, лексикография и риторика, применяемые к языку, разрушают его рост, разнообразие и приспособляемость - стереотипизируют его, сразу же превращают в мертвый язык, непригодный для использования в будущем; новые местности, изменения времени и обстоятельств порождают новые идеи и требуют новых слов и новых сочетаний слов. Централизация и космополитизм имеют точно такой же эффект. Они обеспечили бы общий язык из центра, который является полностью выразительным и всеобъемлющим только в этом центре. Ходьба и разговор одинаково естественны, а мастера говорить и мастера ходить одинаково бесполезны. Ни тот, ни другой не могут предвидеть и предусмотреть тысячи новых обстоятельств, которые делают необходимым изменение языка или разновидностей движений. Природа никогда не растеряется и является единственным надежным мастером танцев и преподавателем грамматики. Она всегда грациозна и уместна, и всегда готова адаптироваться к изменениям времени, ситуации и обстоятельств.

Париж становится универсальной моделью и грамматикой христианского мира; ничто не является правильным, если это не парижанка. По правде говоря, ничто не может быть правильным, естественным, уместным или соответствовать хорошему вкусу за пределами Парижа, то есть Парижанки. Когда наш обезьяноподобный мир перестанет жертвовать миллионами денег, перестанет демонстрировать отсутствие здравого смысла и пристойности и перестанет выставять себя на посмеище, подражая тому, что по природе вещей является неподходящим, неуместным и противоестественным? Мода, поддерживаемая свободной торговлей и централизацией, подчиняет нас господству парижской мысли; а коммерция, посредством тех же самых агентств, делает нас данниками Лондона. Торговля и мода побеждают быстрее, чем оружие.

После того, как римляне завоевали Грецию, Афины стали школой и центром мысли цивилизованного мира. У людей был только один набор идей, но один набор образцов для подражания во всем спектре изящных искусств. Изобретательность и оригинальность исчезли, а гениальность была подавлена. Правило Горация "*Нуллиус аддиктус в словах магистра юриспруденции*" было признано, и люди перестали думать самостоятельно, но обратились к общему источнику мысли в Афинах; где учителя человечества заимствовали все свои идеи из прошлого. Совершенствование и прогресс прекратились, и имитация, приковывающая предшествующее отправление к машине прошлого, вскоре привела к быстрому регрессу. Таким образом, мы считаем, что централизация мышления привела к упадку цивилизации. Северные захватчики привнесли новые идеи, разрушили централизацию, пресекли подражание и породили оригинальность и изобретательность. Таким образом, было положено начало новой

христианской цивилизации. Теперь централизация, вызванная торговлей и модой, угрожает ниспровержением нашей цивилизации, как оружие и завоевания ниспровергли древнюю.

Пагубное влияние централизации мысли, будь то прошлое или какая-либо местность в настоящем, очевидно в искусстве и литературе латинских народов Европы. Франция, Испания и Италия, хотя и обладали большим гением, проявили меньше оригинальности, чем Англия и Германия. Французское искусство - это всего лишь переделка римского искусства, и оно сильно уступает своему оригиналу. Естественный рост, изменения и адаптация языка превосходно описаны Горацием в его книге *"О поэтическом искусстве"*. Однако он допускает большую ошибку, советуя заимствовать образующие и составные слова из греческого языка; ибо сам недостаток, порождающий новые слова, показывает, что они не могут быть восполнены из прошлого. В отрывке, который мы собираемся процитировать, он, кажется, видел и сожалел о наступлении той эпохи правления и критики, которая должна была стереотипизировать язык, мысль, само искусство, препятствовать прогрессу и положить начало упадку. Со времен Горация правила критика, язык и искусство были стереотипными, а мир приходил в упадок:

"Dixeris egregiè, notum si callida verbum,
Reddiderit junctura novum: si fortè necesse est
Indiciis monstrare recentibus abdita rerum,
Fingere cinctutis non exaudita Cethegis
Continget; dabiturque licentia sumpta pudenter;
Et nova fictaque nuper habebunt verba fidem, si
Græco fonte cadant, parcè detorta. Quid autem
Cæcilio, Plautoque dabit Romanus, ademptum
Virgilio, Varioque? ego cur acquirere pauca
Si possum, invideor; cùm lingua Catonis et Ennî
Sermonem patrium ditaverit, et nova rerum
Nomina protulerit? Licuit, semperque licebit
Signatum præsentis notâ procudere nomen.
Ut silvæ foliis pronos mutantur in annos,
Prima cadunt; ita verborum vetus interit ætas,
Et juvenum ritu florent modò nata, vigentque."

Италия средних веков вобрала в себя больше христианского и рыцарского элемента, отбросила на время подражание прошлому и раболепие перед ним и блистала блестящей оригинальностью во всех произведениях искусства. Но она, как и Франция, скатилась к подражанию античному и стоит намного ниже римского или средневекового искусства. С эпохой Сервантеса испанский гений угас. Его веселая насмешка изгнала нелепости странствующего рыцарства, но, к сожалению, в то же время изгнала новые элементы мышления, которые христианство и рыцарство привнесли в современную литературу. Они были его единственными прогрессивными элементами среди латинских народов Европы, которые во всем остальном были простыми римлянами.

"Телемак" Фенелона - раболепное подражание "Энеиде" Вергилия, а та - столь же раболепное подражание Гомеру. Каждая копия ниже оригинала.

Ничто так сильно не свидетельствует об отсутствии оригинальности и независимости вкуса и мышления у этих латинских народов, как их презрение к Шекспиру. Он нарушает все правила греческого и римского искусства и воздвигает свое собственное искусство более высокого уровня; но французы, итальянцы и испанцы не имеют вкусов и идей, отличающихся от древних или опережающих их, и не могут ни понять, ни оценить гений Шекспира. В Германии его читают и им восхищаются почти так же, как в Англии.

Массам подходят имитация, грамматика и рабство. Свобода и невмешательство, гениальные люди и люди, рожденные командовать. Гениальность в ее самых непредсказуемых проявлениях представляет собой более высокую Грамматику, чем доктор Блэр или Линдли Мюррей, — грамматику прогрессивного характера. Чтобы обеспечить истинный прогресс, мы должны освободить гениев и заковать в цепи посредственность. Свобода для немногих — Рабство, в любой форме, для массы!

Правила искусства разрушают искусство. Гомер никогда не смог бы создать "Илиаду", если бы изучал грамматику, риторику и критику. Это хорошо для мира, что он жил до Лонгина. Еврипид, Софокл и Аристофан, а также греческие мастера скульптуры и живописи ничего не знали о правилах искусства и канонах критики. Без современной помощи искусству греческое искусство настолько превзошло наше, что существует популярная теория о том, что они обладали Идеалом, который был утрачен. В начале существования Римской империи риторы, пытаясь обучать красноречию по правилам, настолько исказили его, что императоры сочли необходимым изгнать их из Рима.

Изобретением готической архитектуры мы, без сомнения, обязаны невежеству древних. Никто, кого учили благоговеть перед греческой архитектурой, не нарушил бы ее правил, подражая готике.

Когда примерно во времена Реформации изучение древних было возрождено, каждый готический шпиль останавливался на полпути к небесам. Средневековое искусство ушло в прошлое: — и теперь в мире нет искусства, но есть подлое копирование прошлого.

Если бы Шекспир был таким же образованным, как Бен Джонсон, он написал бы не лучше Бена Джонсона. Возвышенный гений Мильтона создал бы славный английский эпос, если бы он не слишком много путешествовал за границей и не слишком много жил прошлым. "Потерянный рай" - это великолепная мозаика, составленная из фрагментов греческой и римской мифологии, древнееврейской теологии, христианской морали, средневековой романтики, действие которой происходит на чистейшем англосаксонском языке, скрученном в латинские словосочетания. Это песня птицы-пересмешницы.

Что же тогда? Не должны ли мы в детстве побывать в Афинах и Риме, а в зрелом возрасте отправиться во Францию и Италию?

Est modus in rebus. Изучайте прошлое, но будьте осторожны, чтобы не копировать его, и никогда не выезжайте за границу, пока с возрастом не созреет ваша любовь и уважение к родной земле.

ГЛАВА VII.

МИРОМ СЛИШКОМ МАЛО УПРАВЛЯЮТ.

Независимо от того, руководствуются ли они разумом или инстинктом,
Все пользуются той властью, которая им больше всего подходит;
Порядок — это первый закон Небес, и, по общему признанию,
некоторые превосходят и должны быть выше остальных -
богаче, мудрее; но тот, кто делает отсюда вывод,
Что такие счастливее, шокирует всякий здравый смысл.
Мы признаем, что Небеса к человечеству беспристрастны,
Если все равны в своем счастье;
Но взаимно хотим, чтобы это счастье увеличивалось,
Все природные различия сохраняют мир всей природы:
Условие, обстоятельство - это не главное;
Блаженство одно и то же, в подданном или в короле!

Папаримский.

Толпы, тайные ассоциации, страховые компании, социальные и коммунистические эксперименты являются яркими чертами и характеристиками наших дней, за пределами рабовладельческого общества. Все они пытаются восполнить недостатки обычных правительств, которые дошли до практики "Оставь в покое" так далеко, что одной трети человечества оставлено в покое заниматься такой преступной аморальностью, какой им заблагорассудится, а другой трети - умирать с голоду. Толпы (*вид* Калифорнии) восполняют недостатки несовершенной полиции, а страховые компании и добровольные союзы и ассоциации обеспечивают ту безопасность и покровительство, которые правительство под руководством политической экономии перестало оказывать.

Несколько дней назад одна дама заметила нам: "то общество было подобно армии, в которой низшие офицеры были так же необходимы, как и главнокомандующий. Деморализация и неподчинение возникают, если вы отказываетесь от сержантов и капралов в армии, и те же последствия возникают, если вы отказываетесь от опекунов, хозяев и глав семей в обществе". Мы не знаем, включала ли она дам в свои представления о главах семейств; протестуя против такого построения ее языка, мы принимаем и благодарим ее за иллюстрацию. Преподобный Неемия Адамс высказывает аналогичную мысль в своей замечательной работе "Взгляд на рабство с южной стороны", которой, к нашему сожалению, нет перед нами. На каком-то общественном мероприятии в Чарльстоне он был поражен хорошим порядком и отсутствием всякого разгула и очень наивно спросил, где их банда. Ему сообщили, что "они были на работе". Он сразу понял, что рабство - замечательный полицейский институт, и очень мудро морализировал по этому поводу. Рабство — незаменимый полицейский институт, особенно для того, чтобы сдерживать жестокость и тиранию порочных мужей и родителей. Мужья и родители обладают, в теории и на практике, властью над своими подданными более деспотичной, чем короли; а невежественные и порочные люди осуществляют свою власть более жестоко, чем короли. Не каждый мужчина достоин быть королем, но у всех должны быть жены и дети. Поставьте над ними господина, чтобы обуздать их власть, и нам не нужно будет прибегать к

противоестественным средствам защиты прав женщин, ограниченным бракам, добровольным разводам и свободной любви, как предлагают аболиционисты.

М-р Карлайл говорит: "Среди практичных людей преобладает идея, что правительство не может делать ничего, кроме "поддержания мира". Они говорят, что все высшие задачи небезопасны для него, невозможны для него и, в конце концов, не нужны ни ему, ни нам. Поистине, давно пора покончить с той же прекрасной идеей отсутствия правительства. Мир ежедневно мчится к крушению, пока оно длится. Если вашему правительству суждено стать организованной анархией, какие у него могут быть проблемы? Наш собственный интерес к такому правительству заключается в том, чтобы оно было достаточно любезно остановиться и идти своим путем до неизбежного крушения".

Читатель, да простит нас за то, что мы так часто приводим мысли и слова других людей. Мы делаем это не только ради их авторитета, но и потому, что они выражают наши собственные мысли лучше, чем мы можем выразить их сами. По правде говоря, мы излагаем свои мысли, факты и аргументы тем нерегулярным и отрывочным способом, которым мы их приобрели. Мы не являемся обычными учеными — не шли ни по "королевскому пути к математике", ни к чему-либо еще. Путем наблюдений и отрывочного чтения мы отбросили нашу информацию на второй план и попытались упорядочить, обобщить и переварить ее для себя. Научиться "забывать" - это почти единственное, чему мы с таким трудом научились. Вся жизнь нам так надоедали друзья с плохими воспоминаниями, которые никогда не переваривают прочитанное, потому что никогда этого не забывают, которые сохраняют в своих интеллектуальных желудках в грубой, сырой, непереваренной и неусвоенной форме все, что они читают, и продают и повторяют это в такой непереваренной форме каждому добродушному слушателю: мы повторяем, что нам так наскучили друзья с хорошими воспоминаниями, что мы решили попытаться выразить то, что было полезным, из фактов, а затем выбросить факты. Отличная память - это заболевание ума, которое, как мы удивляемся, никто из медицинских писателей не заметил. Сумасшедший дом должен позаботиться о тех, кто страдает этим заболеванием; ибо, хотя они и менее опасны, они доставляют гораздо больше хлопот и раздражения, чем любой другой класс сумасшедших. Обучение, наблюдение, чтение полезны только в целом, поскольку они способствуют развитию ума. Непереваренные и незабытые, они могут оказывать такого эффекта не больше, чем непереваренная пища в желудке страдающего диспепсией может улучшить его физическое состояние. Когда-то мы думали, что это было оригинально для нас, но обнаружили, что Сэй преследовал этот план при написании своей Политической экономии. Сначала он прочитал все книги по этому предмету, какие смог достать, а затем потратил время на то, чтобы забыть их, прежде чем начал писать.

Мы пока не будем больше утруждать читателя нашим эгоизмом или нашими аргументами, а отсылаем его ко всем "Памфлетам последних дней" Карлейля, чтобы доказать, что "миром слишком мало управляют" и, следовательно, он обречен на крушение. Мы обращаемся ко всем этим брошюрам, ибо это их единственная великая ведущая идея. Мы также добавляем отрывок из речи Улисса в пьесе "Троил и Крессида", который прекрасно иллюстрирует и усиливает нашу мысль. Мы приводим отрывок, потому что эту пьесу мало кто читал, в целом она намного уступает другим пьесам Шекспира, и мало кто считает ее полностью, если вообще считает, его произведением:

Сами небеса, планеты и этот центр
Соблюдают степень, приоритет и место,
Настаивают на курсе, пропорциях, времени года, форме,
Должности и обычаях во всех линиях порядка:
И, следовательно, великолепная планета Сол
занимает более высокое положение на троне и в сфере
Среди других; чье зоркое око
Исправляет дурные аспекты планет - злых,
И, подобно повелению короля,
Разделяет хорошее и плохое: Но, когда планеты,
смешанные во зле, в беспорядке блуждают,
Какие бедствия и какие предзнаменования? какой мятеж?
Что за бушующее море? сотрясение земли?
Волнение ветров? страхи, перемены, ужасы,
Которые отвлекают и раскалывают, раздирают и выводят из строя
единство и супружеское спокойствие государств
Совсем из их первоначального состояния? О, когда пошатнулась ступень,
Которая является лестницей всех высоких замыслов,
предприятие заболело! Как могли сообщества,
степени в школах и братства в городах,
Мирная торговля с разделяемых берегов,
первородство и право рождения,
Прерогатива возраста, короны, скипетры, лавры,
Но по степени, стоять на подлинном месте?
Уберите всего лишь градус, распустите эту струну,
И, послушайте, какой диссонанс последует за этим! каждая вещь встречается
С простым противостоянием: Ограниченные воды
Должны поднять свою грудь выше берегов,
И превратить в подачку весь этот твердый земной шар;
Сила должна быть властелином слабоумия,
И грубый сын должен убить своего отца:
Сила должна быть правильной; или, скорее, правильным и неправильным.
(Между чьими бесконечными сосудами пребывает справедливость)
Должны потерять свои имена, и правосудие тоже.

Мы обещали больше ничего не писать в этой главе; но, подобно Партосу, когда "у нас есть идея", мы хотим поделиться ею с другими. Мы согласны с мистером Джефферсоном в том, что все люди обладают естественными и неотъемлемыми правами. Нарушать или пренебрегать такими правами - значит противодействовать замыслам Провидения и не может "привести к добру". Порядок и субординация, наблюдаемые в физическом, животном и человеческом мире, показывают, что одни созданы для более высокого, другие для более низкого положения — немногие для командования, многие для подчинения. Мы приходим к выводу, что примерно девятнадцать из каждых двадцати человек имеют "естественное и неотъемлемое право" на то, чтобы о них заботились и защищали; иметь опекунов, попечителей, мужей или хозяев; другими словами, они имеют естественное и неотъемлемое право быть рабами. Каждый двадцатый так

же явно рожден или образован, или каким-то образом приспособлен для командования и свободы. Не делать их правителями или господами - такое же серьезное нарушение естественного права, как и не делать из массы рабов. Очень мало индивидуальности полезно и необходимо обществу, большая ее часть порождает раздор, хаос и анархию.

Примечание.—После написания этой главы мы получили наш экземпляр работы мистера Адамса. Поздравляем себя с успехом книги "Учимся забывать". Вот отрывок, на который мы ссылаемся:

"Одним из последствий распоряжения цветными людьми в плане индивидуального контроля является отсутствие толп. Этот внушающий страх элемент в обществе, безответственный и низкий класс, уменьшается на Юге. Уличные драки и конфликты между двумя расами трудящихся или невежественной и более возбудимой частью различных религиозных конфессий в основном неизвестны в рамках рабства. Там устранен главный источник беспокойства на Севере, зависть и столкновения между протестантами и ирландскими рабочими-католиками.

"Когда останки мистера Кэлхуна были доставлены в Чарльстон, джентльмен из свободного штата, участвовавший в процессии, спросил джентльмена-южанина: "Где у тебя нижняя часть тела?" имеется в виду пестрая толпа мужчин и юношей всех наций, которые собираются в большинстве наших больших заведений по общественным поводам. Он был удивлен, узнав, что эти респектабельные, хорошо одетые, воспитанные цветные мужчины и мальчики на тротуарах были заменой тому классу населения, который он привык видеть в других местах с отвращением на общественных мероприятиях".

Поскольку мы затронули тему книги мистера Адамса, приведем еще одну выдержку из нее, подтверждающую наши доктрины:

"Есть еще одна поразительная особенность южного общества, которая связана с рабством и очень интересна северянину в наши дни. В то время как цветные люди суеверны и легковозбудимы, популярные заблуждения и фанатизм среди них не преобладают. Тот класс общества среди нас, в котором эти вещи укоренились, имеет замену в цветном населении. Духовные рассуждения, биология, второй адвентизм, мормонизм и все порождение заблуждений, которыми мы заражены, не находят предметов на Юге. На Юге, взятом в целом, гораздо больше веры, чем у нас. Многие вещи, против которых мы чувствуем себя призванными проповедовать здесь, ограничены границами Свободных Штатов; тем не менее белое население читает книги, хотя и не газеты, в большей степени, чем мы. То огромное количество активного, но необразованного ума, которое у нас есть, которое схватывает все новое, и следует блестящим или показным ошибкам, и возводит безумие в доктрину, примыкающую к секте, и таким образом вселяет сомнение или презрение к священным вещам во многие умы, не является элементом жизни южан. Это одна из причин, почему на Юге больше веры и меньше неверия, чем на Севере. Мнения низшего класса по моральным и религиозным вопросам оказывают мощное влияние на классы, стоящие над ними; больше, чем это общепризнано; и отсюда мы выводим аргумент в пользу общего образования, в котором моральные и религиозные принципы должны занимать свое важное место".

ГЛАВА VIII.

СВОБОДА И РАБСТВО.

Effugit imago,
Par livibus ventis, volueri que simillima somno.

Нам кажется, что тщетные попытки определить свободу в теории или обеспечить пользование ею на практике исходят из того факта, что человек по своей природе является социальным и стадным животным, подверженным не по контракту или соглашению, как предполагают Локк и его последователи, а по рождению и природе тем ограничениям свободы, которые целесообразны или необходимы для обеспечения блага человеческого улья, к которому он может принадлежать. Не существует такого понятия, как *качественная человеческая свобода*, потому что для человека неестественно жить в одиночестве, без опеки общества и правительства. Птицы и хищные звери, которые не являются стадными, от природы свободны. Пчелы и стада, естественно, являются подданными или рабами общества. Такова теория Аристотеля, обнародованная более двух тысяч лет назад, в целом считавшаяся верной в течение двух тысяч лет, и которой, как мы надеемся, вскоре суждено снова быть принятой в качестве единственно верной теории правления и общества.

Современные социальные реформаторы, за исключением м-ра Карлайла, опираясь на теорию Локка, противоположную теории Аристотеля, предлагают растворить и дезинтегрировать общество, ошибочно полагая, что таким образом они следуют природе. Нет такой человеческой связи, которая связывала бы человека с человеком, которую они не предлагали бы разорвать "совершенно разом". Это правда, после того, как их разрушительная работа завершена, они видят необходимость общества; но вместо того естественного и исторического общества, которое обычно существовало в мире, с его градациями ранга и власти, его семьями и его рабами, они предлагают полностью пренебречь естественными отношениями между людьми и нечестиво строить государства, подобные фурийским фаланстерам или деревням мормонов и онейда, где религия будет изгнана, а имущество, жена и дети будут в какой-то степени общими. Эти социальные институты при самоизбранном деспотизме, подобном деспотизму Джо Смита или Бригама Янга, становятся патриархальными и преуспевают до тех пор, пока длится такой деспотизм. То есть, когда ассоциация теряет характер, задуманный ее основателями, и приобретает деспотического главу, как другие семейные объединения, это работает хорошо, потому что это работает естественно. Но этот успех может быть лишь временным; ибо ничто, кроме сильного правления Кромвеля или Джо Смита, не может удержать общество вместе, которому нужны элементы сплоченности, естественные узы, связывающие человека с человеком: а Кромвеллов и Джо Смитов можно встретить не каждый день.

Историческим фактом является то, что это семейное объединение, это патриархальное правление в целях защиты от врагов извне постепенно сливается в более крупные объединения людей под руководством общего правительства или правителя. Последнее является почти всеобщим, и мы можем отсюда заключить, что это естественное и нормальное состояние

цивилизованного человека. При таком состоянии общества нет свободы для масс. Свобода была обменена природой на безопасность.

То, что ложно называется Свободным обществом, является совсем недавним изобретением. Он предлагает сделать слабых, невежественных и бедных свободными, выпустив их на волю в мире, принадлежащем исключительно немногим (кого природа и образование сделали сильными, а кого собственность сделала сильнее), чтобы они могли зарабатывать на жизнь. В причудливом состоянии природы, где собственность не присваивается, у сильных нет никакого оружия, кроме превосходящей физической и умственной силы, с помощью которой они могут угнетать слабых. Их сила угнетения возрастает в тысячу раз, когда они становятся исключительными владельцами земли и всего, что на ней есть. Они - хозяева без обязательств хозяев, а бедняки - рабы без прав рабов.

Обычно признают, даже аболиционисты, что крепостные в Европе были освобождены, потому что множество рабочих и их конкуренция как свободных людей за получение работы сделали свободный труд дешевле рабского. Но, как ни странно, немногие, похоже, поняли, что на самом деле это утверждение о том, что после эмансипации они были менее свободны, чем раньше. Их трудовая повинность возросла, ибо они были вынуждены трудиться больше, чем раньше, чтобы добыть средства к существованию, иначе их бесплатный труд не был бы дешевле их труда в качестве рабов. Они потеряли что—то в свободе и все в правах, поскольку эмансипация освободила или освобождала хозяев от всех их тягот, забот и обязательств, в то время как она увеличила как труд, так и заботы освобожденного крепостного. В нашей главе, посвященной упадку английской свободы, мы показываем, что вся борьба в Англии была направлена на угнетение рабочего человека, лишение власти, привилегий и прерогатив престола, дворянства и церкви и на возвышение класса собственников. Выдержки из "Эры" и "Северного церковника", приведенные в другой главе, дополнительно проясняют этот вопрос. Мы обещали подтвердить нашу доктрину иллюзорного и неопределимого характера свободы и рабства выдержками из известных авторов.

Пейли о гражданской свободе:

"Делать то, что мы хотим, - это естественная свобода: делать то, что мы хотим, в соответствии с интересами сообщества, к которому мы принадлежим, - это гражданская свобода; то есть единственная свобода, которую можно желать в состоянии гражданского общества.

Я, без сомнения, желал бы, чтобы мне было позволено поступать в каждом случае так, как мне заблагорассудится; но я размышляю, что и остальное человечество поступило бы тогда так же; в этом состоянии всеобщей независимости и самоуправления я столкнулся бы со столькими препятствиями на пути к своей собственной воле из-за вмешательства и противодействия других людей, что не только мое счастье, но и моя свобода были бы меньше, чем тогда, когда все сообщество находилось бы под властью равных законов.

Хваленая свобода естественного состояния существует только в состоянии одиночества. При любом виде и степени союза и общения со своим видом возможно, что свобода индивида может быть увеличена теми самыми законами, которые ее ограничивают; потому что он может больше выиграть от ограничения свободы других людей, чем пострадать от уменьшения своей собственной. Естественная свобода - это общее право на расточительство; гражданская

свобода - это безопасное, исключительное, никем не нарушаемое пользование возделанным участком.

Определения, которые были сформулированы для гражданской свободы и которые стали предметом множества ненужных споров, в большинстве своем адаптированы к этой идее. Таким образом, один политический автор сводит суть свободы субъекта к тому, что им управляют не законы, а те, с которыми он фактически согласился; другой довольствуется косвенным и виртуальным согласием; третий, опять же, заключает гражданскую свободу в разделении законодательной и исполнительной ветвей власти; третий - в том, что им управляет закон, то есть известные, заранее установленные, негибкие правила действий и вынесения судебных решений; пятый - в исключительном праве народа облагать себя налогом через своих собственных представителей; шестой - в свободе и чистоте выборов представителей; третий - в том, что гражданская свобода регулируется. в-третьих, в том контроле, которым демократическая часть конституции обладает над военным ведомством".....".

Монтескье о свободе:

"Нет слова, которое имело бы более разнообразные значения и производило более различное впечатление на человеческие умы, чем слово *свобода*. Одни принимали это за право низложения человека, которому они присвоили тираническую власть; другие - за право выбирать человека, которому они обязаны повиноваться; третьи - за право носить оружие и тем самым получать возможность применять насилие; третьи - за привилегию быть управляемыми уроженцем их собственной страны или по их собственным законам. Определенная нация долгое время считала, что свобода заключается в привилегии носить длинную бороду.

Некоторые применили это название к одной форме правления, исключая другие; те, у кого были республиканские вкусы, применили его к этому правительству; те, кому нравилось монархическое государство, присвоили его монархиям. Таким образом, все они применяли название свободы к правительству, наиболее соответствующему их собственным обычаям и склонностям; и поскольку в республике люди не имеют столь постоянного и столь наглядного представления об учреждениях, на которые они жалуются, и точно так же, поскольку законы там, по-видимому, говорят больше, а исполнители законов меньше всего, это обычно приписывается республикам и отрицается монархиям. В целом, как и в демократических странах, люди, кажется, делают практически все, что им заблагорассудится, свобода была заложена в такого рода правительстве, и власть людей была смешана с их свободой.

Это правда, что в демократических странах люди, кажется, делают все, что им заблагорассудится; но политическая свобода не заключается в неограниченной свободе. В правительствах, то есть в обществах, управляемых законами, свобода может заключаться только в способности делать то, чего мы должны хотеть, и в том, чтобы нас не принуждали делать то, чего мы не должны хотеть.

Мы должны постоянно представлять себе разницу между независимостью и свободой. Свобода - это право делать все, что позволяют законы; и если бы гражданин мог делать то, что они запрещают, он больше не обладал бы свободой, потому что все его сограждане обладали бы такой же властью".

Блэкстоун о свободе:

"Абсолютное право человека, рассматриваемого как свободный деятель, наделенный способностью отличать добро от зла и способностью выбирать те меры, которые кажутся ему наиболее желательными, обычно суммируется в одном общем названии и называется естественной свободой человечества.

Эта естественная свобода, собственно говоря, заключается в способности действовать так, как человек считает нужным, без каких-либо ограничений или контроля, за исключением случаев, предусмотренных законом природы; это право присуще нам от рождения и является одним из даров Бога человеку при его сотворении, когда он наделил его способностью свободной воли. Но каждый человек, вступая в общество, отказывается от части своей естественной свободы в качестве платы за столь ценную покупку; и, принимая во внимание получение преимуществ взаимной торговли, обязывает себя соблюдать те законы, которые общество сочло нужным установить. И этот вид юридического послушания и конформизма бесконечно более желателен, чем та дикая свобода, которой жертвуют ради его получения. Ибо ни один человек, который задумывается хоть на мгновение, не пожелал бы сохранить за собой абсолютную, неконтролируемую власть делать то, что ему заблагорассудится; следствием этого является то, что каждый другой человек также обладал бы такой же властью; и тогда для отдельных людей не было бы никакой безопасности ни в одном из удовольствий жизни. Следовательно, политическая или гражданская свобода, которая является свободой члена общества, есть не что иное, как естественная свобода, ограниченная человеческими законами настолько (и не более того), насколько это необходимо и целесообразно для общего блага общества. Следовательно, мы можем заключить, что закон, который удерживает человека от причинения вреда своим согражданам, хотя и уменьшает естественную, но увеличивает гражданскую свободу человечества; но что всякое бессмысленное ограничение воли подданного, практикуемое монархом, знатью или народным собранием, является определенной степенью тирании; более того, что даже сами законы, принятые с нашего согласия или без него, если они регулируют и ограничивают наше поведение в вопросах простого безразличия, без какой-либо благой цели, являются правилами, разрушающими свободу; тогда как, если какое-либо общественное благо контроль над нашими личными склонностями, который может возникнуть в результате соблюдения таких предписаний, в одном или двух конкретных пунктах будет способствовать сохранению нашей общей свободы в других, более важных, путем поддержки того состояния общества, которое единственное может обеспечить нашу независимость. Таким образом, статут короля Эдуарда IV, который запрещал знатным джентльменам тех времен (в звании лорда) носить пики на своих ботинках длиной более двух дюймов, был законом, отдающим угнетением; потому что, какой бы нелепой ни казалась мода, существовавшая в то время, ограничение ее денежными штрафами не могло служить цели общественной пользы. Но статут короля Карла II, предписывающий вещь, на первый взгляд, столь же безразличную (одежду для умерших, которых всем предписано хоронить в шерстяной одежде), является законом, согласующимся с общественной свободой; поскольку он поощряет торговлю основными продуктами питания, от которой в значительной степени зависит всеобщее благо нации. Так что законы, когда они разумно сформулированы, ни в коем случае не подрывают, а скорее вводят свободу; ибо (как хорошо заметил м-р Локк) там, где нет закона, нет и свободы. Но тогда, с другой стороны, эта конституция или структура правления — эта система законов — сама по себе предназначена для поддержания гражданской свободы, которая оставляет

субъекта полным хозяином своего поведения, за исключением тех моментов, когда общественное благо требует некоторого направления или ограничения.

Идея и практика этой политической или гражданской свободы процветают в высшей степени в тех королевствах, где она не дотягивает до совершенства и может быть утрачена или уничтожена только из-за глупости или проступков ее владельца: законодательная власть и, конечно, законы Англии специально приспособлены к сохранению этого бесценного благословения даже в самом ничтожном подданном.

Сильно отличается от современных конституций других государств Европейского континента и от гениального имперского законодательства, которое, в общем, рассчитано на то, чтобы наделить князя или нескольких вельмож произвольной и деспотической властью контролировать действия подданных. И этот дух свободы настолько глубоко укоренился в нашей конституции и даже в самой нашей почве, что раб или негр в тот момент, когда он приземляется в Англии, попадает под защиту законов и до сих пор становится свободным человеком, хотя право хозяина на свою службу, возможно, все еще сохраняется.

Наряду с личной безопасностью закон Англии рассматривает, утверждает и сохраняет личную свободу отдельных лиц. Эта личная свобода заключается в праве передвигаться, изменять ситуацию или перемещать свою личность в любое место, куда могут направить ее склонности, без тюремного заключения или ограничений, за исключением случаев, предусмотренных надлежащим законом. Относительно которого мы можем сделать те же замечания, что и относительно предыдущей статьи; что это право является строго естественным; что законы Англии никогда не ограничивали его без достаточной причины; и что в этом королевстве оно никогда не может быть ограничено по простому усмотрению магистрата без явного разрешения законов".

Теперь пусть читатель изучит эти определения Свободы Пейли, Монтескье и Блэкстоуна, и он увидит, что они преследуют фатальное начало, которое ускользает от их понимания. Он увидит больше, что их свобода - это простая модификация рабства. Что каждый из них предлагает ту степень сдержанности, ограничения и контроля, которая будет способствовать общему благу. Что каждый стремится к хорошему правительству, а не к свободе. Правительство предполагает, что свобода отдается в обмен на безопасность. Степень правления должна зависеть от морального и интеллектуального состояния тех, кем предстоит управлять. Возьмем, к примеру, определение гражданской свободы Блэкстоуна, и наши негритянские рабы пользуются свободой, потому что ограничения их свободной воли и свободного волеизъявления не только служат общественному благу, но и действительно необходимы для их защиты и управления ими самими. Мы не собираемся впутываться в подобные нелепости. Негры, согласно Блэкстоуну, Пейли и Монтескье, хотя и рабы, свободны, потому что их свобода ограничена лишь настолько, насколько этого требуют общественные интересы и их собственное благо. Наша теория заключается в том, что они несвободны, потому что Бог и природа, общее благо и их собственное благо предназначили их для рабства. Они пользуются всеми правами, рассчитанными на продвижение их собственных интересов или общественного блага. Они, на Юге, хорошо управляются и хорошо защищены. Это цели всех социальных институтов и всех правительств. Не может быть свободы там, где есть правительство; но при хорошем правительстве может быть безопасность. Раб имеет это в корыстных интересах хозяина и в своей домашней привязанности. Свободный работник не имеет таких гарантий. Работодатели

заинтересованы в том, чтобы избавиться от них как можно быстрее, и они никогда не упускают возможности сделать это.

Мы не хотим сказать, что негр-раб наслаждается свободой. Но мы говорим, что им хорошо и должным образом управляют, чтобы наилучшим образом способствовать его собственному благу и благу общества. Далее мы хотим сказать, что все, что мы процитировали из этих великих авторов, является выдумкой и бессмыслицей. Свобода недостижима, а если и достижима, то нежелательна.

Свобода передвижения, которой Блэкстоун хвастается как одним из прав англичан, принадлежит им в меньшей степени, чем другим людям. В течение пятисот лет законы о бедных приковывали бедняков к их приходам, лишали их права договариваться о собственном жалованье, а еще в 1725 году поселили их в стойлах и развалинах по найму, как скот. Свобода в Англии, как и в Риме и Греции, была и остается сейчас привилегией немногих, а не правом многих. Но в Риме, Греции и Южных штатах Америки многие обрели в защите то, что потеряли в свободе. В Англии у масс нет ни свободы, ни защиты. Они рабы без хозяев. В этом праве передвижения, выбора или смены места жительства отказано не только массе бедняков, но во всех странах, так же как и в Англии, женам, детям, опекунам, подмастерьям, солдатам, матросам, каторжникам, сумасшедшим и идиотам. Возьмите же тогда это испытание свободой, и как мало ее в Англии! Но, на самом деле, существует очень большой кочевой класс нищих, жуликов и подмастерьев, которые всегда скитаются, и все же они являются самыми несчастными членами общества и его величайшими вредителями. Вот тебе и передвижение.

Как ни велика трудность определить, что такое Свобода, установить и договориться о том, что представляет собой рабство, еще сложнее. Рабство в его технической форме было почти всеобщим, но не совсем одинаковым во всех своих обстоятельствах и не во всех своих правилах в любые две эпохи или в любых двух странах. В очень многих древних государствах власть над жизнью и смертью принадлежала хозяину. В большинстве стран раб не может приобретать собственность или владеть ею на законных основаниях. В целом, он владеет ею более или менее с разрешения. Во многих случаях его законное право на отдельную собственность защищено законом. Даже на Кубе он может заставить своего хозяина освободить его, предложив адекватную цену; а в некоторых случаях непримиримых разногласий заставить своего хозяина продать его другому хозяину. На первый взгляд примечательно, что на Кубе, где закон пытается обеспечить мягкое обращение с рабом, с ним обращаются бесчеловечно; а в Вирджинии, где практически нет закона, защищающего его, им очень гуманно управляют и обеспечивают. На Кубе многие рабы - дикари и не вызывают домашней привязанности у хозяина, который видит в них немногим больше, чем животных. Кроме того, хозяин часто отсутствует, и хотя надсмотрщики гораздо гуманнее ирландских сборщиков арендной платы, у них нет ни интересов, ни чувств местных хозяев. Но самой действенной причиной жестокости и пренебрежения является африканская работорговля, из-за которой покупать рабов дешевле, чем выращивать их. В Виргинии рабы значительно продвинулись в морали, религии и интеллекте, и их хозяева и любовницы, живущие с ними на ферме, естественным образом привязываются к ним....Личный интерес, однако, везде является сильнейшим мотивом человеческого поведения. Негры чрезвычайно ценны, и их количество быстро увеличивается при хорошем обращении. Закон о личных интересах обеспечивает доброе и гуманное обращение с рабами-южанами. Вся законодательная изобретательность в мире никогда не позволит принять столь эффективный закон в интересах свободных работников.

Во время упадка Римской империи рабство стало колониальным или прадияльным. Рабы занимали место арендаторов или крепостных, были "adscripti soli" и могли быть проданы только вместе с фермой. Многие антиквары считают колониальное рабство римлян истинным источником феодальной системы. Этот вид рабства был повсеместным в Европе несколько столетий назад и сейчас в значительной степени преобладает. Крепостные в России, Польше, Турции и Венгрии более счастливы и лучше обеспечены, чем свободные рабочие Западной Европы. У них есть дома и земли для обработки. Они работают мало, потому что их потребности немногочисленны и просты. Они не переутомляются и не недоедают, как свободные рабочие Западной Европы. Следовательно, они никогда не поднимают бунтов и восстаний, не сжигают дома, не устраивают забастовок и не эмигрируют.

Однако эта форма рабства превращает хозяина в праздного прогульщика, лишая рабов его охраны, его правления и его защиты. Вынуждая большие массы невежественных людей общаться исключительно друг с другом, это поощряет и умножает невежество, небрежность и праздность. Люди не улучшат своего положения, если у них нет примеров для подражания и учителей для наставления. Если бы их хозяйства вели так же, как у нас на Юге, у богатых было бы достаточно работы, а рабы или крепостные находили в своих хозяевах примеры, управляющих, учителей и защитников.

Право продавать своих детей или самого себя в рабство было очень распространено и в настоящее время практикуется в Китае. Древние германцы даже ставили на карту свою свободу в азартных играх. Этого никогда бы не было сделано, и законы не разрешили бы этого, если бы положение раба было значительно хуже положения свободного. Но как нам классифицировать жен, детей, подопечных, подмастерьев, заключенных, солдат и матросов? Они несвободны, потому что их личная свобода контролируется волей вышестоящего, а не простым законом. Они подлежат заключению и наказанию со стороны своего начальства, воля которого в отношении них заменяет закон. У них нет права передвижения, подобного тому, которым пользуются свободные. У них нет свободы, гарантированной законом; —они не свободны. Следовательно, они рабы?

Пейли определяет рабство как "обязательство трудиться на благо хозяина без контракта или согласия слуги". Больные, престарелые, немощные и рабы-младенцы не несут таких обязательств ни в теории, ни на практике. Хозяин юридически, теоретически и практически обязан работать на них. Следовательно, хозяин двадцати рабов всегда сам является рабом. Если он хороший человек, то тем счастливее выполнять свои обязанности раба по отношению к этим классам своих рабов. Но что происходит с тем рабством древних и Китая, когда раб по настоящему контракту продает себя? Согласно Пейли, это не рабство.

Однако большой и вопиющий недостаток определения Пейли заключается в том, что он упускает из виду обязанность хозяина обеспечивать и защищать раба. Это всего лишь половина определения, и эта половина ложна. Часто случается, что *обязанности* хозяина более обременительны, чем у раба. И все же Пейли полностью пренебрегает этими обязательствами. Раб, когда способен на это, должен работать на хозяина; но хозяин всегда должен обеспечивать раба. Если раб не способен на это, закон дает ему нового хозяина и защитника. Его положение менее почетно, но гораздо более безопасно, чем у хозяина. Определения - это рискованные попытки. Мы никогда не читали о том, что семидесятичетырехлетний лайнер со всеми

поставленными парусами может не проехать. Мы сами ничего не будем определять, ибо знаем, что это дело Всемогущего, который один знает "все на небесах и на земле".

Мы переходим к рассмотрению попыток определения Монтескье и Блэкстоуна. Блэкстоун возражает против права продавать себя, утверждая, что это дает покупателю вознаграждение. Это может быть так, а может и не быть, в соответствии с законами государства, в котором заключается контракт. Это не является необходимой чертой рабства и не может справедливо использоваться в качестве возражения против него. На самом деле, рабы Юга в своих домах, садах, фруктах, овощах, свиньях и домашней птице владеют большим имуществом, чем крестьяне Европы, и гораздо лучше защищены в этом владении своими хозяевами, чем это крестьянство по закону. Далее он возражает, что в случае абсолютного рабства не только свобода, но и жизнь раба находится в распоряжении хозяина. Это возражение ложно и ребячески. Ни в одной цивилизованной стране хозяин не имеет права убивать своего раба.

Защита или поддержка, на которые имеет право раб, сами по себе были бы достаточным вознаграждением за продажу его свободы. Гораздо больший, чем были бы готовы дать капиталисты Европы, ибо все они говорят, что бесплатный труд дешевле всего.

Монтескье так определяет рабство: "Рабство, в собственном смысле этого слова, - это установление права, которое дает одному человеку такую власть над другим, что делает его абсолютным хозяином своей жизни и состояния". Это французская свобода под властью республиканцев—Бонапартов и английская свобода при Кромвеле, а не южное рабство. Франция всегда счастлива и процветает с хозяином, и массы в Англии вспоминают о протекторате с глубоким сожалением. Эти деспоты играли роль южных хозяев. Они заставляли сильных поддерживать слабых, богатых заботиться о бедных. Нации превратились в две фермы или семьи. Западной Европе скоро придется выбирать между домашним рабством и всеобщим.

Демократия и свобода антагонистичны; ибо свобода разрешает и поощряет слабых угнетать сильных, в то время как демократия предлагает, насколько это возможно, уравнивать преимущества путем справедливого распределения жизненных тягот и жесткого принуждения к выполнению каждого социального долга каждым членом общества в соответствии с его способностями.

ГЛАВА IX.

ПАЛЕЙ ОБ ЭКСПЛУАТАЦИИ.

Пейли в полной мере придерживается доктрины эксплуатации, которую мы пытались изложить и проиллюстрировать в последних трех главах. Тем не менее, ни Пейли, ни кто-либо из его читателей никогда не осознавали ее огромных последствий. Только когда на эти последствия указывают, разум восстает против теории.

Он видел и сказал, что капитал ничего не платит трудящимся, но не обнаружил никакого беззакония в этой сделке. Он видел, что труд производит все, капитал — ничто, и "все, что делает капиталист, - это распределяет то, что производят другие". Ему следовало бы добавить,

сохранив "львиную долю" себе. Всю нашу теорию можно найти в одном-единственном абзаце Пейли, и если в его теории нет ничего странного или чудовищного, то в нашей не может быть ничего подобного; ибо наши теории идентичны. Глава 2, книга 3-я его философии, озаглавленная "Обращение с нашими домашними и иждивенцами", он использует следующую формулировку: "Другим отражением аналогичной тенденции с первыми является то, что наши обязательства перед ними намного больше, чем у них перед нами. Ошибочно полагать, что богатый человек содержит своих слуг, торговцев, арендаторов и батраков: правда в том, что они содержат его. Именно их трудолюбие обеспечивает его стол, обставляет его гардероб, строит его дома, украшает его экипаж, обеспечивает его развлечения. Арендную плату он платит не за поместье, а за труд, занятый на нем. *Все, что он делает, - это распространяет то, что производят другие; это наименьшая часть бизнеса.*" Ему следовало бы добавить: "но это далеко не самая прибыльная часть".

Еще несколько истин, и этот абзац Пейли стал бы замечательным описанием "Каннибалов" выше и "Рабов без хозяев" ниже.

Его слуги обязаны работать как наши рабы, но не за плату, а за пособие из доходов от их собственного труда. Его работодатели, как и наши хозяева, лишь частично распределяют свой заработок среди рабочих, отдавая им гораздо меньше, чем хозяева отдают рабам, оставляя больше себе — и, следовательно, "свободный труд дешевле рабского".

Но Пейли не понял того, что он написал. Мы, с помощью социалистов, постараемся, чтобы это поняли другие.

Философия не может оправдать отношения между свободным работником и праздным, безответственным работодателем. Но отношения между хозяином и рабом оправдать легко. Их обязанности взаимны и равны; и если хозяин будет присматривать за рабом и обеспечивать его в болезни, в здравии, младенчестве и старости — если он будет кормить, одевать и содержать его должным образом, охранять его нравственность и обращаться с ним доброжелательно и гуманно, он сделает своих рабов счастливыми и прибыльными, а сам будет достойным, полезным и добросовестным человеком.

ГЛАВА X.

НАШИ ЛУЧШИЕ СВИДЕТЕЛИ И МАСТЕРА ВОЕННОГО ИСКУССТВА.

Я думаю, мало кто достоин проклятия, кроме их королей;
И это лишь своего рода отступные, чтобы
утвердить свое право как лорда.

Видение суда.

Мы рассматриваем эту главу как наш козырь и держим ее про запас, потому что опрометчиво "использовать козыри". Мы могли бы привести множество свидетелей, но это только затянет судебное разбирательство. Мы вызываем в суд Горация Грили, ум. Гуделла, Геррита Смита, ум. Ллойда Гаррисона и Стивена Перла Эндрюса и предлагаю доказать ими (действительными лидерами и верными сторонниками отмены рабства), что их целью и целью всей их партии является не только отмена рабства на Юге, но также отмена или значительное изменение отношений мужа и жены, родителей и детей, института частной собственности всех видов, но особенно раздельного владения землями, и института христианских церквей, существующих сейчас в Америке. Мы также обвиняем, что, активно участвуя в попытках отменить рабство на Юге, они заняты, с не меньшей активностью и большими надеждами на успех, в попытках расстроить и реорганизовать общество на Севере.

Вызывая этих джентльменов в качестве свидетелей, а также привлекая их к суду, мы не руководствуемся никакими чувствами личной неприязни или неуважения. Мы восхищаемся ими всеми и имели добрые отношения и переписку с некоторыми из них. Это исторические персонажи, которые стремятся к дурной славе, чтобы продвигать свои планы по наведению порядка в мире. Мы не сомневаемся в их искренней филантропии, и столь же мало сомневаемся в том, что они всего лишь "вымостили адблагими намерениями". Мы говорим фигурально. Мы рассмотрим их дело самым спокойным и рассудительным образом. Мы бы обратились к каждому из них на языке, заимствованном у лорда Байрона:

Что ж,
мой старый добрый друг, таким я тебя и считаю,
Хотя наши разные партии заставляют нас сражаться так робко,
я никогда не принимаю тебя за *личного* врага;
Наши разногласия носят политический характер, и я
верю, что, что бы ни случилось,
Ты знаешь мое огромное уважение к тебе, и это
заставляет меня сожалеть обо всем, что ты делаешь неправильно.

Действительно, мы были бы неблагодарными и невежливыми до крайности, если бы не сохранили добрых воспоминаний и не отплатили по-джентльменски за щедрый прием и обращение, которые мы получили, особенно от ведущих аболиционистов, когда мы отправились на север олицетворять сатану, защищая рабство. Хотя никто не согласился с нами, мы никого не обратили в свою веру:

И все же между его мрачностью и его яркостью
промелькнул взаимный взгляд, полный величайшей вежливости.

Сначала мы вызовем мистера У. М. Гуделла для дачи показаний. Его положение как одного из самых активных лидеров Геррита Смита, или сиракузского крыла движения за отмену рабства, дало бы право на величайшее доверие к его признаниям и утверждениям о несостоятельности его собственного общества, поскольку такие признания и утверждения ослабляют его нападки на Юг, и от него следует неохотно отказываться; но, независимо от его особого положения, его высокий характер как человека и его выдающиеся качества как автора, должны привлекать

внимание и вызывать уважение к тому, что он говорит. В своей книге "Демократия христианства", том 2, стр. 197, он так пишет:

"И что же это за гордость богатством, в конце концов, вырастающая в аристократию богатства, узурпацию богатства, угнетение богатства, перемалывающая массы человечества в пыль сегодня, во всем нашем современном христианском мире, в середине нашей цивилизации и прогресса девятнадцатого века, с копытом более твердым, более свирепым и БОЛЕЕ СМЕРТОНОСНЫМ (наши столицы), чем копыто полуварварского феодализма в его самые кровавые дни".

Он понимает невыносимую эксплуатацию капитала лучше, чем мы, потому что живет в стране, где рабство не вступило в силу, чтобы защитить работника. Он, рабочий, - "раб без хозяина", а его угнетатели - "все каннибалы".

Нам кажется, что книга мистера Г. развивает доктрину равенства людей до такой степени, что она совершенно несовместима с властью и контролем, которые обычный христианский брак дает мужу над женой; однако он уверяет нас, что является непоколебимым другом христианского брака. Чистота его чувств восстает против выводов, к которым неизбежно приводят его абстрактные доктрины. И все же его представление о христианском браке может сильно отличаться от нашего в том, что касается власти мужа. Мы уверены, что он намеренно не сделал бы ничего, что могло бы нарушить чистоту и святость наших отношений.

Мистер Г. - христианский социалист и надеется, что в ближайшем тысячелетии он исправит ложные отношения людей и собственности в своем собственном обществе, а федеральное правительство поможет навести порядок на Юге. Почему бы не предоставить все Провидению, тем более что право правительства отменить рабство на Юге отрицается всеми уважаемыми властями за пределами отмены рабства; а также гаррисонианцами, которые являются самыми убежденными из всех аболиционистов и всех дезорганизаторов. План мистера Гуделла по "исправлению человеческих отношений" на Севере на тысячелетие столь же распространен, как план мистера Грили, Эндрюса и Оуэна, каждый из которых открыл новую социальную науку, которая, по их мнению, подойдет миру, потому что не подойдет деревне.

Мы действительно думаем, что человеку с таким прекрасным чувством справедливости и пристойности, как у мистера Гуделла, следовало бы долго колебаться, прежде чем призывать Бога совершить то, чего ему самому было бы стыдно совершить. Если это неправильно - лишать богатых их имущества, то зачем надеяться или ожидать, что Бог совершит зло, против которого восстает человеческая совесть, когда предлагается совершить это с помощью человека.

После изощренного аргумента, доказывающего наступление тысячелетнего состояния общества с помощью христианства, мистер Гуделл на странице 510, т. II о своей "Демократии христианства" таким образом подводит итог и заключает:

Взгляните еще раз на пункты, включенные в эти предсказания: — Всеобщее и постоянное преобладание мира, — результат справедливости, *равноправия*, БЕЗОПАСНОСТИ и фактического *владения* [курсив его] каждым "своей виноградной лозой и смоковницей", то есть почвой, достаточной для выращивания необходимых плодов земли, или, в некотором роде, для удовлетворения его физических потребностей.

Добавьте к этому всеобщее распространение и значительный рост знаний, особенно моральных и религиозных знаний, которые включают знание социальных отношений, обязанностей и прав, — знание, которое подразумевает "мудрость", и ту мудрость, которая начинается со "страха Господня". Затем применение всех этих знаний, мудрости и страха Господня к заботам гражданского правительства, настолько, что "царства этого мира станут царствами Христа", и власть будет передана Людям, которые к тому времени очистятся и будут наставлены Им, — которые будут наставлены Богом. все будут праведниками, которые "все познают Господа, от мала до велика", и даже "немогущий среди них будет подобен Давиду". К этому добавьте всеобщее удовлетворение и веселие, удобства социальных и международных отношений, всеобщее преобладание духа доброжелательности и братской любви и отсутствие тех сводящих с ума и сатанинских искушений, заблуждений и предрассудков, которые так долго вводили в заблуждение, поработщали и враждовали народы; — все это скреплено истинным духовным поклонением, защитой и любовью Общего Отца всех мужчины.

"Желает ли кто-нибудь дополнить картину и утвердить гарантии государства свободы, равенства, общего братства, общих интересов, общей симпатии и общего участия в социальных правах, иммунитетах, привилегиях и соглашениях? Нужно ли говорить нам в дополнение ко всему этому, что "троны деспотизма будут низвергнуты", что "зверь" гражданской и церковной тирании и узурпации, гонитель "святых апостолов и народа" будет предан "пылающему пламени", что ярмо господства "будет разбито вдребезги, как горшечный сосуд", что "подрывная деятельность" будет наступать на пятки подрывной деятельности, и один деспотизм опрокинет другой, пока Тот, "чье это право, не будет править"? Что массы будут возвышены, исключительность низведена, что "возвышенные" будут "унижены", а "надменные преклонены" — *в такой период всеобщего владения, всеобщей справедливости, равенства и довольства, который уже был описан ранее?*"

Итак, мистер Гуделл сожалеет о том, что состояние его общества настолько плохое, что становится необходимым разрушить и обратить вспять его на тысячелетие. Разве это, учитывая его высокое положение и авторитет, не является убедительным доказательством "несостоятельности Свободного общества"? Мы должны добавить, что вся его книга изобилует доказательствами его бескомпромиссной враждебности к существующим церковным институтам и существующему Священству, как злоупотреблениям и вставкам, которые были ненадлежащим образом привиты христианству. По вере он, очевидно, принадлежит к тем ранним христианам, которые напоминали ессеев в своих социальных отношениях и которые ежедневно ожидали наступления тысячелетнего царства. Их ошибка в последнем отношении показывает, что именно Библия, а не их толкование ее, должна быть нашим правилом веры и руководством к поведению.

Следующий свидетель, которого мы вызываем, - Геррит Смит, человек, пользующийся национальной репутацией оратора, филантропа и джентльмена; который пишет лучше, чем говорит, и чья активная благотворительность и великодушие превосходят по масштабу только грубость их неправильного применения. Он ревностный христианин, но редактирует или редактировал "Прогрессивный христианин", который предлагал отменить христианство в его нынешнем понимании. Он строит церкви, чтобы не пускать духовенство, и возглавляет христианские съезды, чтобы подавлять христианские институты, и согласен с Уэнделлом

Филлипсом в том, что кафедра Севера стоит на пути реформ — *et delenda est Carthago*— кафедра должна быть уничтожена!

Как и мистер Гуделл, он, похоже, смотрит в будущее тысячелетие. Но он человек неутомимой деятельности и энергии, а также неисчислимой отваги, и он бы встал плечом к плечу и сразу же открыл тысячелетие. Он берет на себя ответственность; постоянно заявляет в речах, лекциях и эссе, что земельная монополия - это невыносимое зло; что земли должны быть такими же общими и бесплатными для всех, как воздух и вода; и предлагает немедленно разделить их. Он один из крупнейших владельцев недвижимости на Севере и в то же время самый бескомпромиссный аграрий в мире. Его бескорыстие превосходит только его опрометчивость и разрушительность:

"Человек с самыми мягкими манерами,
Который когда-либо перерезал горло или потопил корабль".

Дружелюбие и уравновешенность характера никогда не покидают его, потому что ему не приходится "загонять свою храбрость в тупик". Это всегда присутствует. "Красная правая рука Громоподобного Юпитера" не могла поколебать его целеустремленности; и, по совести говоря, он с таким же хладнокровием позволил бы миру или Союзу рушиться:

"Si fractus illabitur orbis,
Impavidum ferient ruinæ!"

Он жертвует около сорока тысяч эмигрантам с Севера Канзаса, потому что, как джентльмен, считает своим долгом оставаться верным своей стране, правильно это или нет; а аболиционисты - это его страна. Его вопиющая эксцентричность и интеллектуальные aberrации являются всего лишь естественным следствием социальной системы, которая его окружает и которая напоминает ему и любому другому простодушному уму,

"Что бы ни было, это *неправильно*".

Он только кажется эксцентричным и непостоянным. Он чувствует, как трудно распоряжаться своим огромным богатством, не превращая его в двигатель угнетения и поборов. Он понимает теорию капитала и труда, как показывают его речи; — знает, что труд производит все, и что капитал - это кнут, который заставляет его работать, а также эксплуататор, который отнимает у него большую часть доходов от его промышленности. "La propriété c'est le vol!", как он видит, истинно, за исключением нечистоты мотивов, которые оно, по-видимому, приписывает своим владельцам. Если он финансирует колледжи или раздает свои деньги в больших суммах частным лицам, то в одном случае они используются для воспитания эксплуататоров, которые грабят рабочую силу своим профессиональным мастерством; а в другом - для тех, кто использует их одновременно как двигатель вымогательства и угнетения. Если он раздает их меньшими суммами бедным, он обычно отдает праздным трудомлюбивых, и предлагает премию за продолжение безделья; ибо он не может ни контролировать поведение, ни расходы своих бенефициаров. Он слишком добр и слишком горд, чтобы тратить свои доходы с помпой и

роскошью. Таким образом, они слишком хороши, чтобы тратить доходы от труда впустую (как это делает любая общественная или частная роскошь) и тем самым увеличивать бремя рабочего класса. Слишком горд, чтобы черпать отражение важности и положения в обществе из постороннего блеска, дорогостоящего шоу и экипировки. Он (без сомнения, тщетно) пытался улучшить положение огромного количества рабов, покупая их и освобождая. Если бы он мог сохранить их в качестве рабов, он мог бы убедиться, что его милосердие не было использовано не по назначению, обучая их и контролируя их поведение. Нам кажется, что крупный капитал может быть безопасно вложен в рабов и рабочие руки только в том случае, если владелец хочет быть уверен, что он не будет использован в качестве орудия угнетения или средства, побуждающего к праздности и расточительству.

Мы были бы несправедливы к мистеру Смиту, если бы не добавили, что он так же занят похищением негров, как и их покупкой. Подземная железная дорога - одно из его любимых домашних животных и бенефициаров. Его неугомонная энергия недовольна медленным ходом этой дороги, и поэтому он покупает негров, а также помогает в их похищении. Он подвергался суровому осуждению за их покупку со стороны тех, кого он снабжал средствами для их кражи или кого он спасал от клыков закона, когда его ловили на безуспешных попытках их похитить.

Он получил образование, обладает чувствами и осанкой южанина. Его отец владел рабами и территорией, населенной индейцами, и он вырос среди них как товарищ по играм и принц; следовательно, ему присуще гордое смирение южанина, а не требовательность и высокомерие северянина. Он не требует почтения, потому что с детства ему отдавали его, как должное, признанные подчиненные.

Ценность его показаний, свидетельствующих, если они верны, о полном крахе свободного общества, невозможно переоценить. Он образован, откровенен, честен, хорошо информирован и всегда жил в свободном обществе. Его подрывная деятельность, которую он предлагает и активно пытается осуществить, лишила бы его миллионного состояния. Он является ведущим сторонником отмены рабства и, признавая несостоятельность свободного общества, притупляет и нейтрализует все свои аргументы против рабства. Таким образом, гордость своим мнением, кажущаяся последовательность и денежный интерес во всех отношениях побуждают его превозносить, а не осуждать свободное общество. Это правда, он считает рабство также неудачей, и еще большей неудачей; но он практически мало знает об обществе рабовладельцев и не может признать за нас, хотя может за себя и свою часть.—Мимоходом мы бы сказали ему, что воздух и вода являются объектами более исключительного присвоения в свободном обществе, чем земля.— Он юрист и знает, что право собственности на землю влечет за собой право собственности на все, *ad inferos* и *usque ad cœlum*. На самом деле, в городах, где собирается большинство бедных, их еда и одежда отличаются от богатых не вполнину так сильно, как их наслаждение чистым воздухом и водой. У людей должно быть место, где можно дышать и пить; и все места пригодны для этого.

Да, мистер Смит, вы тщетно пытаетесь уловить Истину! Правильное связано со всем Прошлым, всем Настоящим и всем Будущим, подвержено их влиянию. Бог знает Правильное, а человек — только Целесообразное.

Наш следующий свидетель - Гораций Грили, редактор "Трибюн", и Наполеон из прессы. Его первое отличие было достигнуто за то, что он поддерживал и тщательно пропагандировал социальную философию Шарля Казимира Фурье. Это он сделал около двадцати лет назад в

долгой полемике с Courier & Enquirer: последняя газета поддерживала консервативную сторону. Впоследствии переписка была опубликована в виде книги, и мы сожалеем, что не смогли заполучить копию. Как мы узнаем, все издание было сожжено в Harpers. Предана огню Провидением, а не человеческой цензурой. Если мы представим нашего свидетеля в ложном свете, это будет потому, что мы тщетно пытались заполучить эту книгу. Мы думаем, что он был первым в Америке, кто утверждал и поддерживал аргументами и доказательствами неадекватность и несправедливость всей социальной и правительственной организации на Севере. Он, а не мы, является американским автором теории краха свободного общества. Его методы лечения, хотя и не такие радикальные и научные, как у Прудона и мистера Эндрюса, для начала были очень хороши. Мы думаем, что он сразу предложил объединить человечество в Фаланстеры, где через несколько поколений все различия в отношении отдельной собственности, отдельных жен и детей были бы стерты и утрачены, а общество постепенно и мягко сплавилось бы и кристаллизовалось в систему чистого и совершенного коммунизма. "Трибюн" приходится потакать разнообразным вкусам, все они сходятся в своих деструктивных тенденциях, но сильно различаются в том, каким образом они приходят к своим выводам; следовательно, из ее колонок трудно вывести какую-либо четко определенную философскую систему. Мистер Эндрюс намекает, что наш свидетель вовсе не философ. Пусть будет так. Однако все должны признать, что ни у одного человека нашего времени орган или способность к Разрушению не развиты так полно. "Трибюн" была, со времен полемики, о которой мы говорили, и по сей день, великим Органом социализма, Свободной Любви и всех других "измов", которые предлагают свергнуть и перестроить общество и правительство или вообще обойтись без них. Неуклонно следуя этим разрушительным курсом, "Трибюн" за годы стала самой популярной газетой на Севере, и, как говорят, у нее больше читателей в Европе и Америке, чем у какой-либо другой газеты в мире; и все же ее единственная особая мысль, весь ее интеллектуальный, моральный, социальный и политический запас в торговле состоит из одной идеи, по-разному выражаемой, иллюстрируемой и навязываемой, "Краха свободного общества", или, как формулирует Карлайл, "У нас должен быть новый мир, если мы хотим, чтобы у нас вообще был какой-либо мир".

Какая поразительная иллюстрация нашей теории о том, что "простая словесная формула часто отличает трюизм от парадокса". Мы прямо и недвусмысленно отстаиваем теорию и пытаемся доказать ее фактами и аргументами, и мир готов воскликнуть: "О, какая возмутительная ересь". Мистер Грили в течение двадцати лет отстаивает ту же теорию, но другим языком, и вызывает восхищение и благодарность всего мира. Oh, Le Pauvre Peuple! как долго она будет позволять своим льстецам обманывать и предавать ее? Мистер Грили и мы согласны в нашей деструктивной философии, но расходимся во взглядах на то, что является конструктивным, так же сильно, как и полюса. Каждый предлагает защищать слабых. Он обещает "защиту без контроля или ограничения свободы". Мы говорим тем, кто просит или нуждается в защите и поддержке, что "они должны подчиниться контролю, ибо ценой безопасности всегда была и всегда будет потеря свободы".

Популярность "Трибюн" показывает, что мир готов разрушить существующие социальные системы. Когда это будет сделано, ей придется выбирать между Свободной любовью и рабством; между большим количеством правительства и отсутствием правительства. Мы думаем, как и Карлайл, что необходимо больше правительства. Мы тоже социалисты (за свободное общество), но мы бы испортили ниточки общества, не ослабляли их дальше, а тем более не перерезали бы "полностью"!

Мы хотим донести до общественности правду, и ничего, кроме правды, по вопросам отмены смертной казни и социализма; и, опасаясь искажения фактов, написали письма мистеру Грили и мистеру Гаррисону, копии которых мы приложим к этой главе. Если они будут молчать, письма, по крайней мере, покажут нашу заботу о том, чтобы докопаться до истины.

Мы уже достаточно написали о мистере Эндрюсе и привели достаточно цитат из его книги, чтобы показать, что он является великим философом своей партии, всесторонним и правдивым выразителем ее доктрин, ее тенденций и конечных результатов. Его коллеги, менее ученые и дальновидные, чем он, возможно, были готовы воскликнуть, прочитав его книгу: "Неужели ты думаешь, что твой слуга собака, раз он способен на такое!" Но мистер Эндрюс прав. К такому цвету лица они должны, наконец, прийти. Погружение в мягкие и чувственные воды озера Свободной Любви — затем внезапный и насильственный выход в острую и пронизывающую дрожью атмосферу деспотизма.

Мы знаем о мистере Гаррисоне меньше, чем о любом из других джентльменов. Он возглавляет крайнее крыло социалистической, неверующей, правой за женщин, аграрной партии и партию отмены рабства, которую называют гаррисонцами. Он редактирует "Освободителя", который проводится со способностями, достойными лучшего дела. Он и его последователи, похоже, признают, что Библия и Конституция признают и гарантируют рабство, и поэтому осуждают и то, и другое, и предлагают разобщенность и отсутствие священников или церквей в качестве мер для достижения отмены рабства. Мистер Гаррисон обычно председательствует на их собраниях, и мы частично узнаем об их принципах и доктринах из материалов, из которых состоят эти собрания. Встанет Мудрая Женщина и произнесет филиппику против брака, Библии и Конституции, а за ней последует негр Ремонд, который "плюет на Вашингтон" и жалуется на оскорбительное различие, заключающееся в том, что белых называют англосаксами, а негров африканцами. И вот теперь возникает Филлипс,

"Вооруженный адским пламенем и яростью",

и мягко начинает, в более нежных тонах и с действием более изящным, чем у Велиала, к

"Вылейте сладкое молоко согласия в ад!

Нарушите всеобщий мир —

Разрушите всякое единство на земле".

Затем мистер Паркер назидает собрание, призывая к кровавым деяниям в Канзасе или Бостоне — в которых, как и подобает его манере, он не принимает участия — и заканчивает осуждением вещей в целом, и церквей и священников в частности. И, вероятно, все завершится всеобщим снисхождением и отпущением грехов от мистера Эндрюса, который на время примеряет на себя роль отца-исповедника и уверяет нежную совесть, что правильно и обязано приносить присягу поддерживать Конституцию с преднамеренной целью ее нарушения, потому что такие клятвы даются под моральным давлением. Эти гаррисонцы такие же интеллектуальные люди, как и любой другой в стране. Они возглавляют черную республиканскую партию и контролируют политиков. И все же они смертельные враги как северных, так и южных институтов.

Итак, джентльмены, все вы философы и самые ревностные филантропы, и в течение многих лет во весь голос кричали крысам-полоумным, что старое сумасшедшее здание общества, в котором они живут, больше не пригодно для проживания людей и неминуемо опасно. Крысы

поймали вас на слове и бросаются сломя голову, с поспешностью и паникой "sauve que peut", в каждую дыру, которая обещает убежище, — в "любой порт в шторм". Некоторые присоединяются к рэпистам и шейкерам, тысячи находят временное пристанище в фурьеристских фаланстерах мистера Грили; многие другие следуют за мистером Эндрюсом в Триалвилл, в деревни на дальнем Западе или в Наше время; и несколько избранных - в салуны свободной любви; и сотни тысяч находят приют у Бригама Янга в Юте. в то время как другие, еще более напуганные, идут проконсультироваться по Духовному Телеграфу, который ежечасно стучит в двери рая и ада, или тихо надевают свои одежды вознесения, чтобы сопровождать пастора Миллера в его восхождении ввысь. Но большее число людей ждут (с большим нетерпением), когда мистер Эндрюс установит свой Новый и лучший Мир или когда мистер Гаррисон и мистер Гуделл откроют свое Тысячелетие.

Почему, джентльмены? ничто из этого не хуже пророчеств Кассандры — почему в рабовладельческом обществе нет паники, ужаса, замешательства и бегства? Страдаем ли мы и в то же время довольны? Неужели наш дом рушится у нас на голове, а мы сидим в сознательной безопасности посреди надвигающегося разорения? Нет! Нет! Наше здание никогда не рушилось и никогда не рухнет, ибо пластиковая рука природы воздвигла его, поддерживает и будет поддерживать вечно.

Разве мы не показали в этой единственной главе, что Север должен опасаться отмены смертной казни не меньше, чем Юг, и что консерваторам повсюду пора объединиться в усилиях по ее подавлению?

Мы добавляем сюда письмо, которое мы адресовали общественности по поводу "Нашей поездки на Север", и наш ответ мистеру Хогбуму, нью-йоркскому аболиционисту. Также наши письма Гаррисону и Грили. Мы делаем это, чтобы показать, что мы не намерены вводить в заблуждение, исказить информацию или обманывать. По правде говоря, ведущие аболиционисты - наши любимцы. У нас закоренелая и извращенная склонность находить хорошие качества в плохих парнях. Робеспьер и мильтоновский сатана - наши особые друзья.

МОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА СЕВЕР.

Редакторам the Enquirer:

Джентльмены, я долго колебался, прежде чем решиться адресовать вам это письмо. Я чувствую, что меня можно обвинить в эгоизме; но я написал книгу, в которой я обязуюсь защищать и оправдывать рабство и давать советы Югу относительно его будущей политики. В этом я эгоистичен, как и каждый, кто пишет книгу. Я "зашел так далеко, что возвращаться было утомительнее, чем уходить". Я не буду ничего делать наполовину. Когда я писал эту книгу, я верил, что правительство, Закон, религия и брак - это жертвы, связанные и разделанные для жертвоприношения северным упразднением. То, что тогда было предметом сомнительных мнений, умозаключений и спекуляций, после моей поездки на Север стало предметом непоколебимой веры и убеждения. Я наслаждался теплым и элегантным гостеприимством некоторых членов партии Свободы Севера. Я общался со многими из них. Я получил от них много брошюр, книг и выступлений. У меня нет личной тайны, которую я мог бы предать, потому что я не слышал секретов. Эта партия добросовестна, считает себя правой и пользуется обсуждением и дурной славой. Я, кроме того, свободно общался с незнакомыми людьми в общественном транспорте и в гостиницах. Я думаю, что благодаря моему предыдущему

исследованию на тему рабства и его отмены я смогу внести несколько полезных предложений Югу и Северу.

Мне казалось, что, пытаясь доказать "провал Свободного общества" на своей лекции в Нью-Хейвене, я "всего лишь таскал уголь в Нью-Касл". Партия Свободы, по крайней мере, обнаружила это задолго до меня, и они так же полны решимости ниспровергнуть и перестроить общество у себя дома, как и отменить рабство у нас. Часть из них, я не возьмусь сказать, насколько большая часть, - неверующие, которые не считают Библию препятствием для своих планов социальных реформ, потому что они утверждают, что она ложна. Это крыло партии Свободы ежедневно ожидает открытия новой Социальной науки, которая излечит все болезни, присущие человеческой плоти. Они принадлежат к школам Оуэна, Луи Блана, Фурье, Конта, а также немецких и французских социалистов и коммунистов. Другое крыло, и, вероятно, самое многочисленное крыло партии, состоит из тысячелетних христиан — людей, которые ожидают, что Христос, будь то во плоти или в духе, вскоре воцарится на земле; лев возляжет рядом с агнцем; каждый человек сядет под своей виноградной лозой или смоковницей; у всех будет интерес к землям; прекратятся браки и выдача замуж; война будет упразднена, и среди людей воцарятся мир и добрая воля. Они так же решительно настроены на упразднение всего церковного управления и авторитета, как и неверные. Они наравне с ними попрали бы любой закон и правительство, потому что "свобода, - говорят они, - это "неотъемлемое право", а закон, религия и правительство продолжают защищать рабство. Брак, христианский брак, требующий послушания жены, - это рабство; и они хотели бы изменить его или уничтожить. Земельная монополия, говорят они, дает собственности или капиталу большую власть над трудом, чем хозяева над рабами; следовательно, они очень мудро и логично заключают, что земля, подобно воздуху и воде, должна быть общей собственностью.

Партия Свободы состоит из очень способных людей - философов и филантропов. Они, вне всякого сомнения, продемонстрировали, что рабство необходимо, если только они не смогут пережить Тысячелетие или открыть новую Социальную науку. Растущая преступность и нищета человечества и полный провал всех социальных экспериментов, подобных экспериментам Оуэна и других, не указывают ни на появление того, ни на открытие другого.

Эта партия Свободы - лучшие союзники Юга, потому что они признают и постоянно разоблачают полную несостоятельность Свободного общества.

Один из самых выдающихся представителей этой партии пишет Уэнделлу Филлипсу, эсквайру:

"Я не могу удержаться от выражения в этой связи своей скорби по поводу того, что многие аболиционисты позволили поколебать свою веру в Библию".

Во время моей короткой поездки на Север ничто так сильно не поразило меня, как откровенная неверность многих и христианство, перерастающее в неверие, огромной массы весов, с которыми я беседовал. Однако я не сомневаюсь, что, хотя такое положение вещей слишком распространено на Севере, все же мои особые ассоциации заставили зло казаться больше, чем оно есть на самом деле. Религиозные и консервативные, как ландыш, молчаливы и уединенны. В качестве примера того, как эта религия перерастает, как мне кажется, в неверие, я приведу еще один отрывок из письма Уэнделлу Филлипсу:

"Вас сильно порицали за утверждение, что дело борьбы с рабством может достичь успеха только на руинах американского правительства и американской церкви. Тем не менее, вы

правы. Религия, которая допускает — более того, освящает — рабство, обязательно должна быть побеждена, прежде чем приверженцы и обманутые этой религией допустят отмену рабства. Опять же, до тех пор, пока фактическое правительство на стороне рабства, бескровная отмена рабства неосуществима".

Автор письма, которое я цитирую, и мистер Филлипс, которому оно адресовано, являются джентльменами, учеными и христианами. Кроме того, они исторические персонажи. Мы не нарушаем неприкосновенность частной жизни, вынося их мнение на всеобщее обозрение и общую критику. Разве их христианство не превращается в неверие? Недавно я получил книгу в двух томах, озаглавленную "Демократия христианства", от ее автора — Уильяма Гуделла из Нью-Йорка, члена Партии свободы. Автор демонстрирует большие способности, изобретательность и исследовательскую работу. Он один из тысячелетних христиан — очевидно, благочестивый и искренний. Он не видит выхода из ужасающего зла Свободного общества, кроме того состояния совершенного равенства, мира, счастья и безопасности, которое, как он, подобно людям времен Кромвеля, считает обещанным и предсказанным в Библии. Я привожу следующий отрывок из заключения его работы:

"Взгляните еще раз на пункты, включенные в эти предсказания: — Всеобщее и постоянное преобладание мира — результат справедливости, равноправия, безопасности и фактического владения каждым человеком "своей виноградной лозой и смоковым деревом", то есть почвой, достаточной для выращивания необходимых плодов земли или, в некотором роде, для удовлетворения его физических потребностей".

Если такое положение вещей когда-нибудь возникнет, Бог осуществит его без помощи аболиционистов.

Мы не считаем необходимым цитировать неверных аграриев и аболиционистов, потому что их великолепные обещания и кровавые и катастрофические провалы были предметом повседневной истории и повседневных событий, начиная со времен Марата и гильотины и заканчивая временами Ламартина и Кавеньяка.

Пролетариат Франции, кочевые нищие бандиты Англии, голодающие арендаторы Ирландии, итальянские лаццарони и полудикари Хайти являются признанными результатами практического уничтожения. Но, говорят в партии Свободы, отмена остановилась на полпути; отмените церкви, закон, правительство, брак и разделите собственность на земли, и тогда схема сработает очаровательно.

Что ж, возможно, так и будет; но поскольку мы очень счастливы, чувствуем себя комфортно и довольными в рабовладельческом обществе, предположим, вы попробуете "experimentum in vile corpus". Начните дома, и, если эксперимент пройдет успешно, мы, жители Юга, последуем вашему примеру. Теперь у вас есть маленький Эдем возле озера Онейда. Несколько сотен онейдских перфекционистов, живущих в первобытной простоте, среди которых нет "женитьбы или выдвижения замуж", нет отдельной собственности, всем пользуются сообща; и мы предполагаем, что ни священник, ни офицер не нарушат гармонию тысячелетнего общества. "Мы просто рассказываем историю так, как ее нам рассказали". Хорошо ли это работает? Если да, то почему бы не сформировать все ваши институты по этой модели?

Вы из партии Свободы, похоже, думаете, что "страстное влечение" и "привлекательный труд" удержат всех людей на уровне их обязанностей и избавят от необходимости Церкви и государства, закона и религии, священника и офицера. Вы думаете, что следуете природе, но на самом деле вы поверхностные наблюдатели природы. Человек, это правда, социальное и стадное животное, но, как и все животные такого рода, он по своей природе законотворческий и законопослушный. Муравьями и пчелами правят деспотические и требовательные правительства, а также законы и предписания, мудрые и менее изменчивые, чем у мидян и персов. Но человек - это не только законотворческое животное, но и религиозное. Переводя его в состояние анархии и неверности, вы переводите его не в естественное состояние, а в состояние непрерывной войны на уничтожение, подобной той, которую Франция наблюдала во времена террора.

Я нахожу, господа. Редакторы, я несколько отклонился от темы, с которой начал, и завершу — по крайней мере, на данный момент.

С большим уважением, ваш об' серв'.,.,

Г. Ф."

ПИСЬМО МИСТЕРУ ХОГБУМУ.

Порт-ройял, Вирджиния, 14 января 1856 г.

А. Хогбуму, эсквайру, Шедз-Корнерс, округ Мэдисон, Нью-Йорк

Уважаемый сэр: Ваше письмо пришло в этот офис во время моего отсутствия дома. Я пользуюсь первой возможностью ответить на него, потому что рад, что таким образом общественное внимание на Севере может быть привлечено к темемой книги. Я уверен, что не удостоился бы чести получить вашу переписку, если бы вы прочитали книгу и знали ее тему. Эта тема - "Крах свободного общества". Вы говорите, что читали только выдержки из него в газетах Севера. Эти газеты не спешат обращать внимание на факты, авторитеты и признания, которые они приводят, чтобы доказать несостоятельность их формы общества. Посылаю вам книгу и отсылаю вас, в частности, к предисловию, ко второй и третьей главам и к "подведению итогов" в заключительной главе.

Если это не убедит вас в том, что свободное общество - это жестокий провал, прочтите историю английских законов о бедных, и вы обнаружите, что рабочий класс Англии каждый день с момента освобождения вилланов находился в худшем моральном и физическом состоянии, чем когда-либо были рабы. Прочтите также две статьи, одну в "Норт Бритиш Ревью", а другую в "Блэквуд за декабрь", изображающие деморализованное и голодное состояние всего рабочего класса Великобритании. Прочтите также брошюры Последних дней Карлайла. Если это не убеждает вас в том, что *Маленький эксперимент* (ибо он очень маленький как во времени, так и в пространстве) обернулся катастрофическим и жестоким провалом, загляните домой! Как получилось, что ваш уважаемый сосед Геррит Смит предлагает сделать землю такой же бесплатной для всех, как воздух и вода? По общему признанию, потому что деспотизм капитала над трудом *невыносим*. По общему признанию, потому что ваша форма общества оказалась неудачной на практике! Почему другой выдающийся аболиционист, мистер Гуделл из Нью-Йорка, в своей книге "О демократии христианства" заявляет, что богатство сегодня более жестоко, давит и смертоносно, чем феодальные хозяева? Почему мистер Грили защищает

доктрины Фурье и предлагает ниспровергнуть ваше общество и перестроить его сверху донизу, сделав своего рода общей собственностью женщин и детей, а также земель и домов? Почему самый способный из ваших философов, Стивен Перл Эндрюс, предлагает планы реформ еще более радикальных? И почему его доктрины популярны среди "высших классов" Нью-Йорка? Почему, в конце концов, большее число аболиционистов, тысячелетних христиан, находятся в ежедневном ожидании пришествия Христа, который должен разделить все имущество поровну и дать каждому его "виноградную лозу и смоковницу"? И почему другие, атеисты, такие как Оуэн и Фурье, пытаются изобрести новые, более совершенные формы общества?

Почему у вас на Севере есть представители "Блумер" и "Правых женщин", и женщины с сильным духом, и мормоны, и противники аренды жилья, и мужчины "выбери себе ферму", миллериты, и духовные рэперы, и шейкеры, и вдовы Уэйкманиты, и аграрии, и грэхамиты, и тысячи других суеверных и неверующих "измов"? Почему существует вера ни во что, спекуляции по поводу всего? Почему это неустроенное, полубезумное состояние человеческого разума совпадает во времени и пространстве со свободным обществом? Почему Западная Европа сейчас голодает? и почему оно воевало и голодало семьдесят лет? Зачем все это, кроме того, что свободное общество потерпело неудачу? Рабовладельческое общество не нуждается в защите, пока не будет открыта какая-то другая постоянно реализуемая форма общества. Ничего подобного обнаружено не было. Никто на Севере, кто прочтет мою книгу, не попытается ответить на нее; ибо все ученые аболиционисты бессознательно обнаружили и провозгласили несостоятельность свободного общества задолго до меня.

Я в долгу перед вами за честь переписки, за ваше незнание того, что содержится в моей книге. Я отвечаю через прессу, потому что я намерен использовать ваше письмо просто как повод бросить вызов Северу, оспорить или опровергнуть мое утверждение о том, что "свободное общество - это провал!"

В заключение я задаю вам, а через вас и всему Северу, следующие вопросы.

Разве прошлая история и нынешнее состояние Свободного общества в Западной Европе (где единственный эксперимент был полностью опробован) не доказывают, что оно сопряжено с большим злом, моральным и физическим, чем рабовладельческое общество?

Разве авторы, пишущие об обществе в Западной Европе и в наших свободных Государствах, в целом не признают, что это зло невыносимо и что Свободное общество требует тотального ниспровержения и реорганизации?

Не следует ли вам, следовательно, отменить вашу форму общества и принять нашу, пока мистер Грили, или Бригам Янг, или мистер Эндрюс, или мистер Гуделл, или какой-нибудь другой социалист из Европы или Америки не изобретет и не применит на практике социальную организацию, лучшую, чем та и другая, или пока действительно не наступит тысячелетие?

С уверенностью, что я так же решительно настроен уничтожить Свободное общество, как вы - рабство, и с уверенностью, что вся божественная власть и почти вся человеческая власть на моей стороне, я остаюсь вашим со-филантропом и

Покорный слуга,

География. Фицхью.

ПИСЬМО МИСТЕРУ ГАРРИСОНУ.

Порт-Ройял, Вирджиния, 18 июля 1856 года.

Уважаемый сэр— я собираюсь опубликовать работу под названием "Все каннибалы, или Рабы без хозяев". По сути, в ходе моей аргументации я скажу, что каждый теоретический аболиционист на Севере является социалистом или коммунистом и предлагает или одобряет радикальные изменения в организации общества. Я процитирую мистера Грили, мистера Гуделла, С. П. Эндрюса, Геррита Смита, вас и других выдающихся и ведущих аболиционистов обоих полов в качестве доказательства моего утверждения. Я также попытаюсь показать, что все литературные умы Западной Европы согласны с вами. Я вижу, вы читали уже написанное мной произведение и не ошибетесь в моей цели. Мы живем в условиях опасного кризиса, и каждый патриот и филантроп должен отбросить всякую ложную деликатность в искреннем стремлении к истине. Я считаю рабство естественным, необходимым, незаменимым. Вы считаете это нецелесообразным, аморальным и преступным. Ни один из нас не должен скрывать какие-либо факты, которые позволят общественности сформировать правильное мнение. Если вы не ответите на это письмо, я опубликую его копию в своей книге и буду настаивать на том, что ваше молчание является признанием правдивости моих обвинений. Я сожалею, что ваша очень способная статья поступает ко мне нерегулярно.

Ваш покорный слуга,

География. Фицхью.

Лойд Гаррисон, эсквайр, Бостон, Массачусетс

ПИСЬМО МИСТЕРУ ГРИЛИ.

Порт-Ройял, Вирджиния, 20 июля 1856 г.

Уважаемый сэр— я пишу работу, озаглавленную "Все каннибалы, или Рабы без хозяев". Я заявляю, по сути, что все теоретические аболиционисты утверждают несостоятельность свободного общества, и каждый предлагает какой-то план его реорганизации. Я процитирую, в частности, вас, Геррита Смита, С. П. Эндрюса, мистера Гуделла и мистера Гаррисона. Я буду полагаться на вашу дискуссию с "Курьером" и "Инкуайерером", которая была сожжена, главным образом как на доказательство вашего мнения.

Я хотел бы предоставить вам и другим уважаемым джентльменам возможность поправить меня, если я пришел к ошибочным выводам. Поэтому я написал мистеру Гаррисону, а теперь пишу вам, чтобы дать вам возможность поправить меня, если я ошибаюсь. Я знаю, вы все считаете наше общество большим провалом, чем ваше собственное; но вы можете *признать* это за себя, не за нас. Я опубликую копию этого письма в своей книге, если вы не ответите (и, возможно, если вы ответите) как на это письмо, так и на ваш ответ.

Невозможно, чтобы две наши формы общества могли долго сосуществовать. Весь христианский мир - это одна республика, имеет одну религию, принадлежит к одной расе и

управляется одним общественным мнением. Социальные системы, сформированные на противоположных принципах, не могут сосуществовать.

С большим уважением,

Ваш покорный слуга,

География. Фицхью.

Прежде чем расстаться с нашими "Мастерами военного искусства", мы должны немного уменьшить почести, которыми мы их осыпали. Мы говорили, что они обнаружили и провозгласили несостоятельность Свободного общества раньше нас. Так они и сделали; но они ошибочно приняли это за крах всего общества. Их маленький мирок Западной Европы и Америки был, в их глазах, целым миром. Следовательно, восклицает м-р Карлайл, "У нас должен быть новый мир, если мы вообще хотим иметь какой-либо мир". И Эндрюс подхватывает клич, весь Север присоединяется к нему хором, и печальный звон эхом отдается в Европе. Не так быстро, джентльмены. Ваш мир составляет не одну десятую всего мира, и за его пределами царят мир, тишина и процветание. Мы, жители Юга, и все рабовладельческие страны, не хотим нового мира.

Теперь мы были первыми, кто обнаружил и провозгласил, что *только* Свободное общество потерпело неудачу; и потерпело неудачу потому, что оно было свободным. Мы заняли выгодную позицию, увидели обе формы общества и таким образом обнаружили то, что упустили из виду наши хозяева. Теперь все это видят и приписывают нам открытие не больше чести, чем его современники Колумбу: "В миhi плаудо!"

Italiam! primus conclamat Achates;
Italiam, cœto socii clamore salutant.

ГЛАВА XI.

УПАДОК АНГЛИЙСКОЙ СВОБОДЫ И УЖЕСТОЧЕНИЕ АНГЛИЙСКИХ ЗАКОНОВ О БЕДНЫХ.

Блэкстоун, чьи Комментарии вот уже полвека являются обычным школьным учебником и чьи мнения о росте и всестороннем развитии британской свободы обычно признаются верными как в Америке, так и в Европе, придерживается теории, прямо противоположной той, за которую мы собираемся бороться.

Он считает, что появление Палаты общин примерно во времена правления Генриха Третьего было началом приближения свободы. Мы утверждаем, что так возникло капиталистическое правительство с денежными интересами, которому было суждено в конечном итоге поглотить все другие силы в государстве и породить самый эгоистичный, требовательный и

бесчувственный класс - деспотизм. Он считает, что освобождение крепостных было еще одним шагом к равенству прав и условий. Мы считаем, что это усугубило неравенство условий и лишило освобожденный класс всех ценных социальных и политических прав. Краткая история английских законов о бедных, которую мы приведем в приложении, позволит читателю сделать выбор между нами по этому разделу. Он считает, что Реформация расширила свободы подданных. Мы думаем, что, уничтожив самый благородный благотворительный фонд в мире, церковные земли, и упразднив духовенство, эффективных и ревностных друзей бедных, Реформация имела тенденцию ограничивать свободу массы людей и ухудшать их моральное, социальное и физическое благополучие. Он считает, что Революция, усилив власть Палаты общин, уменьшив prerogatives короны и влияние Церкви, способствовала свободе. Мы считаем Корону и Церковь естественными друзьями, союзниками и защитниками рабочего класса; Палату общин, богатую фирму, их естественными врагами; и что Революция была знаменательной эпохой в неуклонном упадке британской свободы.

Он считает, что урегулирование 1688 года, которое теоретически успешно утвердило высший суверенитет парламента, но особенно высший суверенитет Палаты общин, было завершением или совершенством британской свободы. Мы уверены, что это урегулирование и зафрахтование Банка Англии, которое вскоре последовало за ним, объединили земельные и денежные интересы, передали в их руки всю государственную власть и лишили многочисленный трудящийся класс всех ценных прав и свобод. Дворянство, церковь, король были теперь бессильны; и масса народа, совершенно не представленная в правительстве, оказалась беззащитной перед изматывающим и безжалостным деспотизмом своих естественных и наследственных врагов. Мистер Чарльз Диккенс, который сожалеет о положении негритянских рабов, в своей последней речи так резюмирует худшее положение "Рабов без хозяев" в Великобритании: "Под всем этим *вздымается* масса бедности, невежества и преступности". Такова английская свобода для масс. Тридцать тысяч человек владеют землями Англии, три тысячи - Шотландии и еще меньше - Ирландии. Огромная масса людей отрезана от земли, не имеет определенных средств к существованию и является нарушителями границ земли, не имеющими ни единого ценного или доступного права. Сравните их ситуацию с ситуацией старых вилланов и посмотрите, верна ли тогда наша теория британской свободы и британской конституции или теория Блэкстоуна.

Все авторы сходятся во мнении, что в Англии не было нищих до освобождения крепостных; и более того, признают, что рабы во все века и во всех странах получали достаточное удовлетворение всех своих физических потребностей. Они также сходятся во мнении, что преступность умножилась из-за того, что в обществе появился класс людей, которые привыкли к контролю хозяев и все еще нуждались в нем.

До освобождения вилланов у каждого человека в Англии были соответствующее положение и обязанности, а также взаимный и адекватный интерес к земле. Практически земли Англии были общей собственностью народа Англии. Старые бароны были не представителями определенных классов в парламенте, а друзьями, верными и способными представителями всех классов, ибо интересы всех классов были определены. Монтейль, недавний французский автор, написавший наиболее точное и наглядное описание социальных условий в эпоху феодализма, описывает крепостных как особых любимцев баронов. Они были самыми зависимыми, послушными и полезными членами феодального общества и, подобно младшим детям, стали фаворитами. Тот же класс составляют сейчас пролетариат, лаццарони, цыгане, парии и "нищие

бандиты" Западной Европы и прокаженные Мексики. Как рабов, их любили и защищали; как мнимых свободных людей, их проклинали и преследовали.

Мистер Лестер, аболиционист из Нью-Йорка, после долгого и тщательного наблюдения и изучения нынешнего положения английского рабочего класса, торжественно заявляет в своей книге "Слава и позор Англии", что он скорее отдаст своего ребенка в южное рабство, чем позволит ему стать свободным рабочим Англии.

Но именно ранняя история английских законов о бедных наиболее убедительно доказывает, что освобождение вилланов было обманом и отговоркой, и что после эмансипации их положение стало хуже, их прав стало меньше, а свобод - меньше, чем раньше. Законы о бедных, со времен Эдуарда Третьего до правления Елизаветы, были законами, направленными на наказание бедных и удержание их на работе за низкую заработную плату. Только в конце правления Елизаветы для них была оказана какая-либо благотворительная помощь. Тогда большинство из них умерло бы с голоду, поскольку конфискация и распродажа церковных земель лишили их единственного убежища, если бы не новая система благотворительности. Богатые должны были иметь рабочую силу и не могли позволить себе, чтобы все они голодали, хотя и были готовы прибегнуть к самым жестким средствам, чтобы предотвратить их увеличение.,,

В "Эдинбург Ревью", октябрь 1841 г., о реформе законодательства о бедных, мы находим следующую замечательную историю и краткий обзор английских законов о бедных:

Великий эксперимент по внесению поправок в Законы о бедных, который вот уже семь лет проводится среди наших южных соседей, кажется нам недостаточно внимательным и, следовательно, недостаточно понятым в этой части острова. Мы не верим, что многие из наших шотландских читателей полностью осведомлены о происхождении английских законов о бедных, об изменениях, которым они подверглись, о злоупотреблениях, которые они породили, о средствах правовой защиты, которые были применены; или о препятствиях, которые уменьшили успех этой великой меры и теперь угрожают ее эффективности. И все же эти темы представляют глубочайший интерес даже для тех, кто изучает законодательство просто как науку. Нация, всегда отличавшаяся практической мудростью, выставила ряд законов, соблюдавшихся веками, результатом которых почти неизменно был провал или хуже, чем провал; которые едва ли в единственном случае достигли своих целей и в большинстве случаев произвели эффекты, прямо противоположные намерениям их создателей; усугубили то, что они должны были уменьшить, и произвели то, что они должны были предотвратить. С нашей стороны, как шотландцев, они заслуживают особого внимания не только из-за сходства наших законов о бедных с более ранними английскими статутами; но и из-за вероятности того, что по мере того, как связь между двумя странами становится более тесной, мы в недалеком будущем последуем примеру, каким бы он ни был, более крупной страны, с которой мы объединены; и разделим все недостатки и преимущества системы, которую она в конце концов может принять. Эта участь уже угрожает Ирландии. Едва ли Шотландии удастся избежать ее.

Для полного раскрытия каждой из тем, на которые мы ссылались, потребовался бы целый том; но мы вынуждены уделить им такое внимание, какое допустимо в рамках статьи умеренного объема.

Комитет Палаты общин, который рассматривал Законы о бедных в 1817 году, начинает свой подробный отчет с заявления, что "принцип обязательного обеспечения бессильных и привлечения к работе трудоспособных, возник, без сомнения, из побуждений чистейшей человечности". С этим утверждением, каким бы правдоподобным оно ни было, мы категорически не согласны. Мы считаем, что английские законы о бедных возникли из эгоизма, невежества и гордыни. Лучшими мотивы, без сомнения, хотя и неверно направленные почти таким же невежеством, продиктовали изменения, которые были внесены в эти законы в течение 18 века — четвертого, прошедшего с момента их вступления в силу; но мы убеждены, что их источником была попытка существенно восстановить устаревшую систему рабства. Зло рабства теперь понято; признано, что оно уничтожает все благородные добродетели, как моральные, так и интеллектуальные; что оно оставляет раба без энергии, без правды, без честности, без трудолюбия, без предусмотрительности; короче говоря, без каких-либо качеств, которые позволяют людям быть уважаемыми или даже почитаемыми. Но каким бы пагубным ни было рабство, у него есть много правдоподобных преимуществ, а у свободы — много очевидных опасностей. Существование раба безопасно; он не может страдать от недостаточной заработной платы или от отсутствия работы; ему не нужно откладывать на болезнь или старость; ему не нужно обеспечивать свою семью; он не может тратить в пьянстве заработную плату, на которую они должны были существовать; его праздность или нечестность не могут довести их до нищеты; они не страдают ни от его ошибок, ни от его безумств. Мы считаем, что в наших высокогорных приходах мало таких, в которых люди не страдают от бедности больше, чем при равном населении России. Опять же, хозяин думает, что он выигрывает, если может соразмерить средства к существованию раба с его потребностями. В состоянии свободы средней заработной платы всегда достаточно, чтобы содержать с большим или меньшим комфортом, но все же содержать среднестатистическую семью. Неженатый раб получает только свое собственное содержание. Свободный человек заключает сделку; он просит столько, сколько его хозяин может позволить себе заплатить. Конкуренция между работодателями вынуждает их подчиняться этим условиям, и высокооплачиваемый рабочий часто растрчивает свой дополнительный заработок на праздность и разврат. И когда работы много, то есть когда его услуги наиболее востребованы, он часто пытается улучшить себя, уходя от своего хозяина. Все это неприятно хозяевам, привыкшим к кажущейся экономии рабского труда и к его летаргическому повиновению.

Главным мотивом разработчиков более ранних английских законов о бедных было устранение последнего класса неудобств; тех, которые затрагивают или кажутся затрагивающими хозяина. Мотивом составителей более поздних актов, опять же, начиная с Георга I., было устранение первого класса зол: тех, которые затрагивают свободного работника и его семью.

Первый свод законов был варварским и неумелым, и их несостоятельность очевидна из их постоянного повторного принятия или внесения поправок; с различными положениями и более суровыми наказаниями. У второго набора была иная судьба — во многих округах им в конечном счете удалось обеспечить рабочему и его семье безопасность рабства. Им удалось освободить его и тех, кто в состоянии реальной свободы зависел бы от него, от многих наказаний, налагаемых природой за праздность, расточительность и ненадлежащее поведение. И сделав это, они в значительной степени достигли, хотя, безусловно, и вопреки намерениям законодательной власти, цели, которую тщетно пытались достичь более ранние законы. Они ограничивали работника рамками его прихода; они диктовали ему, кто должен быть его хозяином; и они соразмеряли его заработную плату не с его услугами, а с его потребностями. До

принятия закона о поправках к закону о бедных обнищавшим приходам не хватало ничего, кроме силы произвольного наказания, чтобы создать полноценную систему прежнего рабства.

Наши ограничения не позволят нам сделать ничего большего, кроме как очень кратко изложить существенные части многочисленных законов, начиная со статута о рабочих от 23 июля Эдуарда III (1349 г.) и заканчивая 39-й главой 4 (1597 г.), которые были приняты якобы в интересах хозяев.

23-е изд. III. требует, чтобы все слуги получали жалованье, которое обычно выдавалось пять или шесть лет назад, и служили по годам, а не по дням; он устанавливает положительную норму заработной платы на многих должностях; запрещает людям покидать места, где они жили зимой, и искать работу в другом месте летом; или переезжать, чтобы избежать закона, из одного графства в другое. Несколько лет спустя, в 1360 году, вышло 34-е изд. III. подтвердил предыдущий закон и добавил к наказаниям, которые он налагал на рабочих или ремесленников, отлучавшихся от своих служб, что они должны быть заклеены на лбу буквой F. Он также наложил штраф в размере 10 фунтов стерлингов на мэра и судебных приставов города, которые не выдали рабочего или ремесленника, уволившегося со службы.

Двадцать восемь лет спустя, в 1388 году, был принят 12-й закон о богатых. II., который обычно считается источником английских законов о бедных. В соответствии с этим законом акты изд. III. подтверждены — работникам запрещается под страхом тюремного заключения покидать свое место жительства в поисках работы, если им не предоставлены справки с указанием причины их отсутствия и времени их возвращения, которые выдаются мировыми судьями по их усмотрению. И "поскольку рабочие не хотят и в течение длительного сезона не будут работать без чрезмерной оплаты", за их труд устанавливаются цены; и назначаются наказания для рабочего, который получает больше, и для хозяина, который дает больше. Лицам, которые были заняты в сельском хозяйстве до двенадцатилетнего возраста, запрещается становиться ремесленниками. К трудоспособным нищим следует относиться как к чернорабочим, кочующим без паспортов. Бессильные нищие должны оставаться там, где они находятся на момент провозглашения закона; или, если эти места не желают или неспособны содержать их, они должны в течение сорока дней вернуться в места, где они родились, и там жить всю свою жизнь.

Мы уже говорили, что этот закон рассматривался как источник английских законов о бедных. Это было рассмотрено в связи с последним пунктом, который является первым законодательным актом, признающим существование бедных-импотентов. Но этот закон ничего не предусматривает для них; хотя, требуя, чтобы они оставались неподвижными в определенном месте всю оставшуюся жизнь, он, по-видимому, предполагает, что они будут там получать поддержку. Это, однако, не дает им никаких прав, и во всем законе нет ни одного пункта, направленного на благо каких-либо лиц, кроме работодателей рабочей силы, и главным образом сельскохозяйственного труда, то есть землевладельцев, которые приняли закон. Если бы положения закона могли быть приведены в исполнение, сельскохозяйственные рабочие, а они составляли, вероятно, четыре пятых населения Англии, хотя и были номинально свободными, были бы столь же эффективно приписаны глебу, как любой польский крепостной. И, чтобы еще больше приблизиться к рабству, в следующем году (1389) был принят 13-й Rich. II., который предписывает судьям каждого округа объявлять каждые полгода, по их усмотрению, в зависимости от цен на продукты питания, какую заработную плату каждый ремесленник и

чернорабочий должен получать ежедневно. Этот закон, с некоторыми перерывами, в течение которых законодательный орган пытался самостоятельно устанавливать цены на рабочую силу, оставался в основном в силе до нынешнего столетия. Еще одна попытка низвести сельскохозяйственных рабочих до наследственной касты крепостных была предпринята 7-й главой IV. 17. (1405), который, после упоминания о том, что положения предыдущих законов были нарушены лицами, обучающими своих детей ремеслам в городах, — так что в сельском хозяйстве наблюдается такая нехватка рабочих, что *джентльмены* обнищали, — запрещает лицам, не имеющим 20 шиллингов в год на земле, делать это под страхом годовичного тюремного заключения.

Однако, похоже, что рабочие не так легко подчинились деревенскому образу жизни, к которому закон стремился их приравнять; ибо с этого времени свод законов Англии деформирован постановлениями, запрещающими трудоспособным лицам покидать свои дома, или отказываться работать за предлагаемую им заработную плату, или бездельничать (то есть делать вид, что они без работы), которые, по словам доктора Берна, "делают эту часть английской истории похожей на историю дикарей в Америке. Были нанесены почти все серьезные повреждения, за исключением снятия скальпа.[2] Был создан новый класс преступников, обозначаемый терминами "закоренелые мошенники" и "бродяги". Среди них были праздные и подозрительные лица, живущие подозрительно.[3] Лица, не имеющие земли или ремесла, которыми они зарабатывают на жизнь.[4] Праздные люди, называющие себя слугами, у которых нет хозяев. Лица, которые после отправки домой не выполняют ту работу, на которую они будут назначены.[5] Трудоспособные бедняки, которые не занимаются каким-либо честным трудом или другим; или служат даже ради мяса и питья, если больше ничего нельзя получить.[6] Трудоспособные лица, не имеющие земли или хозяина и не пользующиеся какой-либо законной занятостью. Рабочие, использующие празднество и отказывающиеся работать за разумную плату.[7]

Первая попытка человека, зависящего от его труда, заявить о своей свободе воли, сменив место жительства, или заключив сделку за свои услуги, или даже отказавшись работать за "голое мясо и выпивку", приводила к тому, что он подлежал порке и отправке обратно по месту рождения или последнего проживания на три года; или, согласно некоторым законам, на один год, чтобы быть в распоряжении местных властей. Вторая попытка в свое время подверг его пожизненному рабству, "его кормили хлебом и водой, отказывались от мяса и заставляли работать путем избиения, заковывания в цепи или иным способом"; а в результате третьей попытки он должен был понести смерть как преступник.

Мы видели, что 12-й закон о богатых. II. требовал, чтобы бессильные бедняки оставались на всю жизнь там, где они были найдены на момент провозглашения закона, или в местах их рождения. Последующие законы требуют, чтобы они в течение трех лет возвращались либо к месту своего рождения, либо к последнему месту жительства. Закон предполагал, как мы уже отмечали, что они будут содержаться там за счет добровольной милостыни; а что касается трудоспособных, то он предполагал, что трудоспособный раб, каковым был отданный местным властям работник, всегда может быть оправдан своим содержанием; это содержание, конечно, было самым низким, которое могло поддерживать его в рабочем состоянии. Однако, по-видимому, случайная милостыня была признана недостаточной или неудобной для бессильных; что местные власти не были достаточно строгими надсмотрщиками над трудоспособными; и что содержание их на работе требовало определенных средств в виде капитала. 27-я Курица. VIII.

глава 25 (1536), следовательно, требует, чтобы приходы, в которые следует направлять трудоспособных, "заставляли их постоянно трудиться таким образом, чтобы они могли сами зарабатывать себе на жизнь постоянным трудом своих рук"; под страхом, что каждый приход, допустивший неплатежеспособность, лишится двадцати шиллингов в месяц. Он предписывает церковным старостам и еще двум от каждого прихода собирать милостыню и мясные полуфабрикаты, которые будут использоваться для поддержки немощных бедняков и "пристраивать к работе крепких бродяг"; и запрещает другую милостыню под страхом потери десятикратной суммы. Это первая попытка сделать благотворительность легальной и систематической; и это, очевидно, было частью схемы по ограничению рабочего населения их собственными приходами. По-видимому, предполагалось, что систематически раздаваемая добровольная милостыня полностью обеспечит бессильных и сформирует фонд, который, опираясь на плоды их принудительного труда, поддержит "крепких бродяг"; и, следовательно, что ни у кого не может быть оправдания для смены места жительства.

В начале правления Елизаветы был принят закон, 5-я глава 3 Елизаветы (1562 г.), предусматривающий обычные наказания в виде порки, рабства и смерти для крепких бродяг; то есть для тех, кто, не имея собственности, кроме своего труда, предполагал действовать так, как будто у них было право распоряжаться ею; и содержащий обычные положения о запрете беспомощных бедняков в их приходах. Однако в одном отношении это был большой шаг вперед; поскольку в нем впервые содержится положение, позволяющее судьям облагать налогом по своему усмотрению тех, кто отказался внести свой вклад в облегчение участи импотентов и сохранение трудоспособности. Одновременно с этим статутом, и даже как его часть, поскольку это следующая глава в списке парламента, был принят 5-й Элизабет кэп. 4. Этот закон требует, чтобы все лица, обученные определенным профессиям, в то время основным профессиям страны, и не обладающие собственностью, или занятые в сельском хозяйстве, или на службе у джентльмена, продолжали заниматься такими профессиями; и приказывает, чтобы все другие лица в возрасте от двенадцати до шестидесяти лет, не являющиеся джентльменами, или учащимися школы или университета, или имеющие право на собственность, и не занятые в морских или горнодобывающих операциях, были вынуждены работать в сельском хозяйстве с любым лицом, которое потребует от такого лица служить в пределах того же графства. Женщины в корпоративных городах в возрасте от двенадцати до сорока лет, не состоящие в браке, должны быть приняты корпоративными властями на службу за такую плату и таким образом, какие власти сочтут приемлемыми. Часы работы установлены законом; и судьи дважды в год, "посоветовавшись относительно количества или нехватки времени", устанавливают заработную плату. Лица, прямо или косвенно платящие больше, подлежат наказанию тюремным заключением и штрафом; лица, получающие больше, - тюремным заключением. Никто не должен переезжать из одного прихода в другой или из одной сотни или округа для служения в другой сотне или округе без лицензии местных властей.

Когда мы вспоминаем, что неподчинение этим законам подвергало мужчину или женщину включению в запрещенный класс бродяг, наказуемых поркой, клеймением, рабством и смертью, следует признать, что, какой бы ни была практика, закон давал мало свободы трудящимся классам.

14-й закон Eliz. cap. 5 (1572 г.) применил то же законодательство против трудоспособных, просто отягчив наказание, подвергнув правонарушителей (то есть всех лиц, которые не будут работать за разумную, по мнению судей, заработную плату) порке и сожжению за первое преступление и

наказанию за тяжкое преступление за второе. Он применил дальнейший подход к существующей системе, распорядившись, чтобы фонд "для привлечения к работе негодяев и бродяг" и оказания помощи импотентам финансировался за счет общего взноса.

Двадцать пять лет спустя были приняты два закона 39-й конституции, главы 3 и 4, которые впервые разделили на отдельные статуты наказание трудоспособных и облегчение участи бессильных. Согласно второму из этих актов, бродяги (включая, повторяем, трудоспособных лиц, не имеющих лорда или наставника, не пользующихся никакими законными занятиями, и чернорабочих, отказывающихся работать за обычную плату) подлежат порке, но не клеймению, отправке обратно в свои приходы: если они окажутся такими, которые не захотят исправляться, они подлежат транспортировке или пожизненному заключению на галеры.

Другой акт, 39-я глава 3, настолько незначительно отличается от 43-й главы 2, что не требует дальнейшего внимания.

43-й день Элиза. предписывает, чтобы церковные старосты и два или более домовладельцев, назначаемые судьями, с согласия судей принимали меры для устройства к работе детей и всех лиц, не имеющих средств к существованию и не использующих обычные или повседневные занятия для пропитания; и собирать фонд путем налогообложения жителей для такого устройства к работе и для необходимой помощи хромым, бессильным, старым и слепым беднякам, не способным работать. И судьям предписано отправлять в Исправительный дом, или общую тюрьму, "тех, кто не нанимается на работу, будучи назначенными туда, как указано выше".

Из этого заявления следует, что 43-й год правления Елизаветы не заслуживает ни похвал, ни порицания, которые были расточены в ее адрес. Столь далекое от того, чтобы быть продиктованным благожелательностью, оно было необходимым звеном в одной из самых тяжелых цепей, в которые был закован народ, называющий себя свободным. Это было частью схемы, осуществлявшейся веками вопреки разуму, справедливости и человечности, направленной на превращение трудящихся классов в крепостных, заключение их в тюрьму в их приходах и диктовать им их занятия и заработную плату. Конечно, лица, прикованные к определенным районам наказаниями в виде порки, увечий и смерти, нуждались в поддержке; и, если они были способны к труду, было очевидно, что их следовало заставить вносить свой вклад в расходы по их содержанию. Отсюда возникли положения для того, чтобы облегчить участь импотентов и заставить работать трудоспособных. Но, с другой стороны, эти положения не заслуживают порицания, вынесенного им Комитетом Палаты общин в 1817 году. По своей природе они не были направлены на то, чтобы побудить трудолюбивых людей ослабить свои усилия. У них не было искушения бездельничать. Трудоспособные, которые были объектами 43-й Елизаветы, были теми, "кто, не имея средств к существованию, не занимался обычным повседневным ремеслом, чтобы зарабатывать себе на жизнь"; согласно предыдущим актам, такие люди были преступниками; работа, к которой они должны были быть привлечены, была принудительной; и если они не занимались этим, "будучи в связи с этим назначенными, как указано выше", судьи должны были отправить их в тюрьму. Трудолюбивый работник не соответствовал духу или словам этого поступка. Это действительно была жалоба лорда Хейла: "Пластырь, - говорит его светлость, - не такой большой, как рана. Есть много бедных, которые могли бы работать, если бы у них это было, и притом за разумную плату, на которую они могли бы прокормить себя и свои семьи. Это не подпадает под действие закона".^[8]

И это было задолго до того, как законодательный орган согласился на какое-либо продление 43-й Елизаветы. 8-Е и 9-е завещания. III. глава 30, принятая почти столетие спустя, "С целью того, чтобы деньги, собранные *только* для помощи *таким, которые являются бессильными, а также бедными*, не могли быть использованы не по назначению", требует, чтобы все лица, получающие помощь, и их семьи носили значок, содержащий большую римскую букву Р и первую букву названия прихода, от которого они получили помощь; цель состоит не в том, чтобы унижить бедняка, как предполагалось, а в том, чтобы предоставить простое средство обнаружения надзирателя, который сменил бедняка. трудоспособный человек.

Деспотическое законодательство Плантагенетов и Тюдоров не увенчалось успехом. Положения, от которых зависела его эффективность, а именно регулирование заработной платы судьями, наказание тех, кто отказывался работать за такую заработную плату или кто платил больше этой заработной платы, и наказание тех, кто покидал свои приходы без лицензии, постепенно устаревали. С юридической точки зрения они оставались в силе до нынешнего столетия. Сэр Фредерик Иден собрал нормативы заработной платы судей с 35-го Элизабет (1593) по 1725 год. И последнее, что он приводит, регулирующее заработную плату в графстве Ланкастер в 1725 году, содержит изложение закона судьями в духе времен Генриха VIII. или Элизабет: "Чтобы преступники могли быть непростительно наказаны, мы, упомянутые судьи, публикуем эти доносы, наказания и конфискации, которые налагаются законами. Ни один слуга, который ранее находился на службе, не должен быть принят на работу без свидетельства о том, что он или она имеет законное разрешение на увольнение и может служить в другом месте, чтобы быть зарегистрированным у священника прихода, из которого этот слуга увольняется. Хозяин, удерживающий слугу без такого свидетельства, лишается пяти фунтов стерлингов. Лицо, желающее получить такое свидетельство, должно быть заключено в тюрьму до тех пор, пока оно его не получит. Если он не произведет ни одного в течение двадцати одного дня, то будет выпорот как бродяга. Лицо, которое выплачивает заработную плату больше, чем назначено судьями, лишается пяти фунтов стерлингов и подвергается тюремному заключению на десять дней; слуга, получивший больше, подлежит тюремному заключению на двадцать один день. Любое обещание или дар, независимо от того, что противоречит этому, является недействительным. Мы, упомянутые судьи, проведем строгое расследование и проследим, чтобы нарушения этих древних и полезных законов были строго исправлены и наказаны".

Свободное общество - это недавний и небольшой эксперимент. Английские законы о бедных и английские бедняки составляют его единственную историю; ибо только в Англии эксперимент проводился в больших масштабах на протяжении нескольких столетий. Если мы не доказали его полную и катастрофическую несостоятельность в Англии, в нашей социологии и в этой главе, мы полны решимости доказать это до того, как сделаем это.

Это любимая политическая максима англичан, что налогообложение и представительство должны идти рука об руку; и что никто не должен облагаться налогами без их собственного согласия. Тем не менее, в Великобритании рабочие, которые платят каждый цент налога, вообще не представлены, не имеют права голоса на выборах и облагаются налогами без их собственного согласия и вопреки ему; в то время как класс капиталистов, которые не платят налогов, но, как верно говорит Геррит Смит, являются простыми проводниками, которые передают их от рабочих правительству. Этот вампирский класс капиталистов налагает все налоги и не платит ни одного. Увы! бедная человеческая природа! Она вечно цепляется за правду и обнимает себя.

СНОСКИ:

[2] История законов о бедных, стр. 120.

[3] 11 Неп. VII. сар. 2.

[4] 22 Курицы. VIII. глава 12.

[5] 27 Куриц. VIII. глава 25.

[6] 1 Изд. VI. глава 3.

[7] 3 и 4 Изд. VI. загл. 16. 14 Изд. кап. 5. 39 Изд. кап. 4.

[8] Подробнее смотрите статью лорда Хейла в "Истории законов о бедных" Берна, стр. 144.

ГЛАВА XII.

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Каждая из многочисленных французских революций была вызвана нищетой, почти граничащей с голодом среди трудящихся классов. Каждая из них была восстанием труда против капитала. Но до революции 1848 года революционеры не осознавали ни своих мотивов, ни своих целей. До тех пор они верили, что политические перемены устранят зло, которое их угнетало. После революции 1830 года философы и государственные деятели, видя неадекватность смены династии или политического курса для облегчения страданий великого рабочего класса, начали глубже искать причины социального замешательства. Внезапно не только во Франции, но и по всей Западной Европе было сделано открытие, что болезнь носит социальный, а не политический характер. Что она вызвана слишком неравномерным распределением капитала и эксплуатацией им рабочей силы. Самые способные умы видели, как в Англии, так и во Франции, что, передав бразды правления из рук потомственных членов королевской семьи и дворянства в руки класса капиталистов, народ променял нескольких хозяев на тысячи вымогателей. Никогда еще столь масштабное моральное, интеллектуальное и социальное движение не возникало так внезапно и не распространялось так быстро. Это стало писком моды. Даже в Америке наши северяне заболели болезнью, которой они не чувствовали, точно так же, как придворные Александра передразнивали его кривую шею; и антирентизм и земельная монополия стали постоянной темой разговоров, лекций, выступлений, книг и эссе. Во Франции и в Англии до 1830 года было несколько социалистов, таких как Фурье и Сен-Саймон, Оуэн и Фанни Райт, но к ним мало прислушивались, и их обычно считали наполовину сумасшедшими. Сразу же после этого гораздо большая часть литературных умов Европы усвоила, полностью или частично, доктрины этих ранних социалистов. Инфекция вскоре достигла низших классов и вызвала революцию, которая должна была носить как социальный, так и политический характер, по всей Западной Европе. Временное правительство Франции, которое сразу же сменило Луи Филиппа, состояло исключительно из социалистов, и его программа и предпринятые меры были насквозь социалистическими.

Вопрос о положении трудящихся классов в Европе, и особенно во Франции, был рассмотрен с точностью деталей и широтой научного выражения в обзоре нашей собственной работы в "Литературном вестнике" за март 1855 года, на что мы не способны. Автор, профессор Х. из Вирджинии, является нашим единственным знакомым по переписке. Уведомленные письмом, что он рассмотрит нашу кандидатуру и что он согласен с общей истинностью нашей теории, мы предложили ему в ответ, чтобы он, используя свои обширные знания, укрепил наши основные позиции. Он счел это предложение хорошим и выполнил нашу просьбу со способностями и ученостью, которых не смог бы сделать ни один другой человек за столь короткий срок. Поскольку мы побудили его к этому, если не стали причиной его тяжелого труда, мы не приносим извинений за то, что присвоили так много из его обзора, который, по-видимому, является ответом на наше предложение:

От принципов, изложенных в теории и подтвержденных примерами на практике, мы переходим к эффектам. То, что религия была подорвана, мораль осквернена, преступность возросла, нищета расширилась, углубилась и умножилась, нужда и голод усилились, общество взбудоражено, а упорядоченное правительство находится под угрозой из-за прогресса так называемого процветания системы свободного труда, очевидно без дополнительных доказательств для любого, кто читает современную литературу, кто обращает внимание на заявления газет и отчеты о законах о бедных, кто отмечает дела, переданные в полицию или уголовные суды, или осведомлен из любого источника информации о действительном положении масс и бедных в Англии, Шотландии, Ирландии, Франции, Германии, Пруссии и некоторых частях Швейцарии, а также в Новой Англии и Северных штатах. Связь результатов с причинами умело прослежена мистером Фитцхью, но не с достаточной тщательностью, детализацией и точностью; и действительный характер и грандиозность результатов демонстрируются им самим и бесконечным рядом самых разнообразных и неопровержимых свидетельств. "История рабочих классов" Робера Дювара, которую мы объединили с "Социологией Юга" в качестве текста для настоящих наблюдений, полна свидетельств на этот счет в отношении Франции; и для других указанных стран можно легко получить достаточно свидетельств. Бостонских газет будет достаточно, чтобы проиллюстрировать нищету трудящихся классов в Новой Англии; "Нью-Йорк Геральд энд Трибюн", труды Стивена Перла Эндрюса и самого Грили окажут ту же услугу другим северным штатам: "Олтон Локк", "Мэри Бартон", "Лондонские лейбористы и лондонская беднота" Мэйхью, "дебаты в парламенте", отчеты уполномоченных по законодательству о бедных и "Инглиш Ревьюз" в полной мере проиллюстрируют положение Великобритании и Ирландии; а для Германии можно сослаться на "Europarsches" Хаклендера. Склавленлебен, произведение, которое последовало примеру "Хижины дяди Тома" и изобразило положение низших классов в Европе как гораздо более законный объект европейской симпатии и внимания, чем американское рабство. Там, где доказательства столь обильны и объемны, отбор был бы столь же ненужным, сколь и утомительным. Она доступна каждому, кто желает ознакомиться с ней; и нам нет необходимости загружать наши страницы выдержками, подтверждающими то, что часто и достаточно доказывалось ранее, и то, что является общеизвестной истиной, отрицать которую невозможно. Несколько цитат, иллюстрирующих состояние обществ свободного труда, мы, действительно, можем привести позже, в связи с другим разделением аргументации; но они совершенно не нужны для подтверждения утверждения о нищете и разврате, которые поглощают жизненно важные органы основных свободных обществ девятнадцатого века. Они становятся еще более ненужными из-за того факта, что приемлемость социализма во всех этих сообществах выдает

масштабы как нищеты, так и социальной болезни, которую необходимо вылечить; и признание множества недавних авторов на социальные темы признает не только зло, которое мы указали, и их зависимость от теории и практики свободных обществ, но признает также истинность общего вывода, что перечисленные свободные общества, несомненно, потерпели неудачу, они не принесли ожидаемых от них постоянных или всеобщих благ, они вызвали ошеломляющую социальную катастрофу, бесконечно умножили беды и страдания. пороки бедных угрожали всему обществу, правительству и национальному существованию в этих сообществах и предвещали будущее настолько мрачное, что можно было отчетливо распознать лишь его мрачные и призрачные очертания.

Мы рассматриваем использование мистером Фитцхью этих допущений европейскими писателями и северными реформаторами как наиболее важную позицию в его аргументации и наиболее характерное новшество в его защите Юга. Свидетельства, которые он приводит, очень сильны и заострены, но их можно легко умножить, и от такого умножения они обретут еще большую силу. В течение многих лет мы тщательно собирали подобные признания от иностранных авторов и с радостью вносим их в дело Юга и в укрепление позиций мистера Фитцхью. И давайте помнить, что ни в "Социологии для Юга", ни в цитатах, которые будут кратко представлены здесь, нет единственной или главной обязанности чартистов, социалистов, коммунистов или аграриев любого рода. От таких авторов были получены некоторые признания, но главный вклад сделан теми, кто был наиболее ярыми сторонниками прошлых социальных порядков и кто, несмотря на большое разнообразие взглядов, способностей, исследований и возможностей получения знаний, все еще представляет трезвый консервативный взгляд своих соответствующих сообществ. Мы сожалеем, что мистер Фитцхью оказал столько поддержки социалистам и частично отождествил социализм и рабство, но самая сильная часть его свидетельств несостоятельности свободных обществ почерпнута из других заявлений, отличных от их, и мы будем подражать его примеру.

Начнем, однако, с социалиста, но почти единственного, кого мы призовем к ответу:

"Французская революция была абортom. Торговые классы (*буржуазия*) организовались во имя капитала, и вместо того, чтобы стать человеком, крепостной стал пролетарием. Каково же было его положение? Самое болезненное из всех, самое невыносимое, какое только можно себе представить. Как и все пролетарии, представители торгового класса кричали: "Свобода, равенство, братство". Результатом стало то, что все, что было *proletaire*, то есть все те, у кого нет капитала, стонут под самым жестоким использованием (*эксплуатация*.) Они не могут быть ни свободными людьми, ни братьями, ни равными. Не свободные, потому что их хлеб насущный зависит от тысячи случайностей, вызванных конкуренцией капиталистов между собой; не братья, потому что с сердцами, раздавленными и истерзанными обуревающим их злом, они не могут любить тех, чья вера столь фатальна для них; не равные, потому что капитал является высшим законом, и только через него возможно какое-либо участие или согласие в социальной власти".[9]

Следует извиниться за то, что я не попытался перевести термин *prolétaires* в приведенном выше отрывке, но каждый, кто знаком с состоянием современных свободных обществ, знает, что он абсолютно непереводаим. Это незаменимое слово в наше время, и невозможность избежать его употребления является более веским доказательством несостоятельности свободных обществ, чем изобретение словосочетания "Социология", которое мистер Фитцхью рассматривает

именно в этом свете. Его следует без колебаний ввести в английский язык; оно может похвастаться очень respectable латинским происхождением; оно встречается в XII Таблицах и первоначально обозначало человека низшего класса, слишком бедного, чтобы платить налоги, и неспособного служить государству иначе, чем воспитывая детей и, таким образом, увеличивая население[10] — очень сомнительная услуга в современной Европе.

Мы возвращаемся к г-ну Роберу дю Вару:

"Следует отметить, что то, что называется пауперизмом, эта язва, которая заражает и все больше и больше разъедает общественное тело, не могло существовать в такой же степени у народов древности. Это феномен, который мог возникнуть только как следствие превращения рабства в крепостничество, а крепостничества в свободный труд (*пролетариат*.) * * * В древности каждый человек, свободный или нет, гражданин или раб, всегда был связан с каким-либо центром, который обеспечивал ему по крайней мере материальную поддержку".[11]

"В результате свободы личности, независимой от какой-либо центральной власти, провозглашенной христианством, поддерживаемой и развиваемой инстинктами северных варваров, узаконенной и преобразованной в социальную доктрину институтом коммун, по всей Европе образовалось и рассеялось бесчисленное население, не имеющее материальной связи с обычным обществом и не имеющее для себя ничего, кроме самой неприкрытой свободы, то есть нищеты, обособленности. Оттуда вышли бедняки, попрошайки, воры — одним словом, парии всех мастей, с которыми общество было вынуждено сотрудничать, вольно или неохотно, путем основания учреждений, призванных залечить кровоточащую рану пауперизма, порожденную свободой".[12]

"С какой бы точки зрения ни рассматривалась современная система, кажется невозможным не признать, что политико-экономическое правило свободной конкуренции является отрицанием, как указывает его название, всех связей и общности интересов между членами общества. Свободная конкуренция - это свободное поле, открытое для каждого индивида, обеспеченное или нет элементами, необходимыми для ее проявления; одним словом, свободная конкуренция - это свобода, но свобода без каких-либо иных правил, кроме материальной и моральной силы, которой каждый может распоряжаться при наличии тысячи причин, вызывающих различие в положении индивидов".[13]

"Но мы говорим, что система, которая таким образом морально вооружает бедных друг против друга, является варварской системой и противоречит цивилизации: она варварская, поскольку развивает все дурные наклонности человеческого сердца: она противоречит цивилизации, потому что вместо того, чтобы способствовать гармоничным отношениям между людьми, она склоняет их к взаимному отталкиванию и враждебности".[14]

Это достаточный образец показаний месье Робера дю Вара. Большая часть его работы направлена на то же самое: и существует удивительное соответствие между его критикой политической экономии,[15] и теми, которые высказал мистер Фитцхью. Они заслуживают особого внимания.

Процитируем другого социалиста, М. Видаля:

"Бык, лошадь, боров едят в соответствии со своим голодом: их желания даже предвосхищаются: им обеспечено пропитание. То же самое происходит и в случае с рабом. Ибо

бык, лошадь, боров, раб принадлежат хозяину, и их потеря - это потеря владельца: *res perit domino*, говорится в Сборнике. Но с наемным рабочим все по-другому! Он принадлежит самому себе.

Его смерть - это потеря его семьи, которую он содержал, и которая больше не найдет средств к существованию. Какое значение для работодателя имеет смерть наемного работника? Разве не везде миллионы вооруженных людей всегда готовы предложить себя за меньшую плату?"[16]

Давайте обратимся к свидетельствам иного характера. Вот свидетельство сэра Роберта Пила о состоянии Ирландии до 1844 года, до картофельной гнили и массового голода:

"Можно быть уверенным, что дома четвертого класса (согласно переписи) в целом непригодны для проживания людей; и все же, по-видимому, в графстве Даун с наилучшими условиями в этом отношении 24,7%, или одна четвертая часть населения, живут в домах этого класса: в то время как в Керри население составляет 66,7%, или около двух третей от общего числа; и, взяв среднее значение для всего населения Ирландии, приведенное комиссаром переписи, мы обнаруживаем, что в сельских округах около 43% населения . семей, а в городских округах - около 36%. проживают в домах четвертого класса. * * *

- Помните, что к низшему, или четвертому классу, относятся все глинобитные каюты, состоящие всего из одной комнаты.[17]

Мистер Кэй, из уст которого цитируются предыдущие замечания сэра Роберта Пила, таким образом комментирует убийство, совершенное в Ирландии в день открытых дверей. Двое убийц сбежали:

"Почему, - спрашивает он, - эти люди не были задержаны? Из-за прогнившего состояния общества в этих районах; из-за сочувствия, которое испытывает большая часть населения к тем, кто этими ужасными актами мести, как предполагается, защищает права арендатора и, как предполагается, обеспечивает ему ту защиту, в которой отказано имперское законодательство. Первое, что когда-либо привлекало мое внимание к состоянию Ирландии, было прочтение отчета об одном из таких безобразий. Я на мгновение задумался об этом, но истина сразу же поразила меня: и все, что я увидел с тех пор, подтверждает это. Когда закон отказывается от своего долга, когда правительство отрицает право народа, когда конкуренция так жестока за небольшую землю, которую монополисты предоставляют для обработки в Ирландии, когда, фактически, за голую картошку борются миллионы, эти люди отброшены от закона и от обычаев цивилизации к тому, что называется законом природы, и, если не сильнейшим, то законом мстительных; и в этом случае народ Ирландии верит, насколько мне известно, что только этими актами мести, периодически совершаемыми, они могут удержать власть. в напряжении рука владельца и агента, который в слишком многих случаях, если бы осмелился, уничтожил бы их".[18]

Это прекрасный результат для свободного труда, свободной конкуренции и аболиционизма. Но Ирландию всегда уважали *un mauvais sujet*. Давайте пересечем канал Святого Георгия:

Таким образом, английский крестьянин лишен почти всякого мотива заниматься экономикой и самоотречением, помимо того, что достаточно для обеспечения своей семьи едой и одеждой. Когда-то крестьянин в Англии, и человек не может надеяться, что он сам или его дети когда-нибудь станут кем-то лучше, чем простым рабочим по еженедельному найму.

"Эта печальная черта жизни английского крестьянина была наиболее ярко и совершенно справедливо изображена в тех статьях "Таймс", на которые я ссылался выше. Там было показано, что за последние полвека было сделано все, чтобы лишить крестьянина всякого интереса к сохранению общественного порядка; всякого желания поддерживать существующую структуру общества; всякой надежды возвыситься в мире или улучшить условия своей жизни; всякой привязанности к своей стране; всякого чувства того, что между ним и высшими слоями общества действительно существует какая-либо общность интересов; и всякого сознания того, что ему есть что терять в результате политических перемен; и что все было сделано для того, чтобы вызвать у него недовольство своим положением, зависть к более богатым классам и недоволен существующим порядком вещей".[19]

Это тоже приятная картина, которую не проясняет дальнейшая информация о том, что,

"Говорят, что в 1770 году только в Англии насчитывалось 250 000 поместий, находящихся в свободной собственности, в руках 250 000 различных семей. В 1815 году, по окончании войны за независимость, все земли Англии были сосредоточены в руках всего 32 000 собственников".[20]

"Каков результат? Рынок труда в промышленных городах постоянно перенасыщен; рабочие и лавочники находят новых и нетерпеливых конкурентов, список которых постоянно пополняется; конкуренция в городах становится неестественно острой; прибыли и заработная плата неестественно снижаются; городские работные дома и городские тюрьмы переполнены заключенными; жители перегружены расценками; а города кишат нищими и убожеством.

"Я не знаю, что могут подумать другие, но для меня это печальное зрелище - видеть огромное количество порока и униженной нищеты, которые демонстрируют наши города, а затем думать, что мы делаем все возможное, чтобы способствовать росту и распространению такого положения вещей с помощью той системы законов, которая гонит так много крестьян как Англии, так и Ирландии в города, и увеличивает и без того огромную массу страданий, поступая таким образом.

Я говорю обдуманно, когда говорю, что не знаю зрелища более низкого и, если мне будет позволено употребить сильное слово, более ужасного, чем закоулки и пригороды английских и ирландских городков с их грязными обитателями; с их толпами полуодетых, грязных и приниженных детей, играющих в грязных псарнях; с их многочисленными кабаками, заполненными людьми, чьи руки и лица показывают, что их плоть, так сказать, пропитана спиртными напитками - единственное утешение, бедные создания, которое они испытывают. у них есть!... и с бедными молодыми девушками, которых недостаток религиозного воспитания в младенчестве и нищета привели к самому низкому и жалкому из всех занятий".[21]

"Из 1600 [детей-пауперов в Лондоне], которые были допрошены, 162 признались, что они были в тюрьме не один и даже не два раза, а некоторые из них несколько раз; 116 сбежали из своих домов; 170 спали в "ночлежках"; 253 жили попрошайничеством; у 216 не было ни обуви, ни чулок; у 280 не было ни шляпы, ни чепца, ни покрывала для головы; у 101 не было белья; 349

никогда не спали в постели; многие не помнили, чтобы когда-либо были в постели; 68 были детьми осужденные".[22]

"Чем дальше мы исследуем, тем более болезненной, отвратительной и невероятной становится эта история.

"Мы видим повсюду величественные дворцы, которым нет аналогов ни в одной стране мира. Дома наших богачей великолепнее и роскошнее, чем в любой другой стране. Каждый край разграблен, чтобы украсить или обставить их. Мягкие ковры, тяжелые богатые портьеры, роскошные диваны, пуховые кровати, сервизы, многочисленные слуги, великолепные экипажи и все дорогие произведения литературы, науки и искусства, которыми заполнены дворцы Англии, составляют лишь элементы *ансамбля* изысканности и великолепия, которые никто никогда не мог себе представить во всем великолепии древних империй.

Но взгляните под всю эту показуху и роскошь, и что мы там увидим? Обнищавший и страдающий народ.

"Чтобы поддерживать шоу, мы унижали массы, пока не создали зло настолько масштабное, что теперь отчаиваемся когда-либо найти средство от него".[23]

Теперь мы можем не принимать во внимание мистера Кея — это свидетельство достаточно прямое и исчерпывающее: и все же было бы легко привести еще много более сильных заявлений, сделанных им, которые были опущены, потому что их было слишком долго цитировать. Мистер Кей не является ни чартистом, ни социалистом. Он выпускник Тринити-колледжа в Кембридже, юрист и в течение восьми лет путешествовал по Европе по назначению Сената Кембриджского университета в качестве путешествующего бакалавра университета, которому было поручено "совершить путешествие по Западной Европе с целью изучения социального положения беднейших классов разных стран".[24] Свидетельства такого человека должны быть авторитетными, но мы продолжим наши цитаты:

"Нельзя отрицать, что мораль в наши дни пришла в упадок вместе с прогрессом знаний".[25]

Еще одно слово, и мы закончили. По многим вопросам практического долга люди сейчас делают вид, что они мудрее и лучше Библии. Широко распространены планы социального прогресса и оздоровления, от которых веет трансцендентальной утонченностью, неведомой обыденной морали Слова Божьего. Мы становимся слишком сентиментальными, чтобы мириться с тем, что даже убийца будет предан смерти. И теперь мы выступаем за улучшение самого Божьего постановления о браке; и мы видим прекрасное, романтическое, нежное очарование в союзе братьев и сестер, на который Бог наложил свое проклятие. Что могут означать подобные вещи? Являются ли они предвестниками такого необузданного беззакония и похоти, какими были дни до Потопа? Являются ли они знамениями дней, мало чем отличающихся от тех, которые должны предшествовать пришествию Сына Человеческого?"[26]

"Задача восстановления здоровья и состоятельности столь страшно больного общества, каким, несомненно, является наше, всеми признается одновременно самой благородной и насущной, на которую граждане или государственные деятели могут сейчас направить свою энергию".[27]

"Общество, такое, каким оно является сейчас в Англии, не будет продолжать существовать и т.д."[28]

"Последняя битва цивилизации - самая суровая: последняя проблема, которую труднее всего решить. Из всех многочисленных ингредиентов и влияний прошлого; из покорения природы и победы свободы; из смешения всех предыдущих форм государственного устройства и модификаций человечества возник сложный общественный порядок, нарушения и аномалии которого столь же сложны, как и его собственная структура. Сейчас мы призваны к битве не с материальными трудностями, и даже не с угнетателями, и не со священниками, а с несовершенным и болезненным состоянием того социального мира, частью которого мы являемся; с болью и злом, ужасающими по своим масштабам, сбивающими с толку своей тонкостью, озадачивающими своей сложностью и требующими гораздо более ясного понимания и безошибочного суждения, чем даже чистота цели или повелевающая энергия воли. Можно сказать, что этот конфликт восходит к первой Французской революции; и с тех пор он становился все более интенсивным, пока не достиг живости и серьезности интереса, которые превосходят и затмевают привлекательность всех других тем, и с. & с." [29]

"Быстро ускоряющийся упадок Англии - очень примечательное и скорбное явление; это смертельная болезнь, от которой нет лекарства. Я сравниваю нынешних англичан с римлянами третьего века после Рождества Христова". [30]

Аналогию можно было бы распространить почти на всю современную цивилизацию.

"Произошли огромные катастрофы, и нет сопротивления; нет подобия великих людей, нет радости или энтузиазма, нет надежд на будущее, за исключением того, что однажды наступит время, когда посредством взаимного обучения каждый крестьянский мальчик сможет читать. Истина заключается в явной нужде населения, которое решило больше не терпеть ее, и это снова прокладывает путь к пересмотру собственности; что, на самом деле, не является чем-то новым под солнцем, но было неслыханным на протяжении прошлых веков, и даже сейчас кажется совершенно немыслимым нашим политикам, которые поставили собственность на место Бога, в Святая Святых, и т.д., и т.п." [31]

Мы не можем рискнуть расширить наши выдержки, хотя у нас есть материалы, позволяющие увеличить их в десять, нет, в двадцать раз. Мы приводим их просто как подтверждение позиции мистера Фитцхью, согласно которой, на самом деле и по общему признанию, Свободное общество потерпело катастрофический и непоправимый крах в основных сообществах христианского мира.

СНОСКИ:

[9] Роберт (du Var.) История. de la Classe Ouvrière. Dédicace aux Travailleurs. том. I. p. X-XI.

[10] Авл Геллий, ум. Вторая библиотека. XVI, с. X.

[11] История. de la Classe Ouvrière. liv. IX. глава. VII. том. III. стр. 100.

[12] История. de la Classe Ouv. liv. IX. глава. VII. стр. 102, том. III. стр. 102.

[13] Там же, № XIV. глава I. том. IV. стр. 285-6.

[14] Там же. № XIII. глава. II. том. IV. стр. 247.

- [15] Там же. № XII. глава. III. том. IV. стр. 50-105.
- [16] Видал. *Repartition des Richesses*. статья. II. глава. III.
- [17] Социальное положение и образование жителей Англии и Европы. Джозеф Кей, эсквайр, магистр медицины, глава. I, том. I, стр. 314.
- [18] Кей, социальное положение и др., из Англии и Европы. глава. I, том 1, стр. 317-318.
- [19] Кей, глава. II, том. I, стр. 361.
- [20] Кей, глава. II, 2-й том., стр. 370. цитирую эссе преподобного Х. Уорсли о развращенности несовершеннолетних, стр. 53.
- [21] Кей, глава. I, том. I, стр. 372-3.
- [22] Кей, глава. I, том. I, стр. 395.
- [23] Кей, глава. I, том. I, стр. 452-3.
- [24] Кей, глава. I, том I., стр. 4.
- [25] Сассе, О философии и религии XIX века. *Siècle*. p. 222.
- [26] *North British Review*, № XXIV, арт. IX, февраль 1850. стр. 299-300. Утра. Изд.
- [27] *Edingb. Rev. Oct.* 1849. Art. VI, стр. 497-8. Англ. изд.
- [28] Шатобриан. Очерки английской литературы. Париж. 1838, цитируется Кей.
- [29] Вестминстерское обозрение, № CXI. Art. III. 9 января 1852г.
- [30] Нибур. Жизнь и письма, стр. 506.
- [31] Нибур, Там же, стр. 528. См. также, стр. 526.
-

ГЛАВА XIII.

РЕФОРМАЦИЯ — ПРАВО НА ЛИЧНОЕ СУЖДЕНИЕ.

Реформация, как и Американская революция, была инициирована и доведена до успешного завершения мудрыми, хорошими и практичными людьми, чьи интуитивные суждения и пронизательные инстинкты позволили им нащупать свой путь через трудности, которые их окружали. Мудрые люди знают, что в запутанной паутине человеческих дел слишком много сложностей, чтобы оправдать попытку одновременно практиковать и философствовать, действовать и рассуждать. Глупцы и философы слишком часто портят добрые дела таких людей, притворяясь, что ясно видят и точно определяют принципы действия, которые привели к этим делам. Вашингтон, Пил или Веллингтон никогда не "записывают себя в ослы", апеллируя к абстрактным принципам для оправдания мер, которые становятся необходимыми в силу тысячи мельчайших и особенных обстоятельств каждого часа, которые здравый смысл и опыт

инстинктивно оценивают, но которые философия тщетно пытается обнаружить или обобщить. Здравый смысл никогда не пытается "изгнать природу", но предлагает и проводит тысячи полезных реформ путем обращения к прошлому и сравнения с ним, а также путем осторожных экспериментов.

Здравый смысл иногда ошибается из-за чрезмерной бережливости; но лучше ошибиться с Поупом, который думал: "Все, что есть, правильно", чем с Джефферсоном, каждое действие и слово которого доказывает, что он считал: "Все, что есть, *неправильно*".

Реформация была не мыслью и действием Лютера, Кальвина, Кранмера и Эразма; но мыслью и действием общества — *vox Populi, vox Dei*. Папы и кардиналы не непогрешимы, но общество непогрешимо. Его гармония - это его здоровье; и расходиться с ним - ересь или измена, потому что социальные разногласия причиняют страдания отдельным людям; а то, что беспокоит и дезорганизует общество, ухудшает счастье и благополучие его членов.

Эта доктрина о непогрешимости общества предложена, хотя и не выражена, в максиме—*Salus populi, est suprema lex*. Пуритане на заре существования Новой Англии действовали именно так; и если они повесили нескольких надоедливых старух, то добро, которого они достигли, было с лихвой компенсировано любыми ошибками, которые они могли совершить. Свобода печати, свобода слова, свобода религии или, скорее, свобода от религии и неограниченное право на частное суждение не принесли хороших плодов, а принесли много плохих. Неверные, Скептики, миллериты, мормоны, аграрии, духовные рэперы, вейкманиты, Свободные негры и шаровары нарушают общественный покой, угрожают сохранности собственности, оскорбляют общественное чувство порядочности, нападают на религию и призывают к анархии. Общество имеет право и обязано заботиться о себе само; и когда общественное мнение становится бессильным, закон должен вмешаться и наказать все действия, слова или мнения, которые стали преступными, став опасными или наносящими вред.

Мы были бы рады видеть возрождение нетерпимости к ошибкам в Новой Англии. Распущенность правления и общественного мнения сами по себе являются грехом и ведут к тысячам других грехов. Новая Англия виновна в том, что позволила Паркеру и Бичеру разжигать гражданскую рознь и внутренние распри с кафедры. Эти люди заслуживают наказания, ибо они спровоцировали и стали причиной тысячи убийств в Канзасе; и все же они не сделали ничего большего, чем осуществили на практике право на личное суждение, свободу слова, свободу печати и религии. Эти хваленые привилегии стали гораздо более опасными для жизни, собственности и спокойствия людей этого Союза, чем все грабители, убийцы и злоумышленники, вместе взятые.

Реформация была всего лишь усилием Природы — *vis medicatrix naturæ* — отбросить все ложное, порочное или излишнее и сохранить то, что было хорошим.

Великие люди, но не показывают, большой порций общей мысли. Люди и все другие социальные и стадные животные обладают общностью мышления, движений, инстинктов и интуиции. Социальное тело само по себе является мыслящим, действующим, чувствующим существом. Это в высшей степени заметно у низших животных. Пчелы и стада совершают свои эволюции со слишком большой скоростью и точностью, чтобы оставлять какие-либо сомнения, кроме того, что их движениями руководит один разум и одно чувство, как внутреннее, так и внешнее. Величайшей ошибкой современной философии является незнание или забвение

этого факта. Первым отходом от него была не Реформация — ибо это была преимущественно социальная идея и общественное движение, — а доктрина права на частное суждение, которую спекулятивные философы и тщеславные раскольники пытались привить к нему или вывести из него. Человеческое равенство, общественный договор, отстраненные и эгоистичные доктрины политической экономии, всеобщая свобода, свобода слова, печати и религии проистекают непосредственно из этой доктрины или являются лишь новыми способами ее выражения. Аграрность, Свободная любовь и Отсутствие правительства - вот его логические последовательности: ибо право судить самим подразумевает право действовать в соответствии со своими суждениями, а этого никогда нельзя сделать в мире, где частное присвоение всего капитала и вмешательство правительства ограничивают нашу свободу воли и парализуют наши действия со всех сторон.

Иногда мы думаем, что сожжение библиотеки Александра Дриана было провиденциальным очищением, точно так же, как фиктивное сожжение Сервантесом библиотеки Дон Кихота избавило мир от бесполезного средневекового хлама благодаря столь удачно приложенным к нему насмешкам. Мы уверены, что пожар, который поглотил бы все теологические и другие философские спекуляции последних двух столетий, был бы счастливым посланием Бога.

Наша революция, столь мудрая по своей концепции и столь славная по своему исполнению, была простым утверждением взрослых прав взрослых и имела к философии не больше отношения, чем отлучение теленка от груди. Это был акт народа, стремящегося к национальной независимости, а не утопическая схема философов-спекулянтов, стремящихся установить равенство людей и социальное совершенство.

Но философы ухватились за это, как они ухватились за Реформацию, и сделали его невольным и неестественным источником самого большого и отвратительного вывода болезней, которые когда-либо появлялись при одном рождении, с момента открытия ящика Пандоры. Билли о правах, Акты о свободе вероисповедания и Конституции, пропитанные доктринами, прямо противоречащими любому стабильному правительству, кажутся основой, на которой зиждутся наши институты. Но это только кажется, ибо, по правде говоря, наши законы и правительство - это либо старые англосаксонские предписания, либо постепенное нарастание времени, обстоятельств и необходимости. Бросьте в огонь наши бумажные платформы, проповеди и резолюции, гарантии и конституции, и нам не станет хуже, при условии, что мы сохраним наши институты — и потребности, которые породили их и до сих пор продолжают существовать.-----
-----.

Любое правительство действует сверх меры. Ни отдельные люди, ни общества не могут управлять собой, так же как мышь не может жить в истощенном приемнике, или клоун приподнимается за отворот своих панталон. Юг руководствуется необходимостью содержать своих негров в порядке, что сохраняет здоровое консервативное общественное мнение. Если бы негры проголосовали, необходимость была бы устранена, потому что интересы правящего класса перестали бы быть консервативными. Необходимость, правящая власть *ab extra*, были бы устранены. Маленькие республики Древней Греции смогли сохранить самые искусственные социальные порядки в условиях необходимости, порожденной рабством и враждебным давлением извне. Они боялись перемен, потому что восстание было опасно.

Если бы правительство на бумаге действительно было бесполезным и безобидным, мы бы ничего не говорили об этом. Но это сопряжено с опасностью, во-первых, потому, что мы

склонны полагаться на это для обеспечения безопасности прав, а во-вторых, потому, что это редко подходит к случаю. Люди и общества, как правило, наделены Провидением достаточными знаниями и рассудительностью, чтобы действовать прямолинейно или осмотрительно в возникающих обстоятельствах; но они не могут ни предвидеть, ни предусмотреть будущее, ни установить правила поведения других людей. Все платформы, резолюции, билли о правах и конституции верны в частностях и ложны в целом. Следовательно, все законодательные акты должны быть отменены, а эти инструменты - всего лишь законы. Фундаментальные принципы, или высший закон, - это тайны природы, которые Бог хранит при себе. Тщетная попытка "часто повторятых" - всего лишь поступок ребенка, который строит карточные домики ради удовольствия разрушить их. Возвращение к фундаментальным принципам и апелляция к высшему закону - это всего лишь набат революции, который может все перевернуть, но который ничего не установит, потому что нет двух человек, согласных относительно того, что такое высший закон, он же "фундаментальные принципы".

Моисей, Ликург, Солон и Нума построили свои институты на века, предписали людям никогда их не менять и окружили их святостью религии, чтобы отразить кощунственную руку будущих нововведений. "Частое возвращение к фундаментальным принципам" и разрушение карточных домиков не были частью их науки управления. Мы часто думали, что из всех утраченных искусств искусство управления было единственным, о потере которого мы могли бы сожалеть или восстановление которого стоит усилий по изучению.

Нам кажется, что "первопричины", "фундаментальные принципы" и "высший закон" означают одно и то же: "фатальное начало", преследовать которое опасно, а обогнать безнадежно.

Возможно, мы несправедливы к мистеру Джефферсону, предполагая, что его "фундаментальные принципы" и "высший закон" мистера Сьюарда означают одно и то же; но несправедливость может быть очень незначительной, поскольку они оба вообще ничего не значат, если только это не решимость установить анархию и творить всевозможные беды. Мы отсылаем читателя к главе о "Декларации независимости" и проч. в нашей социологии для дальнейшего рассуждения о фундаментальных абстракциях, похожих на бочки с порохом, на которые *епритворяются* опирающимися наши славные институты. Мы говорим "*воздействовать*", потому что уверены, что ни их покой, ни постоянство не будут нарушены удалением поддельного фундамента.

Истинное величие мистера Джефферсона заключалось в его способности к революции. Он был гением инноваций, архитектором разрухи, инициатором анархии. Его миссией было разрушать, а не созидать. Он считал ложным все как в физическом, так и в моральном мире. Он кормил своих лошадей картошкой и защищал гавани канонерскими лодками, потому что это противоречило человеческому опыту и человеческому мнению. Он предложил управлять мальчиками без авторитета учителей или контроля религии, снабдив их места философией невмешательства и моралью со страниц Лоуренса Стерна. Его характер, как и его философия, исключителен — бесценен в призывах к революции, но бесполезен, если не опасен, в спокойные времена.

Мы не стали бы ограничивать, контролировать или отнимать ни одно право или свободу человека, которые, как показал опыт, уже в достаточной степени регулируются и ограничиваются общественным мнением. Но мы действительно верим, что рабовладельческий

Юг - единственная страна на земном шаре, которая может спокойно мириться с правами и свободами, которые мы обсуждали.

"Анналы революционной Вирджинии" были проиллюстрированы тремя великими и полезными людьми. Могучий ум Джефферсона, приспособленный для разрушения; пластичная рука Мэдисона для созидания и мощная рука Вашингтона для защиты, поддержания и консервации.

Мы поддерживаем народное правительство, но только до тех пор, пока консерватизм отвечает интересам правящего класса. На Юге интересы и чувства многих владельцев, не связанных с недвижимостью, отождествляются с интересами сравнительно небольшого числа владельцев собственности. Для обеспечения безопасности собственности необязательно, чтобы собственностью владело большинство голосов; но там, где большинство бедняков становится настолько большим, что их чувства и интересы отделяются от класса собственников, революция и аграризм неизбежны. Мы не возьмемся утверждать, что события на Севере развиваются именно таким образом. Отсутствие законов о наследовании и первородстве может предотвратить это; и все же мы опасаемся худшего, ибо, несмотря на законы равного наследования и распределения, богатство скапливается в немногих руках, а пауперизм растет. В дальнейшем мы попытаемся показать, что система очень малых затрат может исправить эту тенденцию.

ГЛАВА XIV.

БРОДЯЧИЕ ПОПРОШАЙКИ И НИЩИЕ БАНДИТЫ АНГЛИИ.

Под разными названиями, такими как пролетариат во Франции, Лаццарони в Италии, Леперос в Мексике и цыгане по всей Европе, свободное общество возмущается и становится небезопасным из-за класса, описание которого мы почерпнем у британских писателей. Мы без колебаний приписываем цыганам то же происхождение, что и остальным. Все они являются потомками беглых и освобожденных крепостных. Время появления цыган совпадает со всеобщим освобождением и бегством вилланов.

Если эти *диллюви* общества по своей природе порочны, кочевы и неспособны к какому-либо самоконтролю, очевидно, что они должны быть поработаны. Если освобождение их предков и то, что они оказались в мире без собственности или других средств к существованию, сделало их и их потомство по необходимости нищими, париями и измаильтянами, они должны быть возвращены в рабство, если только не будет обнаружено какое-либо лучшее отношение к ним.

Северобританское обозрение, "Литературный и трудовой вопрос", февральский номер 1851 года. Цитируемый нами отрывок взят из работы мистера Мэйхью:

Что мы, подобно готтентотам, кафрам и финнам, окружены кочующими ордами, "сонква" и "фингонами" этой страны, нищими, попрошайками и изгоями, не обладающими ничем, кроме того, что они приобретают путем грабежа у трудолюбивой, предусмотрительной и цивилизованной части общества; что головы этих кочевников примечательны большим развитием челюстей и скул, чем черепа, и что у них есть свой собственный тайный язык —

английский "кузекат", или "сленг". , "как это называется, для сокрытия своих замыслов; это совпадения настолько поразительные, что, когда они представляются нашему уму, они заставляют нас удивляться, почему аналогия так долго оставалась незамеченной. Однако однажды обнаруженное сходство оказывается очень полезным, позволяя нам использовать моральные характеристики кочевых рас других стран как средство более легкого понимания моральных характеристик наших собственных бродяг и отверженных. * * * тамошний кочевник отличается от цивилизованного человека своим отвращением к регулярному и непрерывному труду — своим отсутствием предусмотрительности в создании запасов на будущее; своей неспособностью предвидеть последствия, хотя бы немного отличающиеся от непосредственных представлений; своей страстью к оупляющим травмам и корням, а по возможности и к опьяняющим перебродившим напиткам; своей необычайной способностью переносить лишения; своей сравнительной нечувствительностью к боли; неумеренной любовью к азартным играм; частым рискованиям личной свободой ради одного броска; своей любовью к либидо нашими танцами; удовольствием, которое он испытывает, наблюдая за страданиями разумных существ; его восторгом от войны и всех опасных видов спорта; его жаждой мести; расплывчатостью его представлений о собственности; отсутствием целомудрия у его женщин и пренебрежением женской честью; и, наконец, его смутным чувством религии, его грубым представлением о Создателе и полным отсутствием всякого понимания милосердия Божественного Духа.

"Кочевые расы Англии бывают самых разных видов — от закоренелых бродяг, наполовину нищих, наполовину воров, ночующих в сараях, палатках и временных палатах, до бродячих механиков, получающих ночлег и ужин в торговых обществах разных городов по пути в поисках работы. Между этими двумя крайностями есть несколько промежуточных разновидностей, состоящих из разносчиков, балаганщиков, сборщиков урожая и всего того многочисленного класса, который живет либо продажей, либо демонстрацией чего-либо по всей стране. Существуют, так сказать, сельские кочевники, которые не ограничивают свои скитания какой-то одной конкретной местностью, а часто кочуют с одного конца земли на другой. Помимо них, есть городские и пригородные путешественники или те, кто занимается каким-либо странствующим занятием в крупных городах и их окрестностях. Таковы в мегаполисе, в особенности карманники, попрошайки, проститутки, уличные продавцы, уличные артисты, извозчики, кучера, водники, матросы и им подобные. В каждом из этих классов, в зависимости от того, насколько они в большей или меньшей степени принадлежат к семье бродяг, ничего не делая для пропитания, но переезжая с места на место, наживаясь на заработках более трудолюбивой части сообщества, — так будут более или менее заметны признаки кочевого племени".

С той же целью прочтите следующее из июльского номера "Эдинбург Ревью" за 1852 год в статье "Нищенство, его причины и статистика":

Таким образом, посреди всего английского населения и вокруг него живет особая популяция, внушающая страх по численности, постоянно и быстро увеличивающаяся, имеющая свой собственный язык, манеры и обычаи, ведущая в девяти случаях из десяти образ жизни наиболее аморальный и распутный; и все же такая живая и такая увеличивающаяся, несмотря на законы, несмотря на муниципальные меры последних нескольких лет, столь благоприятные для их выявления и наказания; несмотря на новые законы о бедных; и несмотря на общее ощущение, что бедняки и бедняцкие семьи живут в Англии. профсоюз должен обеспечивать все

реальные случаи нищеты. У этого населения есть свои вывески, масонство, свои понятия об искусстве, своя переписка, свои постоянные дворы, свои амбары, которые все еще остаются открытыми и даже хорошо набиты соломой фермерами и сельскими джентльменами; свои трактиры, свои хорошо известные и даже признанные ночлежные дома; и свои разнообразные планы по извлечению или вымогательству, завоеванию или поруганию из своих вынужденных, но обманутых жертв сумм, составляющих, как мы склонны полагать, не менее 1 375 000 фунтов стерлингов, что составляет одну треть от общей суммы податей для бедных! Эта сумма может на первый взгляд показаться совершенно экстравагантной, но она окажется не такой, если вспомнить, что в среднем каждая семья-попрошайка вымогает у населения 55 фунтов стерлингов в год. Ежегодные расходы на закон о бедных в Англии за год, закончившийся в марте 1840 года, составили, в круглых цифрах, 4 300 000 фунтов стерлингов. В Англии, включая три округа Йоркшир, насчитывается сорок два графства. Население этих графств составляет почти пятнадцать миллионов человек. Если мы возьмем на данный момент грубую и общую, хотя и сносно правильную оценку этого населения, с его плотной нищетой в больших городах и его рассеянной, но не менее индивидуально интенсивной нищетой в сельскохозяйственных районах, мы можем справедливо подсчитать, что один из каждых ста является нищим или живет в состоянии практического бродяжничества, ища в той или иной форме поддержки в подаении. Сотая часть населения составляет 150 000 человек; и если оценить каждую нищенствующую семью, собирающую 55 фунтов стерлингов в год у населения путем подаения, как состоящую из шести человек, то у нас будет 25 000 английских нищенствующих семей, собирающих по 55 фунтов стерлингов в год каждая, или общая сумма в 1 375 000 фунтов стерлингов. Но мы считаем, что в этих расчетах мы недооценили, а не преувеличили факты дела. Только в Лондоне и его окрестностях, несмотря на все усилия полиции, вымогается очень значительная часть этой суммы; и мы не приняли во внимание тот повальный обман, который сейчас прискорбно проявляется в крупных английских промышленных городах. Мы также опустили всех ирландских нищенствующих; и все же в английских сельскохозяйственных округах их почти один к трем. Как бы естественно мы ни стремились избежать даже видимости преувеличения, мы все же вынуждены констатировать, что сделанная нами оценка сильно ошибочна и что мы занизили реальную статистику.

Нищенствующее население Англии, существующее и увеличивающееся, несмотря на муниципальную полицию и несмотря на наказания, предусмотренные законом о бродяжничестве, делится на несколько классов; и теперь мы предлагаем воспользоваться небольшой брошюрой, упомянутой в начале этой статьи, которая была недавно опубликована в Бирмингеме и которая содержит очень точные сведения о нищенствующем населении, написанной человеком, который долгое время часто посещал места скопления бродяг. Та часть общества, к которой относятся его сведения, принадлежит в основном к наследственному и профессиональному классу нищих.

Автор, рассказывающий об этой семье, таким образом, переходит к своим описательным деталям:

Чтобы полностью объяснить характер каждого отдельного человека, я начну с тех бродяг, которые обычно получают больше всех и считаются *первоклассными*, и некоторые называют их "Серебряными попрошайками", а путешественники - скрывающимися.

"Скрывающиеся - это лица, которые ходят с отчетами, содержащими ложные заявления о потерях в результате пожара, кораблекрушений, несчастных случаев и т. Д. К этим протоколам приложены печати и подписи двух или более мировых судей, и они так хорошо написаны, что ежедневно они предъявляются тысячам людей. Поскольку эти люди используют так много различных способов, необходимо будет объяснить каждый из них отдельно".

Затем автор вдаётся в подробности относительно *"тех, кто прячется за огнем"*, или тех, "кто ходит и выпрашивает компенсацию у огня". У них есть фальшивые протоколы, якобы подписанные двумя мировыми судьями и священнослужителем того места, где предположительно произошёл пожар. К документам прилагается фиктивная подписная книжка, и краткое изложение называется, на языке нищенствующих, "фальшивкой", в то время как подписную книжку они называют "деликатесом". С этим "фальшивым и деликатным" "луркеры", или попрошайки, разъезжают по всей стране; и автор утверждает, что один человек, с которым он был знаком, "был поджигателем в течение четырнадцати лет и объездил все графства Англии и большую часть Уэльса".

Тогда есть,

"Убежище моряка, потерпевшего кораблекрушение".— Люди, которые отправляются в это убежище, обычно представляют себя капитанами или капитанами торговых судов, которые потерпели крушение, и они, конечно же, потеряли все свое имущество; и их мнимый убыток всегда составляет многие сотни фунтов, иногда даже тысячи. Этот класс самозванцев очень rispetабельно одет, у них усы, золотые цепочки и т. Д.; У них есть либо хорошо составленное резюме, либо частично распечатанное и заполненное почерком, внизу которого стоят печати двух или трех мировых судей. Я видел сводки с подобным описанием почти из каждой части королевства.

Далее он говорит, что некто по имени капитан Джонстон "много лет отслеживал потерпевшего кораблекрушение капитана, много раз побывал во всех графствах Англии и Уэльса и заработал не только сотни, но и тысячи фунтов". Он рассказывает различные истории о самых успешных "скрывающихся" в этом департаменте.

'Тайна иностранца'.— Значительное число людей прибегают к этой тайне, представляя себя иностранцами, попавшими в беду.... В последние годы, безусловно, наибольшее число из них представляли себя *польскими* дворянами или джентльменами, которые были изгнаны тиранией России из своей родной страны в поисках убежища.... К их запискам прилагаются имена и печати двух мировых судей, и они всегда хорошо написаны. Всякий раз, когда они представляют свои краткие сведения, они делают вид, что не могут сказать ни слова по-английски, а те немногие слова, которые они произносят, произносятся ломаным акцентом.... Один из таких скрывающихся, известный среди нищенствующих под прозвищем "лорд Дандас", часто набирал по несколько фунтов в день.... Есть также много женщин, которые прячутся за иностранцами.... Я знал женщину, которая скрывалась от иностранцев, которая очень хорошо одевалась; с ней был мальчик, и ей часто удавалось сбросить два-три фунта в день. Когда она к кому-либо обращалась, она *скороговоркой* говорила по-французски и делала вид, что не умеет разговаривать по-английски".

4. *'Скрывающийся несчастный случай'*.—У скрывающихся этого описания есть притворство и деликатность (краткое и книжное), и в притворстве говорится, что в результате какого-то

ужасного несчастного случая предъявитель потерял все или, по крайней мере, большую часть своего имущества, иногда в результате шторма, а иногда в результате наводнения или каким-либо другим способом: но, каким бы образом ни произошел несчастный случай, предъявитель всегда понес очень значительные убытки и лишен средств к существованию для себя и семьи. Собираемые суммы варьируются от пяти шиллингов до фунта в день.

5. *"Больные прячутся"*.— Это работает столькими разными способами, что необходимо будет немного рассказать о каждом. Казалось бы, 1-е, что распространенным методом воздействия на публику является нанесение мази от пузырей на руки, придавая им вид сильно ошпаренных. 2-е, что другие ходят со связанными руками, как говорят, раненные молнией или в результате какого-либо другого прискорбного несчастного случая. 3-е, у других случаются припадки. в-четвертых, Другие влияют на беременность и нужду. 5-е, Другие получают милостыню от мужа, остающегося дома и притворяющегося нездоровым, на случай, если кто-нибудь посетит его жилище, чтобы разобраться в существе дела, в то время как жена выходит просить милостыню на вино, тряпки, одежду и т.д. Для притворного инвалида. 6-е, Другие притворяются, что у них серьезные раны, и выпрашивают льняные тряпки и маленькие бутылочки с лекарствами, необходимыми для их излечения. Я видел человека, который за один день получил таким способом тринадцать фунтов белых тряпок весом и более пяти дюжин флаконов. Тряпки и бутылки хорошо продаются. 7-е, Другие страдают от того, что рожают детей, больных скарлатиной, и т.д. и т.п., и просят за *них*. Они заявляют, что получили записку с просьбой отвезти их детей в лазарет или больницу и хотят получить немного одежды и немного денег".

6. *"Глухонемые прячутся"*.— Я знал многих людей обоего пола, которые вели себя как глухонемые и таким образом очень преуспевали в добывании денег, еды и т. Д. Многие из них притворяются, что предсказывают судьбу, и часто получают что-то значительное с помощью такой практики. Они носят с собой грифельную доску и карандаш, чтобы писать вопросы и ответы.

Из лежащей перед нами брошюры следует, что иногда эти глухонемые, скрывающиеся даже в ночлежных домах, кажутся пораженными подобным образом; но в таких случаях их обычно обнаруживают их товарищи-бродяги.

7. *"Слуги прячутся"*.— Существует значительное число людей, которые прячутся от слуг или работают слугами не на своем месте; и как мужчинам, так и женщинам часто удается хорошо воздействовать на слуг и других людей ложными заявлениями и рассказами о несчастях.... Большая часть тех, кто отправляется в это укрытие, опрятно одеты и имеют в точности вид слуг в семьях джентльменов.... У многих из них есть *Придворный справочник*, который, поскольку содержит список знати и джентри, позволяет им полностью разобраться в этом вопросе.

8. *"Убежище угольщика"*.— За ним следуют тысячи тех, кто никогда не был в угольной шахте, и количество таких ежедневно внушается публике как безработные угольщики. Обычно они говорят, что их выгнали с работы в результате какого-то несчастного случая, такого как затопление завода или обвал ямы.... Они часто собираются группами от двух до семи или восьми человек.... У других есть распечатанные документы, которые оставляют в каждом доме, и за ними снова обращаются через несколько часов.... У других есть письменные заявления мнимых виновников аварий, и к ним приложены предполагаемые подписи участников работ.... Некоторые из них получают до четырнадцати-пятнадцати шиллингов в сутки.

9. "*Убежище ткача*".— В настоящее время существует огромное количество людей, которые скрываются, у многих из них есть отпечатанные газеты или небольшие листовки, и они оставляют по одной в каждом доме, а затем снова заходят за ними и получают то, что люди склонны давать.... Я видел людей, которые представляли себя ткачами всех мастей и из всех промышленных частей королевства, — людей, которые, как я хорошо знал, никогда не подходили к ткацкому станку, но родились и выросли бродягами.

10. "*Тайна прядильщицы хлопка*".— Многие отправляются в эту тайну также с печатными листовками или небольшими рекламными листовками.... Некоторые, кто отправляется в это укрытие, везут с собой на продажу хлопок для шитья, якобы для собственного прядения.... Один мой знакомый, который путешествует в этом укрытии, занимается этим уже двенадцать лет. Иногда он получает от двенадцати до пятнадцати шиллингов за один день.

11. "*Тайна календариста*".— Те, кто продолжает эту тайну, представляют себя как безработных календаристов из-за спада в торговле и совершенствования оборудования. У них, как у фальшивых ткачей и угольщиков, есть фальшивые документы, которые печатаются, некоторые в стихах".

Суммы, собираемые этими описаниями "тайников", должны быть огромными, особенно там, где у людей есть хороший адрес, и они могут объяснить и обеспечить соблюдение письменных обращений, которые они берут с собой.

"Высокопоставленные лица", или авторы писем-попрошайек, по-видимому, следующие по значимости после Скрывающихся. "Эти авторы просящих писем пишут ложные заявления о том, что им не повезло в бизнесе или они понесли большие убытки, которые довели их до состояния крайнего отчаяния. В Лондоне, но особенно в местах водопоя и морских купаний, за эти письма платят от пяти до одного фунта в день".

"Мелководные бухты" - это "самозванцы, просящие милостыню по стране под видом потерпевших кораблекрушение моряков". Обычно они выбирают зиму и всегда ходят почти голыми. Их цель при этом - раздобыть оставшуюся одежду.... У них есть длинная, жалкая выдуманная история о притворном бедствии, о котором они кричат на улицах, о том, что потерпели кораблекрушение и т. Д.... В неглубокие бухты обычно заходят *компаниями* (или, технически говоря, в *школе*) от двух до десяти человек. Обычно в качестве представителя выбирается кто-то другой.... Поскольку неглубокие бухты посещают только уважаемые дома, за них часто платят большие деньги.'

"Неглубокие крапивницы" - это самки, которые, как и Неглубокие бухточки, ходят почти голыми. Они также прибегают к такому способу попрошайничества, чтобы получить одежду.... Они ссылаются на продолжительную и тяжелую болезнь, но просят только одежду. От одежды избавляются как можно скорее, ни одна из них никогда не хранится для собственного использования.... Я знал одного из них, который за десять дней приобрел в Кингстоне-на-Темзе одежды на сумму от семи до восьми фунтов.

"Попрошайки" - это те, кто занимается попрошайничеством и зависит от него в своей поддержке. *Попрошайки прямолинейные* - это те, кто просит милостыню от двери к двери, а *попрошайки на ходу* - это те, кто просит милостыню, проходя по тобер (дороге). Выпрашивание денег на лету - прибыльное занятие в окрестностях купальен и крупных городов. Человек такого склада обычно зарабатывает много шиллингов по ходу дела. Попрошайничество (от двери к

двери), как и все другие профессии, становится все хуже; но, тем не менее, тысячи людей преуспевают в этом и часто получают больше еды, чем могут съесть.... Я часто видел, как еда, которую многие работающие люди с удовольствием съели бы, позорно и бессмысленно растрачивалась впустую.

"Дети-попрошайки" (kiddies) "настолько хорошо обучены искусству навязывания со стороны своих родителей, что часто получают больше денег и еды, чем взрослые попрошайки".

Визг "*Кэджерс*".— Есть много кэджеров, которые пишут короткие предложения мелом на флажках, и некоторые из них делают это на удивление хорошо; их называют *скриверс*. Я часто видел следующие предложения, написанные ими в местах, где было много людей, проходящих мимо, и где, по их мнению, можно было получить много полпенса (коричневых), а иногда и *дубильщика* или *боба* (шесть пенсов или шиллинг)

"Голод - острый шип, и он остро кусается".

"Я не могу найти работу, а просить милостыню мне стыдно".

Я знал, что таким образом они получают семь шиллингов в день.

Подушечка для сидения "*Кэджерс*".—Всякий раз, когда разносчики *стоят* или *сажаются*, будь то в городах или на обочине дороги, чтобы просить милостыню, они называют это *сидячей* или *стоячей подушкой*; и это часто оказывается очень прибыльным методом. Некоторые из них страдают слепотой, в то время как другие заявляют о своей неспособности заниматься какой-либо работой вследствие того, что подвержены припадкам. Некоторые попрошайки откладывают очень значительные суммы денег, но их очень мало по сравнению с огромным числом тех, кто живет этим ремеслом попрошайничества.

"*Продавцы спичек*" никогда полностью не зависят от продажи спичек, поскольку они также попрошайничают; фактически, они носят спички только как прикрытия для попрошайничества и никогда не предлагают их в домах, где рассчитывают получить больше без них.... Продавцы спичек, так же как и все другие разносчики, часто получают то, что они называют "*косяком с черного хода*", то есть все, что они могут унести с собой, где просят милостыню или предлагают свои спички на продажу.

"Крестовые бухты", хотя и просят милостыню, могут рассказать длинную историю о том, что остались без работы из-за плохой торговли и т.д., но получили то, что они называют *на кресте* (путем воровства.).... Один из их основных способов получить что-то *на кресте* - это магазинная кража (так называемый захват).... Другой метод заключается в том, чтобы *покрыть глазурь звездочками* (то есть разбить или разрезать окно).

"*Педанты* (или карманники) - это еще один класс бродяг, и они часто посещают скачки, ярмарки и призовые бои.... Как и кросс-коувз, это, как правило, молодые люди, которых приучили к бродяжничеству и с детства обучали искусству своей профессии".

"*Палмеры* - это еще одно описание нищих, которые посещают магазины под предлогом сбора *арфы* за полпенса; и чтобы побудить владельцев магазинов искать их, они предлагают тринадцать пенсов за шиллинг, в то время как многие люди настолько глупы, что высыпают на прилавки большое количество меди в поисках нужных полпенса. *Пилигрим* наверняка сунул туда

руку; и хотя он притворяется, что ищет арфы, он ухитряется спрятать как можно больше их на ладони, и всякий раз, когда он убирает руку с медяков на прилавке, всегда держит пальцы вытянутыми вперед, чтобы у лавочника не возникло ни малейшего подозрения, что его обкрадывают. Суммы, варьирующиеся от пяти до пятнадцати шиллингов в сутки, часто добываются таким образом персонажами, подобными этому описанию.

Выдержка из "Эдинбург Ревью", январь, № 1844:

ИРЛАНДСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО.

Очевидно, что незащищенность сообщества, в котором основная масса населения вступает в заговор против закона, должна препятствовать ввозу капитала; должна стать причиной вывоза большей части того, что там накоплено; и должна уменьшить мотивы и средства накопления. Кто отправит свое имущество туда, где он не может рассчитывать на его защиту? Кто добровольно поселится в стране, которая завтра может оказаться в состоянии беспорядков? Государство, в котором, по словам главного судьи Буше, "дома, амбары и зернохранилища сровняны с землей, посевы опустошены, пастбища распаханы, плантации уничтожены, луга открыты для скота, крупный рогатый скот калечат, пытаются, убивают; людей посещают группы бандитов, которые подвергают их жестоким пыткам, калечат их конечности или избивают их почти до смерти; люди, которые каким-либо образом стали противны повстанцам, или выступали против их системы, или отказались участвовать в их бесчинствах, намеренно подвергаются насилию". убивают под открытым небом; а иногда без разбора убивают ни в чем не повинных членов семьи, сжигая жилье". Государство, в котором даже те, кто лучше всего способен защитить себя, джентри, вынуждены заделывать все нижние окна камнями и известковым раствором; пропускать свет только в одну гостиную, а не во все окна этой комнаты, укреплять все остальные входы пуленепробиваемыми баррикадами; выставлять часовых вокруг на всю ночь и большую часть дня; и держать огнестрельное оружие во всех спальнях и даже на приставном столике во время завтрака и ужина. Вполне мог бы даже епископ Дойл воскликнуть: "Я не виню отсутствующих; я бы сам был отсутствующим, если бы мог".

ГЛАВА XV.

"СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ Англии".

Из "Сельской жизни Англии" У. Х. Ховитта мы берем следующий отрывок:

"Дикость, в которую впадают некоторые из этих детей в более уединенных частях страны (вспомните, это в Ланкашире, недалеко от великого города Манчестер), я полагаю, не превзойдена ни в одном из отдаленных поселений Америки. 5 июля 1836 года, в день той замечательной грозы, которая с особой яростью обрушилась на большую часть королевства, будучи загнанным в коттедж у подножия Пендла надвигающейся бурей, и стоя у двери, наблюдая за ее развитием, я заметил голову какого-то человеческого существа, осторожно высунувшуюся из дверного проема соседнего сарая и так же внезапно убравшуюся, когда меня заметили. Чтобы выяснить, какому человеку он принадлежал, я зашел в сарай, но сначала обнаружил, что там слишком темно, чтобы я мог что-либо разглядеть. Однако вскоре, когда

предметы стали видны, я увидел маленькое существо, по-видимому, девочку лет десяти, стоявшую очень прямо у противоположной стены. Обратившись к ней ласковым тоном и сказав, чтобы она шла вперед и не боялась, она отошла от стены и увидела! там стояло другое маленькое существо, примерно на голову ниже, которого она прятала. Я спросил старшего ребенка, была ли эта младшая девочка. Она ответила: "Не-а". "Это был мальчик?" "Не-а". "Что? ни мальчик, ни девочка? Она сама была девочкой?" "Не-а". "Что? это был мальчик, с которым я разговаривал?" - "Не-а". "Что, во имя всего святого, они тогда собой представляли?" - "Мы дети". "Дети! а женщина в доме была их матерью?" "Нет". "Кто же она тогда была?" "Ар мам". "О! твоя мама! и вы держите коров в этом сарае?" - "Не—а, би-эс". Короче говоря, обычный английский был совершенно непонятен этим бедным маленьким созданиям, и их внешний вид был таким же диким, как и их речь. Тем не менее это были два прекрасных юных создания, особенно старшее, чьи формы и лицо были полны той симметрии и изящества, которые иногда являются проявлением необузданной Натуры и привели бы в восторг скульптора или художника. Их единственной одеждой было что-то вроде маленьких бодиков с юбочками, сшитых из красноватой материи, которые придавали им еще большую живописность благодаря различным лоскуткам алой ткани, несомненно, из старого плаща их матери. Их головы, груди и ноги до колен были обнажены для всех воздействий земли и небес; и, дав каждому из них по пенни, они усаkali с быстротой и упругостью молодых косуль. Без сомнения, холмы и вересковые пустоши, летние полевые цветы и быстрые воды долин были единственными спутниками этих детей в течение долгого дня, которые возвращались домой только к овсяному обеду и постели, такой же простой, как их одежда. Представьте себе, как жестоко изменилась жизнь благодаря *внезапному захвату и заточению этих маленьких английских дикарей в дневном и ночном шуме, труде и отвратительной атмосфере хлопковых чистилищ!*

"В непосредственной близости от городов многие вздымающиеся гряды холмов имеют гораздо более окультуренный вид и радуют глаз своими гладкими, зелеными и плавными очертаниями; а долины почти повсюду покрыты лесом, орошены чистыми, быстрыми ручьями, короче говоря, красивы. Но, поднимаясь над высокими трубами огромных и неисчислимых фабрик, и даже глядя на места, где расположены главные мануфактуры, с их лесами, садами и поросшими кустарником лужайками вокруг них, *нельзя не думать об ужасах, подробно описанных комитету Палаты общин по Фабричной системе;* о несчастных, оставшихся без родителей и друзей, которых на телегах отправляли из отдаленных рабочих домов в эти тюрьмы труда и отчаяния; о юных телах, раздавленных в пыль непрестанным трудом; о кроватях, в которые попадала одна пара детей. , когда появился еще один набор, так что, как говорили, им никогда не было холодно круглый год, пока заразные пожары не погасли и не унесли сотни этих маленьких жертв вечно подстегивающего нескончаемого колеса Маммоны. Как ни прекрасны многие из этих диких уголков, где до появления пара стремительный ручей приглашал прядильщиков хлопка строить свои мельницы; и как ни любопытны остатки тех простых первоначальных фабрик с их одним огромным водяным колесом, которое вращало свои шпиндели, пока была вода, но во время летней засухи так же часто стояло неподвижно; и все же даже там, среди тени прекрасных старых деревьев, которые протягивают свои руки навстречу потокам, сбегаящим по их каменным руслам, преследуют воспоминания о маленьких нежных детях, которые никогда не знали жалости. или доброта, но они трудились все дальше и дальше, до полудня и до полуночи, пока не засыпали, и все же работали механически, и часто их будили только ужасные механизмы, отрывающие им конечности. В местах, подобных этим, где сейчас старые фабрики и большие дома владельцев стоят заброшенными или населены толпами

бедняков, чья бедность только делает их еще более заброшенными. Такие люди, как мистер Филден из Олдхэма, сам когда-то работавший на фабрике, а ныне крупный фабрикант, который осмеливается раскрыть секреты тюрьмы, рассказывают нам, что маленькие дети даже совершали самоубийства, чтобы избежать жизни, которая хуже десяти смертей. И какой же могущественной стала эта система сейчас? Какой постоянный и обширный запас человеческой энергии и человеческой жизни это требует, со всеми возможностями усовершенствованной техники, со всей развитой мощностью пара и со всей пылающей жаждой богатства, чтобы стимулировать это! Нам говорят, что состояние фабрик улучшилось, и я верю, что так оно и есть; но если есть хоть капля правды в свидетельствах, представленных парламентским комитетам, то все еще необходимо значительное улучшение; и именно, когда мы вспоминаем об этих вещах, о том, насколько рабочий класс в этих округах рассматривался просто как механизм для накопления огромных капиталов, мы перестаем удивляться их грубому и деградировавшему виду и тому пренебрежению, с которым им позволено расти на этих холмах, подобно самым сорнякам человечества, выброшенным в небрежный вид. места, и оставлены для распространения, повышения ранга и пагубной роскоши".

То, что так поэтично и графично описано мистером Хьюиттом, подтверждается в мельчайших деталях в "Славе и позоре Англии", очень интересном произведении К. Эдвардса Лестера, аболициониста из Нью-Йорка.

ГЛАВА XVI.

НЕСЧАСТНЫЕ ЖЕНЩИНЫ-РУКОДЕЛЬНИЦЫ И ПЕСНЯ ХУДА О РУБАШКЕ.

Мы берем то, что следует из январского номера "Вестминстер Ревью" за 1849 год — нам нечего отметить, кроме строки из французской песни, которая заняла место "Марсельезы" в качестве великой Национальной песни, мы бы скорее сказали, Национальной панихиды. Это сводящий с ума крик жажды работы и хлеба, и он больше напоминает вой пиренейских волков, отправляющихся в погоню за добычей, чем Гимн Свободе. Он действительно представляет, воплощает и персонифицирует великое социалистическое движение наших дней. Пока государственные деятели и философы размышляют, массы агитируют, организуются и угрожают. Позапрошлой зимой они захватили улицы Нью-Йорка и занимались принудительной благотворительностью. Этой весной они встречаются в парке и принимают решение, "что прошлой суровой зимой пятьдесят тысяч мужчин и женщин тщетно искали работу. Америка вторит Франции: "Живи в труде, ты в бою!" - Это набат и лозунг свободного общества. Это грохочущий шум вздымающегося вулкана, который угрожает и предшествует социальному извержению, более масштабному, чем когда-либо видел мир. Но давайте воспользуемся языком Рецензента:

"Вопрос о человеческих страданиях — их причинах и их устранении - лежит в основе движения, которое сейчас сотрясает Европу и которое угрожает будоражить ее еще некоторое время. Если бы только был предложен какой—нибудь осуществимый план помощи, в целом приемлемый

для всех классов и достаточный для того, чтобы справиться с масштабами зла, какой груз беспокойства был бы снят с души многих государственных министров! - какое утешение было бы предложено многим отчаявшимся филантропам!

"Человеческие страдания наконец обрели язык и перо, чтобы быть услышанными и прочувствованными. Они вызывают к нашим чувствам и нашему пониманию, к нашим симпатиям и страхам. Его вопли вызывают у нас жалость, его бред ужасает нас, его беды вызывают у нас отвращение. Он больше не будет прятаться. Мы должны либо убрать его, либо смириться с тем, что оно постоянно будет выставлено на всеобщее обозрение во всем своем ужасном уродстве.

"До сих пор комфортные классы фактически отвечали на горькие жалобы неудобных классов примерно такими словами: "Бедные люди! мы очень сочувствуем вашим страданиям — мы действительно сочувствуем вам — возьмите этот пустяк — это принесет некоторое облегчение. Мы хотели бы сделать больше; — а теперь, прошу вас, успокойтесь — не огорчайте нас своими корчами и агонией — покоритесь воле Провидения и переносите голод и холод в мире и уединении; — прежде всего, не пытайтесь применять насилие, иначе нам придется применить насилие, чтобы заставить вас замолчать". Ответ из ООНудобные классы на такие увещевания, день ото дня становится все более очевидны, это: 'избавляют нас, освободи нас! Сделай так, чтобы нам было удобно, или покажи нам, как мы можем чувствовать себя комфортно сами: в противном случае мы заставим тебя чувствовать себя некомфортно. Нам будет комфортно или неуютно вместе".

"Живите в труде, в скорби в бою". В нашем последнем номере мы рискнули предложить несколько указаний относительно того, что мы считаем частью, важной частью, мер по исправлению положения, к которым следует прибегнуть для предотвращения человеческих страданий. Тогда мы рассматривали этот вопрос в целом. Теперь мы предлагаем обратиться к страданиям определенного класса.

"Страдания несчастной рукодельницы приобрели дурную славу — они являются позором для нашего века и поношением нашей хваленой цивилизации. Они были облечены в язык, одновременно правдивый и впечатляющий, полный пафоса и в то же время свободный от преувеличений. Какими бы известными ни были бессмертные строки Худа, мы приводим их здесь, потому что ни одно наше повествование, ни одна наша статистика не могли бы быть более правдивыми и вполнину не соответствовали поставленной цели:

ПЕСНЯ О РУБАШКЕ.

"С усталыми пальцами,
С тяжелыми и красными веками,
Сидела женщина в неженственных лохмотьях,
Орудует иглой с ниткой.
Стежок—стежок—стежок!
В нищете, голоде и грязи;
И все же печальным голосом
Она пела "Песню о рубашке"!

"Работа—работа—работа!
Пока петух кукарекает в стороне!

И работать—работать—работать!

Пока звезды не засияют сквозь крышу!
Быть рабыней,
Вместе с турками—варварами,
Где женщине никогда не придется спасти душу,
Если это христианский труд!

"Работай—работай-работай!

Пока не начнет кружиться голова;
Работать—работать—работать!
Пока в глазах не станет тяжесть и туман!
Шов, ластовица и тесьма,
Тесьма, ластовица и тесьма,
Пока я не закончу с пуговицами, я засыпаю,
И пришиваю их во сне!

"О! мужчины, с дорогими сестрами!

О, мужчины, у которых есть матери и жены,
вы изнашиваете не белье!
Но жизни человеческих существ!
Стежок—стежок—стежок!
В нищете, голоде и грязи;
Шьет сразу, двойной ниткой,
саван и рубашку!

"Но почему я говорю о смерти?

Этот призрак ужасной кости?
Я почти не боюсь его ужасного облика,
Он так похож на мой собственный!
Это так похоже на мое собственное,
Из—за того, что я соблюдаю посты -
О Боже! что хлеб должен быть таким дорогим,
А плоть и кровь такими дешевыми!

"Работай—работай—работай!

Мой труд никогда не ослабевает;
И какова его заработная плата? Подстилка из соломы,
корка хлеба и...тряпки.
Эта разрушенная крыша, и этот голый пол,
Стол — сломанный стул;
И стена такая пустая, Что я благодарю свою тень,
За то, что она иногда падает туда!

"Работа—работа—работа!

От усталого звонка до звонка,
Работать—работать—работать,

Как заключенные работают на преступление!
Перевязь, ластовица и шов,
Шов, ластовица и перевязь,
Пока не заболит сердце и не затуманятся мозги,
А также не устанут руки.

"Работа—работа—работа!
В тусклом декабрьском свете,
И работа—работа—работа,
Когда погода теплая и ясная —
Находясь под карнизом
Задумчивые ласточки льнут ко мне,
Словно для того, чтобы показать мне свои солнечные спины
И поздравь меня с Весной.

"О! но вдохнуть запах
борщевика и сладкой примулы —
С небом над головой,
И травой под ногами,
Всего на один короткий час —
Почувствовать то, что я чувствовала раньше,
До того, как познала горечь нужды
И прогулку, которая стоит еды!

"О, но всего на один короткий час!
Передышка, пусть и короткая!
Нет благословенного досуга для Любви или Надежды,
А есть только время для горя!
Немного слез облегчило бы мое сердце —
Но в их соленой постели
Мои слезы должны прекратиться, потому что каждая капля
Мешает иголке и нитке!

"С усталыми пальцами,
С тяжелыми и красными веками,
Сидела женщина в неженственных лохмотьях,
Орудя иголкой с ниткой —
Стежок—стежок—стежок!
В бедности, голоде и грязи,
Если бы его звук мог дойти до богатых!
Она спела эту "Песню о рубашке"!"

Мы прилагаем часть статьи из журнала Jerrold's Magazine, которая рисует столь же ясную картину положения английской бедноты и указывает на единственное возможное средство от пороков этого положения:

РАБСТВО.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО ОТ СТРАДАНИЙ АНГЛИЙСКОЙ БЕДНОТЫ. ОТ ФИЛАНТРОПА.

Тому, кто не готов отбросить не только свои предрассудки, но и многое из того, что можно считать устоявшимися мнениями, лучше не пытаться прочесть следующие несколько страниц. Я должен потребовать от моего читателя, чтобы он внимательно ознакомился *сидеалом* присяжного заседателя. Никакая информация, полученная им где-либо еще, никакие чувства, которые он лелеял как добродетели, никакие чувства, которые он культивировал как благородные, и никакие мнения, которые он, возможно, сформировал как непогрешимые, не должны мешать ему чисто и незатейливо воспринимать нижеследующие аргументы на основе их собственной убедительности и истинности.

Автор считает, что совершил великое открытие в области морали и политологии; и, возвышенный своей темой над всеми личными влияниями, он поручает ее проработке другими, без хвастовства упоминанием своего имени или полагая, что аплодисменты нынешнего или будущих поколений могут усилить его возвышенный восторг от открытия и применения "панацеи" от разнообразных и горьких недугов, от которых страдают три четверти бедных жителей "Соединенного Королевства".

Поскольку необходим некоторый отчет о средствах, с помощью которых было сделано великое открытие, чтобы подготовить разум к его восприятию с должным уважением, я дам краткое описание процесса, с помощью которого была выявлена эта чрезвычайно важная истина.

Рожденный с природной чувствительностью, я рано научился уклоняться от боли, которую испытывают другие, как если бы я сам ощущал ее физически. Таким образом, какая сцена предстала передо мной, когда я вошел в великое и волнующее общество человечества! Какие могучие нагромождения страданий я увидел! Какие подробности раскрываются в отчетах различных судов! Какие области убожества, нищеты и деградации открывали мне мои путешествия в каждом городе и каждой деревушке, которые я посещал! Склонность к моему будущему призванию вскоре определилась, и я стал филантропом по профессии. Не для того, чтобы торговать этим на собраниях чудовищ или модных ярмарках, но как занятие, к которому я чувствовал себя призванным духовным голосом, таким же отчетливым, я бы сказал, как тот, который когда-либо призывал теолога из приходского дома с пятьюдесятью фунтами в год в епископство с двадцатью тысячами.

Нет необходимости повторять ужасы, свидетелем которых я был в регионах бедности. Говорят, что эпохи мора и голода прошли, но этого не скажут те, кто посещал жилища рабочих наших больших промышленных городов, когда рынки переполнены, а фабрики и мануфактуры закрыты. Эпидемия все еще свирепствует, как всегда, в виде тифа, вызванного нуждой. Выполняя миссию, к которой я себя призвал, я стоял на земляном полу, над трупом матери и новорожденного ребенка — обоих жертв нужды. Я видел человека (образ Божий), растянувшегося на соломе, завернутого только в циновку, испутившего дух от голода в расцвете лет. Душной летней ночью я вошел в маленький дом, расположенный на берегу общей канализации, где без разбора толпились сто двадцать семь человеческих существ обоего пола и всех возрастов. Я бывал в чумных лачугах наших больших промышленных городов, где жизнь была испорчена всеми возможными способами, от малярии в канализации до яда в бутылке из-

под джина. Я бывал в крестьянских лачугах, худших, чем лачуга русского, где восемь убогих, грязных, неотесанных существ должны были жить за восемь шиллингов в неделю, выплачиваемых нерегулярно. Я видел, как гуманитарные аспекты жизни всячески осквернялись. Я видел, как отец выхватывает хлеб у своего ребенка, а мать протягивает бутылку джина ему вместо груди. Я также видел щедрые жертвы и нежные соображения, по сравнению с которыми хваленое рыцарство Сиднея и Эдварда было детской показухой. Я находил зло таким возвышенным, а добро таким униженным — я видел и познал столько горя, что вера в добро поколебалась во мне.

Какое-то время, когда я настаивал на этих вещах в кругах комфортных людей, я получал множество различных ответов. Некоторые говорили, что это удел человечества — что так было всегда и, следовательно, всегда должно быть. Что распространяться о зле значило только сеять недовольство и таким образом вредить "лучшим классам". Напрасно я убеждал этих рассуждающих в том, что на протяжении сотен, а возможно, и тысяч лет болота и леса Европы населяли существа, немногим отличающиеся от калибанов. Что цивилизация неуклонно прогрессирует, и что мировая история доказала единственную великую истину — что человек является созданием обстоятельств. Некоторые отрицали зло, а некоторые, немногие, сожалели. Обсуждения все избегали, хотя разрушение, угрожавшее Римской империи в результате вторжения варваров, никогда не было столь неминуемым, и последствия его не могли быть столь ужасными, как то, которое пережили бы богатые и сама цивилизация в результате восстания яростной бедности.

Затем я попробовал себя в политиках. Я посвятил несколько лет истории и политической экономии. Я даже вошел в сенат. В политике я не нашел способа облегчить душу. Борьба там шла за перевес во власти, и был получен ответ: "Помогите нам прийти к власти, и тогда мы посмотрим, что мы можем сделать". Самым большим было провести расследование; и на основе собранной таким образом информации был составлен отчет о страданиях, каких никогда прежде не было.

Это правда, наконец-то были предприняты некоторые шаги в правильном направлении; несколько благородных душ высказали "комфортные", ужасные истины. То, что что-то должно быть сделано, теперь признают все, кто думает. Глупые, беспечные и свирепые люди больше не могут открыто объявлять крики и стоны несчастной толпы мятежным недовольством или приписывать свои страдания результатам карательного правосудия.

Сбитый с толку во всех поисках лекарства у себя дома, я решил исследовать другие страны и, тщательно путешествуя по Европе, я искал последовательно Восток и Запад, пока не объехал цивилизованные страны мира. Именно в отдаленных регионах Востока и Запада я нашел ключ к своему открытию. Здесь я обнаружил человечество таким же многочисленным, как и дома, но гораздо более счастливым. Голодная смерть, за исключением случаев всеобщего голода, была неизвестна; и, напротив, я слышал звуки разгула и танцев, веселья и праздности среди низших классов. Как непохоже на вечный тяжкий труд высокомерного англичанина! "Значит, это, - сказал я, - сопутствующие рабству!" Вычеркнув таким образом идею, я развил ее с логической строгостью и провозгласил истину, что *рабство и довольство, а также свобода и недовольство являются естественными следствиями друг друга*. Применив это, таким образом, к измученному трудом, недоедающему, обнищавшему населению Англии, я

обнаружил, что единственным способом постоянного и эффективного устранения сложного зла было бы ПОРАБОЩЕНИЕ *всего народа Англии, у которого нет собственности.*

Конечно, я ожидаю криков негодования по поводу такого смелого предложения; но, как я уже сказал, я стремлюсь лишь сначала привлечь внимание беспристрастного и оригинального мыслителя. То, что я бескорыстен, будет сразу же разрешено, когда я заявлю, что не стремлюсь быть одним из порабощенных. Но давайте продолжим исследовать, как проявится это могущественное благо. Первым большим преимуществом было бы то, что низшие классы общества были бы поставлены наравне с домашними животными; и, став собственностью, они стали бы ценными. В настоящее время не может быть никаких сомнений в том, что о лошади, которая стоит пятьдесят фунтов, заботятся гораздо больше, чем о человеке, который ничего не стоит. Недавно мы были свидетелями случая, когда женщине разрешили умереть во время родов, потому что на оплату услуг акушерки полагалось не более восьми шиллингов; в то время как, когда жеребилась знаменитая скаковая кобыла, десять гиней считались не слишком большой суммой, чтобы обеспечить присутствие первоклассного ветеринарного врача. Теперь, если бы эта женщина была рабыней, ее потомство было бы чего-то стоить и, конечно же, ее безопасность была бы обеспечена.

Как и во всех великих открытиях, последствия этих преимуществ оказываются бесконечными и, если их полностью использовать, перед ними невозможно устоять. Полное рабство бедных положило бы конец всем дискуссиям об их правах и ясно и определенно определило бы относительные обязанности всех классов. У нас больше не должно быть поводов для туманных особых просьб, подобных тем, которые мы находим у Пейли и других философов-моралистов, пытающихся примирить зависимость и независимость, свободу и послушание. Мятеж был бы немедленно уничтожен; ибо там, где не было ни надежды, ни признания равенства, не было бы и попытки выдвинуть требования, которые были подавлены еще до того, как родились. Все тщеславные амбиции, подобные тем, что существуют сейчас между мальчиком на побегушках и пэром, как это проявлено в мозаике Честерфилда "Золото и сигары", были бы предотвращены. Официант был бы довольным рабом, а пэр полагался бы на свое превосходство в одежде, безделушках и чувственности.

Конечно, будут утверждать, что люди не были бы довольны рабством, но это только для того, чтобы сделать государство неизбежным, и человечество вскоре примирится с этим, как мы смирились со смертью, правительствами и подходящим налогом. Кроме того, что такое свобода? слово, ныне почти забытое; звук битвы, которым жонглировали люди во все века и страны; в Греции, Риме и Америке - боевой клич рабов, призывающий сражаться за свободу от рабства. Должны ли мы, значит, всегда оставаться орудиями слов; отвергать все истинные преимущества рабства, потому что мы не можем носить это название, и принимать все его пороки, и даже больше, потому что мы хотим отказаться от звука? Кто такие солдаты и матросы, как не рабы? Действительно, они являются счастливым образцом рабства: их хорошо кормят, одевают и за ними ухаживают; у них много досуга и покоя. Почему же тогда они должны быть счастливее крестьянина, который влачит свое унылое существование на хлебе, картошке и воде? Кто такой осужденный, как не раб, который своими преступлениями заслужил свое право на хорошее содержание и защиту от стихий и нужды? Мы награждаем преступника рабством и компетентностью, а честного человека оставляем на свободе и в нужде.

Если бы действительно можно было воплотить в жизнь старый благородный лозунг "Свобода и пиво", то было бы напрасно настаивать на моем открытии; но поскольку англичане по мере того, как они обретали свободу, теряли свое пиво, нам следовало бы посмотреть, не лучше ли им поспешить обратно в то состояние, когда вместе со свиньями своих хозяев они делили и свои излишки.

ГЛАВА XVII.

"ЭДИНБУРГСКИЙ ОБЗОР ЮЖНОГО РАБСТВА".

"Эдинбург Ревью" хорошо знает, что белые рабочие Англии получают больше ударов, чем южным рабам. На флоте, в армии и на торговой службе Англии больше жестокости, больше физического дискомфорта, чем на всех фермах Юга. Это Обозрение в течение двадцати лет было великим хранилищем невежества, преступлений и страданий рабочих на шахтах и фабриках, сельскохозяйственных рабочих, подмастерьев и, в конце концов, всего рабочего класса Англии. Мы могли бы обратиться к его страницам почти *пассивно*, чтобы установить эти факты. Половина времени работы парламента тратится на тщетные попытки облегчить положение подвергающихся жестокому обращению и голодающих бедняков; и большая часть этого Обзора посвящена хронике гуманных, но бесплодных действий парламента. Мы уверены, что ни один мужчина на Юге никогда не разводил рабов на продажу. Их всегда продают неохотно и, как правило, по необходимости или в наказание за проступки. Юго-Запад был заселен в значительной степени фермерами из старых рабовладельческих штатов, переселившимися туда вместе со своими неграми. Распад семей белых и чернокожих идет одинаковыми темпами. Но у нас на Юге нет закона о принуждении, который разрывал бы семейные узы как черных, так и белых. У нас нет и вполнину такого жестокого рабства, как то, которому подвергается впечатленный английский моряк. Солдаты, оторванные от своих жен и детей, чтобы страдать и погибать в любом климате и на любом море, не вызывают сочувствия Рецензента; все они прибегают для воображаемых случаев бедствия, вызванных распадом семей негров-южан. Так называемая работорговля на Юге не является злом, потому что случаи ненадлежащего разрыва семейных уз редки. Укажет ли какой-нибудь янки или англичанин, прежде чем будет повторено обвинение в том, что рабов разводят для продажи, как лошадей, когда они становятся достаточно взрослыми для продажи на рынке, хоть один пример в настоящем или прошлом, когда южанин занимался подобным бизнесом? Янки и англичане ежегодно убивают своих жен, однако англичанам вообще, да и янки до самого недавнего времени, не приходило в голову отменить брачные отношения. Когда англичане исправят тысячи реальных и насущных пороков в своем обществе, будет достаточно времени, чтобы призвать нас покончить с воображаемыми злоупотреблениями рабства. Эти замечания были вызваны у нас статьей о рабстве на юге, опубликованной в апрельском номере "Эдинбург Ревью", которая в равной степени отличается ложностью своих обвинений и некорректным характером своих комментариев. В качестве полного оправдания бессрочного сохранения негритянского рабства мы приводим ниже выдержку из удачной статьи из того же "Ревью" в январском номере за 1846 год, озаглавленной "Законодательство для рабочих классов". Показывая множество зол, возникающих в результате эмансипации белых, Рецензент

демонстрирует, хотя и не намереваясь этого, абсурдность эмансипации негров. Если ирландцы, которые являются такой же интеллектуальной расой людей, как и любая другая во всей Европе, бесконечно потеряли в физическом комфорте и ничего не приобрели ни в морали, ни в разуме благодаря свободе, то что это даст неграм? Пусть ответят Хайти и Ямайка. Но французы, шотландцы и англичане, мы имеем в виду массы, пролетариат, потеряли от эмансипации столько же, сколько ирландцы. История и статистика, тюрьмы, виселицы и богадельни повсюду рассказывают одну и ту же печальную историю. Мы были бы готовы, если необходимо, основать полное оправдание негритянского рабства на этом единственном отрывке:

[Из "Эдинбург Ревью", 1846 г.]

Моральные и бытовые чувства раба приносятся в жертву, а его интеллект отстает в развитии; но в отношении своего физического состояния он может оказаться в выигрыше. "Необходимо, - говорит Аристотель в своем знаменитом оправдании рабства, - чтобы те, кто не может существовать отдельно, жили вместе. Тот, кто способен предвидеть своим интеллектом, естественно, является хозяином; тот, кто способен своим телом выполнить то, что замышляет другой, естественно, является рабом: а потому интересы хозяина и раба едины". В этом аргументе есть определенная степень силы, если он ограничивается экономическими отношениями двух сторон. Хозяин заинтересован в том, чтобы поддерживать своего раба в хорошем рабочем состоянии. Таким образом, в целом он сравнительно хорошо накормлен, одет и обеспечен жильем; его физические потребности удовлетворены; пища попадает ему в рот, как манна в пустыне; он одет, как полевые лилии; он не думает и не заботится о завтрашнем дне. Хотя высказывались жалобы на недостаточное питание и непосильный труд, аргументы против рабства негров в наших вест-индских колониях основывались, главным образом, на необходимости постоянных наказаний - на *системе* вожделения, как ее называли, - и жестокости наказаний. Отчет Французской комиссии, составленный герцогом де Бройлем, в котором рекомендовалась постепенная отмена рабства, также свидетельствует об отличном физическом состоянии рабов во французских колониях. Именно из-за преимуществ, которые может иметь зависимость от богатого господина по сравнению с бедной независимостью, раб у Менандра восклицает, что "лучше заполучить хорошего хозяина, чем жить низко и убого как свободный человек". Итак, ритор Либаний, живший в четвертом веке, в декламации, озаглавленной "*Брань бедности*", перечислив лишения и страдание, выпадающие на долю бедного свободного человека, продолжает так: "Ни одно из этих зол не связано с рабством. Раб спит спокойно, его кормит забота своего хозяина и снабжает всем остальным, что необходимо для его тела. Но бедный свободный человек постоянно бодрствует, ищет средства к существованию и подвергается суровому владычеству нужды, которая вынуждает его голодать". Хорошо информированный автор книги "*Хаджи Баба*" описывает изумление визиря персидского шаха, услышавшего от британского посла, что в Англии нет рабства и что король использует свое влияние, чтобы покончить с ним в других государствах. "В самом деле!" - сказал визирь. "Ты, конечно, не можешь быть таким жестоким! Что стало бы с бедными рабами, если бы они были свободны? Ничто не может быть счастливее нашей участи; но если бы их бросили на произвол судьбы, они бы умерли с голоду. Они наши дети и являются частью нашей семьи".

Г-н Коль описывает аналогичное чувство, существующее среди крепостных в прибалтийских провинциях России в связи с их недавним освобождением. Крепостной теперь больше не является *ascriptus glebae*; но его хозяину нетрудно найти средства задержать его в поместье, если он того пожелает. Г-н Коль продолжает так: "Хотя право, полученное крестьянином таким

образом, так часто оказывается для него бесполезным, встречное право его хозяина - изгнать его с родных мест - очень часто оборачивается против него. Раньше дворянин ни в коем случае не мог избавиться от своих крепостных; и всякий раз, когда они нуждались, он был вынужден содержать их. В настоящее время, как только крестьянин становится бесполезным и обременительным, его легко уволить; из-за этого крепостные в некоторых частях провинций не соглашались на предлагаемую эмансипацию и горько сетовали на так называемую свободу, которая была им навязана. Крепостной часто скорбно жалуется, что потерял отца и сохранил хозяина, и его господин теперь часто отказывает в маленьких просьбах своих крестьян, говоря: "Вы знаете, что теперь вы не мои дети". "Аналогичное состояние чувств, как сообщается, существует и среди крепостных в самой России, которые во многих случаях предпочитают неизбежность рабства риску освобождения. Мистер Физерстонхоф в своих *путешествиях* по рабовладельческим штатам Северной Америки рассказывает, что мистер Мэдисон, бывший президент, сообщил ему, что однажды он собрал всех своих многочисленных рабов и предложил им немедленное освобождение; "но они немедленно отказались от этого, заявив, что они родились в его поместье, он всегда обеспечивал их одеждой и едой, в болезни и здравии, и, если бы они были освобождены, у них не было бы дома, куда можно было бы пойти, и друга, который защищал бы их и заботился о них. Поэтому они предпочли жить и умереть как его рабы, которые всегда были добрыми хозяевами по отношению к ним".

Рабство исключает принцип конкуренции, что снижает заработную плату свободного работника, увеличивает продолжительность его работы, а иногда и лишает его всех средств к существованию. Содержание рабов как единого домашнего хозяйства, или *familia*, также способствует бережливости; их снабжение в больших масштабах обходится или должно быть дешевле, чем когда у каждого работника, как в состоянии свободы, есть отдельный коттедж и собственная семья. При таком содержании рабов потерь не больше, чем при содержании лошадей или крупного рогатого скота. Нет никаких потерь или ущерба, которые возникают из-за пьянства и расточительности свободного работника, расходующего свою заработную плату. Опять же, рабовладелец может регулировать количество своих рабочих и может таким образом контролировать численность населения. Средства, несомненно, могут быть жесткими, но они эффективны для достижения своей цели. В целом, действительно, классы рабовладельцев демонстрируют склонность к сокращению, а не увеличению численности; и там, где работорговля не была запрещена, численность поддерживается скорее за счет нового ввоза, чем за счет рождаемости. Следовательно, пороки многочисленного населения никогда не проявляли себя, пока масса людей находилась в рабском и полукрабском состоянии. Более того, едва ли можно сомневаться в том, что при определенных обстоятельствах существование класса рабов может способствовать развитию промышленности и увеличению продукции земли. М-р Мак-Каллох, действительно, считает, что тропические страны никогда не могут быть эффективно обработаны свободным трудом. "Если бы рабы были полностью освобождены в Соединенных Штатах, на Кубе и в Бразилии, - говорит он, - то почти наверняка выращивание сахара и хлопка было бы там так же полностью заброшено, как и в Хайти. И если бы перемены сопровождались значительным улучшением положения чернокожего населения, жертва, возможно, не была бы сочтена слишком большой. Но где основание предполагать, что это было бы так? Действительно, справедливым предположением, по-видимому, является обратное. Во всяком случае, мало что можно было бы получить, превратив трудолюбивого, сытого раба в праздного, расточительного и, возможно, нищего свободного человека". Если мы посмотрим просто на настоящее и ограничим наши взгляды *экономическими* результатами, аргументы

мистера Мак-Каллоха, безусловно, представляются убедительными. И хотя верно, что раб лишен всякой надежды на *будущее* улучшение своего физического состояния, все же следует признать, что практически, и глядя на нынешнее поколение, отсутствие силы роста в мире не является серьезным лишением для крестьянского класса. Ни в Англии среди сельскохозяйственных рабочих, ни в Континентальных Штатах среди мелких собственников нет большого числа случаев, когда человек выходил бы из состояния, в котором он родился. Ни одно рабство не является настолько неизгладимым (когда рабы имеют тот же цвет кожи, что и их хозяева), чтобы препятствовать частым освобождениям отдельных рабов из-за личной привязанности и по другим причинам. Вольноотпущенники составляли многочисленный класс среди римлян; и известно, до каких важных постов дослужились рабы в турецкой империи.

После этих замечаний (смысл которых не может быть неправильно понят ни одним читателем этого Журнала) мы можем лучше оценить влияние перехода от рабства к личной свободе на эмансипированного раба. Он освобождается от обязательств и бремени, но в то же время лишается преимуществ рабства. В то время как раб освобожден от своих юридических обязательств перед своим хозяином, хозяин освобожден от своих юридических и моральных обязательств по отношению к своему рабу, и его заинтересованности в сохранении и защите своего раба пришел конец. Раб (если использовать расхожую фразу) становится сам себе хозяином. С приобретением этой власти он берет на себя обязательства по самообеспечению. Он становится независимым; и, будучи таким, он должен обеспечивать свою самозащиту. Самоуправство не является безусловным благом в работе. Оно влечет за собой обременительные обязанности. Это подразумевает необходимость обеспечивать собственные потребности человека и потребности его семьи. Вольноотпущенника больше не заставляют из-за страха телесного наказания выполнять предписанную работу. Но он должен работать, чтобы получать заработную плату; и, более того, он должен найти работу для себя. Он больше не способен приобретать собственность или пожинать плоды своего собственного труда. Но он, принимая во внимание эту власть, обязан обеспечивать себя сам. Он больше не способен заключить законный брак или зачать свободных законных детей. Но он обязан содержать свою жену и детей собственными усилиями; и если он бросает их или позволяет им голодать, он подлежит законному наказанию. Его больше не кормят и не содержат просто в соответствии с его физическими потребностями, безотносительно к стоимости его услуг; но, с другой стороны, он отдан в руки неконтролируемого действия принципа конкуренции; и он должен довольствоваться теми скудными грош-ми, которые может назначить ему конкуренция на рынке труда. С ним больше не обращаются как с простым животным или орудием производства, лишенным чувств, разума или моральных качеств; он не следует религии своего хозяина и может добровольно выбрать свое собственное вероисповедание. Но, становясь свободным моральным деятелем, он принимает на себя ответственность, связанную с этим состоянием; его путь открыт для добродетели, но он несет ответственность за свои поступки и их последствия, если он отклонится на другие пути; он может предвидеть свою судьбу, но в качестве компенсации должен понести наказание за собственную непредусмотрительность.

Когда мы размышляем о фактических результатах рассматриваемых изменений и сравниваем состояние рабочих классов в странах, где они свободны, с состоянием класса рабов, мы обнаруживаем, что единственными преимуществами свободы, которыми в полной мере пользовались трудящиеся классы, являются *отрицательные* преимущества (такие как освобождение от телесных повреждений и других видов жестокого обращения;), но что *положительные* преимущества, которые они до сих пор извлекали из социальной

независимости, были менее заметны. *Положительные* выгоды, которые носят экономический и бытовой характер и заключаются в приобретении, пользовании и передаче богатства, а также в развитии семейных привязанностей, являются более отдаленными и зависят от многочисленных предварительных условий, которые до сих пор редко сосуществовали в каком-либо сообществе. Вся жатва перемен не будет собрана до тех пор, пока цивилизация не добьется дальнейшего прогресса — до тех пор, пока провидение, трудолюбие, интеллект и миролюбие рабочего человека не станут такими, чтобы сделать его полностью пригодным для самообеспечения и защитить общество от потрясений, возникающих из-за его заблуждений и насилия.

Но по мере того, как положительные преимущества становятся все более отдаленными, недостатки изменений дают о себе знать. Как только рабство прекращает свое существование, свобода действий для рабочих классов становится полной; они являются хозяевами своего собственного поведения, и их поведение определяет состояние огромной массы общества. Таким образом, если их моральное состояние низкое и они освобождены от всякого законного принуждения, они, скорее всего, неправильно воспользуются своей свободой. Всякий раз, когда моральные ограничения ослабевают, а права свободного человека осуществляются без ограничений и при внутреннем сознании власти, политические или социальные опасности не за горами. Класс рабов, сразу же освобожденный, представляет собой ярчайший пример зла, возникающего под этим влиянием. Их моральное состояние в лучшем случае такое же, как у детей; у них не было опыта самоуправления; а права на свободу, ввиду их новизны, ценятся наиболее высоко. Однако некоторые страны, из которых рабство уже давно было изгнано, демонстрируют почти аналогичное положение вещей. Таким образом, в Ирландии свобода рабочего класса принесла наименьшее количество положительных преимуществ в сочетании с наибольшим количеством недостатков. Крестьянство находится в состоянии крайней физической деградации; они извлекают наименьшую возможную долю счастья из своей способности распоряжаться собой и своими семьями и приобретать собственность; в то время как их гражданские права слишком часто извращаются в целях, пагубных для них самих и опасных для общественного спокойствия.

Когда рабство рабочих классов в Западной Европе было постепенно искоренено, стало ясно, что теория личной свободы не может быть последовательно претворена в жизнь для всего общества. В глазах закона человек может считаться способным и обязанным содержать себя и свою семью, но недостаток трудолюбия, или ума, или провидения, или хищничество сильных мира сего могут довести его до нищеты и беспомощности. Соответственно, если не допустить, чтобы многие представители рабочего класса умерли от голода и пренебрежения, необходимо было найти какие-то средства для облегчения их страданий.

В качестве дальнейшего ответа "Эдинбург Ревьюер" и для иллюстрации примерами нашей теории о том, что "Все каннибалы, или рабы без хозяев", прочтите следующее из "Норт Бритиш Ревью" за ноябрь 1855 года, посвященное сельскому населению Англии:

Разве мы не попали в настоящий рай сельского уединения? Разве это не место для тех, кто намеревается коротать жизнь среди никогда не утомляющих сладостей сельской жизни? Но давайте пройдем немного вперед, и обогнам группу детей, которая как раз сейчас пересекает пустошь. Увы! и все же не должны ли мы воздержаться от выражения печальных чувств, которые пробудил первый взгляд на эти младенческие тени? чувства обострились от контраста; ведь

совсем недавно мы пробирались по улице четвертого класса, где в изобилии обеспечены всем необходимым для жизни. Кроме того, если мы еще раз взглянем на эти сморщенные формы — такова милость Творца, — мы увидим, что в детстве будут свои улыбки, свой смех, свои забавы, даже в самых запущенных условиях. Более того, несмотря на этот голодный, водянистый вид — есть, если брать группу в целом, — есть атмосфера чистой деревенской простоты — есть невинность, сравнительно, и скромная пристойность — есть почтительность в их стиле и манерах, которая в значительной степени говорит в их пользу, если сравнивать ее с дерзкой, неверующей дерзостью юных Геркулесов промышленных городов.

Но посмотрите на этих несчастных — маленьких крепостных из заброшенного сельского округа! Посмотрите на их физиологию — обратите внимание на их жидкие, бесцветные волосы, закрывающие запавшие глаза и спускающиеся на костлявую шею; посмотрите на впалые щеки, похожие на свечи руки и немускулистые голени, которые служат молодым ежам ногами! Но разве эти дети не дышат чистой атмосферой? Разве они не принадлежат Природе? Да; но им не хватает одного — одного зловещего слова, проясняющего тайну. Голодание! На самом деле, не такой голод, который быстро уносит горести печальной судьбы; но такой, который растягивает ее изнуряющие страдания на протяжении омраченных лет детства и юности; на протяжении тех судорожных лет возмужания, в течение которых борьба за существование приобретает вид сурового окоченения; а затем на протяжении того остатка ранней дряхлости, изможденности, сгорбленности, идиотизма, который действительно является неблагоприятным концом неблагоприятного существования. Это сельское население преуспевает довольно хорошо, если отец трудоспособен и трезв, а мать в течение летнего сезона занимается рыхлением, заготовкой сена и сбором урожая пшеницы; то есть когда труд матери и ее детей позволяет немного увеличить недельную заработную плату. В течение этих недель приобретает кое-что из необходимой одежды, вносится арендная плата, и к хлебу, чаю и картофелю, которые составляют семимесячный рацион, еженедельно добавляются крохи корма для животных.

Было бы несправедливо по отношению к нашим достойным друзьям-фермерам и к сельской спортивной знати утверждать, что эти несчастные на самом деле умирают от нужды. Нет, они не умирают, так как перед тем, как их можно будет похоронить, должно быть проведено расследование — если бы, слава Богу, оно было проведено — они живы — они живут, чтобы показать, какие крайности могут вынести мужчины, женщины и дети и все же не умереть; или что, по их мнению, еще хуже, не вступать в "союз"! Но как те же самые мужчины, женщины и дети проводят пять месяцев в году? С радостью увидели бы их свернувшимися, как ежи, и гнездящимися в дуплах деревьев; в кроличьих норах, потерявшими сознание. Мы действительно сочли бы чудом, если бы майским утром увидели, как группа людей поднимается живыми с лужайки вместе с пейглу и кауслипами. Но это гораздо меньше, чем чудо, видеть, как жители депрессивного сельского округа выходят живыми из зимних месяцев!

Чрезвычайно редки случаи, когда те, кто родился на земле и был предназначен для пахоты, поднимаются выше своего естественного уровня. Таких примеров — двух, трех или пяти — можно было бы найти, если бы с этой целью обыскали сельскохозяйственный округ; но сельскохозяйственный рабочий, даже если бы у него были необходимые умственные способности и честолюбие, и если бы он мог добиться этого иным способом, редко приносил бы с собой то, в чем особенно нуждается социальная масса, в которой он мог бы подняться, а именно, полностью развитое и крепкое тело. Между тем, что же происходит в сотнях случаев и каждый день на всей территории производственного региона? Люди, хорошо сложенные, с

крепкими нервами и мозгами, с неистовым рвением использующие те возможности продвижения, которые изобилуют в этих сферах предприимчивости и преуспевающих достижений, — о таких людях говорят те, кто выше их, их видят хорошо одетыми, прежде чем они смиряются с ношением перчаток; быстрыми успехами они завоёвывают для себя место в обществе - место, которое, действительно, они вполне заслуживают; и там они делают то, о чем раньше и не думали — они восстанавливают ту массу, в которой их приняли.

Мы извлекаем следующее из статьи в "Эдинбург Ревью" о труде несовершеннолетних и женщин в январском номере за 1844 год. Он имеет наивысший авторитет, являясь частью отчета уполномоченных, назначенных парламентом, и одобрен как решением парламента, так и авторитетом Рецензента:

Наши возможности не позволят нам рассмотреть все профессии, описанные в этих томах; но в качестве примеров мы дадим краткий отчет о положении людей, занятых в угольных шахтах, ситцевом ткачестве, изготовлении металлических изделий, кружевоплетении и модистке.

Угольные шахты.— Количество детей и молодежи, занятых на этих шахтах, огромно; и они, по-видимому, начинают работать, даже под землей, в более раннем возрасте, чем зафиксировано для любого другого занятия, кроме плетения кружев. Отчет Уполномоченных—

"Имеют место случаи, когда детей берут на работу в эти шахты уже в возрасте *четырёх* лет, иногда в пять, нередко между шестью и семью и часто с семи до восьми, в то время как с восьми до девяти лет является обычным возрастом, в котором начинается их трудоустройство.... Что очень большая доля лиц, занятых на этих рудниках, моложе тринадцати лет; и еще большая доля в возрасте от тринадцати до восемнадцати. Что в нескольких округах дети женского пола начинают работать на шахтах так же рано, как и мужчины.

"Характер работы, которая поручается самым маленьким детям, обычно это "отлов", требует, чтобы они находились в яме сразу после начала рабочего дня, и, согласно нынешней системе, они не должны покидать яму до окончания рабочего дня.

"Что, хотя это занятие едва ли заслуживает названия труда, все же, поскольку дети, занимающиеся им, обычно лишены света и всегда находятся без товарищей, оно было бы, если бы не проходящие мимо вагоны с углем, равносильно одиночному заключению худшего порядка.

Что в некоторых районах они остаются в одиночестве и темноте в течение всего времени, пока находятся в яме, и, по их собственным словам, многие из них неделями не видят дневного света в течение большей части зимнего сезона, за исключением тех дней недели, когда работа не ведется, и воскресений.

"Что в разном возрасте, от шести лет и старше, начинается тяжелая работа по толчку и перетаскиванию вагонов с углем из выработок к основным путям или к подножию шахты: труд, в утверждении которого согласны все категории свидетелей, требует неустанного напряжения всей физической силы, которой обладают молодые рабочие.

"Что в районах, в которых женщин забирают в угольные шахты, оба пола заняты вместе на совершенно одинаковом виде труда и работают одинаковое количество часов; что девочки и мальчики, юноши и девушки, и даже замужние женщины и женщины с детьми, обычно

работают почти голыми, а мужчины во многих шахтах совершенно голыми; и что все категории свидетелей свидетельствуют о деморализующем влиянии работы женщин под землей. [32]

"Что на востоке Шотландии на этих шахтах занято гораздо больше детей и молодежи, чем в других округах, многие из которых - девочки; и что основная часть их труда заключается в переноске угля на спине по крутым лестницам.

"Когда рабочие полностью заняты, обычная продолжительность рабочего времени детей и молодежи редко бывает меньше одиннадцати часов; чаще всего их *двенадцать*; в некоторых округах их *тринадцать*; а в одном округе они обычно составляют *четынадцать* и выше.

"Что в подавляющем большинстве этих шахт ночные работы являются частью обычной системы труда, более или менее регулярно выполняемой в зависимости от спроса на уголь, и, как показывает совокупность свидетельств, наиболее пагубно воздействуют как на физическое, так и на моральное состояние рабочих, и особенно на детей и молодежь.

"Что во многих случаях у детей и молодежи нет особых оснований жаловаться на обращение, которому они подвергаются, в то время как на многих шахтах поведение взрослых шахтеров по отношению к ним является грубым и безжалостным; лица, облеченные властью, которые должны быть осведомлены об этом дурном обращении, никогда не вмешиваются, чтобы предотвратить его, а некоторые из них отчетливо заявляют, что не считают, что у них есть право поступать так. Что, за некоторыми исключениями, угольщики мало интересуются детьми, занятыми на их работах после окончания ежедневного труда.... Что на всех угольных месторождениях чрезвычайно часты несчастные случаи устрашающего характера, и среди рабочих, которые погибают в результате таких несчастных случаев, доля детей и молодежи иногда равна, а редко бывает намного ниже, чем среди взрослых". - (Первый отчет, стр. 255-7.)

Что касается общего состояния здоровья работников, то в представленных доказательствах имеются значительные расхождения; многие свидетели утверждают, что шахтеры в целом, особенно взрослые, представляют собой удивительно здоровую расу, демонстрирующую в среднем очень низкий уровень заболеваемости, [33] и с необычайной быстротой восстанавливаются после тяжелейших несчастных случаев; — особенность, которую медики достаточно обоснованно приписывают равномерной температуре в шахтах, и еще больше к изобилию питательной пищи, которую позволяет им добывать высокая заработная плата рабочих. Однако подавляющее большинство свидетелей производят совсем иное впечатление. Свыше двухсот человек, чьи показания цитируются или упоминаются в Отчете Центральным уполномоченным, свидетельствуют о крайней усталости детей, когда они возвращаются домой ночью, и о вредном воздействии, которое это в конечном итоге оказывает на их телосложение.

В то время как эффект таких ранних и тяжелых родов заключается в том, что они вызывают особую и экстраординарную степень мышечного развития у детей—угольщиков, они также замедляют их рост и вызывают пропорциональное уменьшение роста, как показано следующим сравнением. (Физическое и моральное состояние детей, стр. 55.)

10 мальчиков-фермеров в возрасте от 12 до 14 лет измерили рост каждого	56,4	дюйма	.
В			
10 мальчиков-угольщиков,	53,4	"	"

	разница,	3.	"	"
10 девочек-фермеров в возрасте от 14 до 17 лет измерили рост каждой в	60,5	дюйма	.	
10 девочек-угольщиков,	55,6	"	"	
	-			
	разница,	4,9	"	"
51 Ребенок фермеров, 10 лет, измерили рост каждой в	51.	"	"	
60 детей угольщиков,	48.	"	"	
	-			
	Разница,	3.	"	"
49 детей фермеров, возраст 15 с половиной лет, измерено у каждого,	59.	"	"	
50 детей угольщиков,	53.	"	"	
	-			
	Разница,	6.	"	"[34]

Множество наиболее уважаемых свидетелей также утверждают, что работа в угольных шахтах приводит к нетвердой походке и искривлению позвоночника, а также к различным расстройствам, среди которых можно перечислить сердечные заболевания, разрывы, астму, ревматизм и потерю аппетита; и это не только в редких случаях, но и как привычный и почти неизбежный результат их профессии.

О последствиях работы на угольных шахтах Восточной Шотландии, приводящих к раннему и непоправимому ухудшению физического состояния, заместитель комиссара сообщает следующим образом: "При состоянии общества, подобном описанному, состояние детей можно легко представить, и его пагубное влияние на здоровье трудно преувеличить; и я проинформирован очень компетентными властями, что шестимесячного труда на шахтах достаточно, чтобы вызвать очень заметные изменения в физическом состоянии детей: и действительно, едва ли возможно представить обстоятельства, более рассчитанные на то, чтобы посеять семена будущих болезней и, пользуясь языком инструкций, препятствовать развитию органов, ослаблять и нарушать их функции и подвергать всю систему повреждениям, которые не могут быть восстановлены ни на одном последующем этапе жизни". (Отчет Фрэнка, с. 68: Приложение к Первой части, стр. 396.) На западе Шотландии доктор Томсон, Эйр, говорит: "Угольщик в пятьдесят лет обычно выглядит как человек на десять лет старше своих лет". — (Свидетельство, № 34; Приложение, часть I, стр. 371, л. 58.)

Если мы обратимся к свидетельствам о моральном, интеллектуальном и духовном состоянии огромной массы населения угольной шахты, то картина окажется еще более мрачной и ужасающей, чем та, которая была нарисована об их физическом состоянии. Средства

обучения, к которым они имеют доступ, крайне скудны; —их готовность воспользоваться такими средствами, по возможности, еще более скудна; и реальные результаты обучения, которые они получают, самые скудные из всех — как покажут следующие выдержки: —

"В качестве примера умственной культуры детей шахтеров в окрестностях Галифакса подкомиссар заявляет, что при обследовании 219 детей и подростков на дне одного из угольных карьеров он обнаружил, что только 31 мог читать легкую книгу, не более 15 могли написать свои имена, причем эти последние проходили обучение в какой-либо дневной школе до того, как приступили к работе на шахте, и что все остальные были неспособны соединить два слога вместе". - (Scriven, Отчет, Mines: App. Pt. II, 73, с. 91.)

О состоянии образования на угольных месторождениях Ланкашира субкомиссар дает следующий отчет: "Моим намерением было представить Центральному совету доказательства воздействия образования, о чем свидетельствует сравнительная ценность образованных и необразованных шахтеров и детей, занятых в угольных шахтах, в качестве рабочих, и проследить его влияние, о чем свидетельствуют более высокие моральные привычки и в целом более возвышенное состояние тех, кто получил преимущества образования, по сравнению с теми, кто этого не сделал, что я наблюдал и доказал существование в других отраслях промышленности". Однако я обнаружил, что случай безнадежен; было так мало ни самих шахтеров, ни их детей, которые получили хотя бы первые зачатки образования, что было невозможно провести сравнение ". (Кеннеди, Отчет, Mines: App. Pt. II, стр. 183, с. 268.)

"На угольных месторождениях Северного Ланкашира, исследованных мистером Остином, утверждается, что образованием рабочих почти полностью пренебрегали; что они вообще почти не получали никакого обучения, ни религиозного, ни светского; что поэтому нельзя предполагать, что они имеют какое-либо правильное представление о своих моральных обязанностях, и что фактически их интеллект так же мало просвещен, как и места их работы — "повсюду царит темнота". — (Отчет, Mines: Приложение Pt. II, стр. 805, с. 26.)

"На Востоке Шотландии наблюдается заметная неполноценность детей угольщиков по сравнению с детьми городского населения и промышленников. Более 100 глав семей угольщиков, большинство из которых предоставляют своих детей самим себе — невежеству и нерелигиозности".—(Там же. стр. 426, л. 42.) "Многие дети вообще не получают образования". — (Там же. стр. 428, л. 30.)

Похоже, что в основных горнодобывающих районах мало кто из угольщиков посещает какие-либо места поклонения; и об их полном невежестве в отношении самых элементарных истин, как светских, так и религиозных, следующие выдержки дадут некоторое представление:

-Йоркшир.— Что касается даже общепринятых истин христианства и фактов Священного Писания, - говорит мистер Саймонс, - я уверен, что большинство людей находится в состоянии языческого невежества. Я без колебаний утверждаю, что дети шахтеров, как целое, растут в состоянии абсолютного и ужасающего невежества; и я уверен, что свидетельства, которые я здесь привожу, равно исходящие от представителей всех классов — священнослужителей, магистратов, учителей, мужчин и детей — полностью подтвердят и оправдают силу выражений, которые я один счел адекватными для характеристики психического состояния этого погруженного во мрак сообщества ".

"Во всем районе угольного месторождения, - говорит мистер Скривен, - молодое население пребывает в состоянии сквернословия и почти умственной отсталости".

"невежество и деградированное положение угольщиков и их детей, - говорит мистер Кеннеди, - вошли в поговорку по всему округу. Они необразованны, невежественны и жестоки; деградировали как рабочие и опасны как подданные".

Но ничто не может показать их психическое состояние столь поразительным образом, как доказательства, полученные в результате обследования самих детей Заместителем комиссара:-

"восемнадцатилетняя девушка — я так ничему и не научилась. Я никогда не хожу в церковь. Я никогда не слышал, чтобы в мир пришел хороший человек, который был Сыном Божиим, чтобы спасти грешников. Я вообще никогда не слышал о Христе. Никто никогда не рассказывал мне о нем, и мои отец и мать никогда не учили меня молиться. Я не знаю молитвы: я никогда не молюсь. Меня ничему не учили о таких вещах". — (Доказательства, Мины, стр. 252, 11, 35, 39.) 'Господь послал Адама и Еву на землю, чтобы спасти грешников'. — (Там же. стр. 245, л. 66.) "Я не знаю, кто сотворил мир; я никогда не слышал о Боге". — (Там же. стр. 228, л. 17.) "Иисус Христос был пастырем; он пришел сто лет назад, чтобы принять грех. Я не знаю, кем были Апостолы". — (Там же. стр. 232, л. 11.) "Иисус Христос родился на небесах, но я не знаю, что с ним случилось; он пришел на землю, чтобы совершить грех. Да, совершить грех. Шотландия - это страна, но я не знаю, где она находится. Я никогда не слышал о Франции". — (Там же. стр. 265, л. 17.) "Я не знаю, кем был Иисус Христос; я никогда его не видел, но я видел Фостера, который молится о нем". — (Там же. стр. 291, л. 63.) "Я три года ходил в воскресную школу. Я не знаю, кто были апостолы. Иисус Христос умер за спасение своего сына". — (Там же. стр. 245, л. 10.) Работодатель (обращаясь к комиссару): "Вы выразили удивление по поводу того, что Томас Митчелл (предыдущий свидетель) не слышал о Боге. Я полагаю, что в округе мало угольщиков, у которых это есть". — (Второй отчет, стр. 156.)

Моральное состояние населения угольной шахты представлено заместителями комиссара как крайне плачевное:-

"Ланкашир. — "Все, что я видел сам, - говорит заместитель комиссара, - приводит к тому же выводу, что и предыдущие свидетельства; а именно, что моральное состояние угольщиков и их детей в этом округе определенно является одним из самых низких среди любой части рабочего класса". — (Там же. Отчет, с. 278, и далее.)

- Дарем и Нортумберленд. Религиозное и моральное состояние детей, и особенно молодых людей, занятых на угольных шахтах Северного Дарема и Нортумберленда, священнослужители и другие свидетели называют "плачевным". "Их мораль, - говорят они, - плохая, их образование еще хуже, их интеллект очень ослаблен, а их беспечность, безбожие и безнравственность превосходят все, что можно найти в сельскохозяйственном районе". (Лейфчайлд, Отчет, Mines: Evidence, Nos. 795, 530, 500, 493, 668.)

Печать на ситце.—Здесь занято огромное количество детей обоего пола, которые должны смешивать и растирать краски для взрослых рабочих, и их обычно называют *тирерами*. Согласно Отчету, они начинают работать иногда в возрасте до пяти лет, часто между пятью и шестью и, как правило, до девяти. Обычный рабочий день составляет двенадцать часов, включая время приема пищи; но поскольку дети обычно работают в то же время, что и взрослые, "ни в коем случае не является редкостью, что во всех округах *детей пяти-шести*

лет заставляют работать по четырнадцать и даже шестнадцать часов подряд". (Второй отчет, стр. 59) Однако во многих случаях будет видно, что даже эти часы позорно превышаются во время напряженной работы.

"352. Томас Сайдбрид, печатник, после того, как взял ребенка, который уже был на работе весь день, чтобы тот помогал ему по ночам, рассказывает— "Мы начали работать между восемью и девятью часами вечера в среду; но мальчик подметал в мастерской со среды утром. Вы едва ли поверите, но это правда — я никогда не выходил из магазина раньше шести часов утра в субботу; и все это время я ни разу не прекращал работать, за исключением часа или двух, и этот мальчик все время был со мной. Я забеременела, а мальчик был почти без чувств.

"353. Генри Ричардсон, печатник, утверждает— "В четыре часа я приступил к работе и работал весь тот день, всю следующую ночь и до десяти следующего дня. В тот раз у меня ужинал только один ребенок, и, смею предположить, ему было около двенадцати лет. Ближе ко второй ночи мне пришлось крикнуть ему, когда он захотел спать. У меня был один из моих собственных детей, лет десяти, который был тиринговщиком. Он работал со мной в "Мессерс Энд Крайтон". Wilson & Crichton's, в Блейкли. Мы начали работать вместе около двух или трех часов ночи и закончили в четыре или пять часов пополудни".

Ночная работа тоже, со всеми ее пагубными последствиями, очень распространена в этом ремесле; а об общем состоянии образования среди печатников в Ланкашире Уполномоченные говорят следующим образом (стр. 172)

"Доказательства, собранные мистером Кеннеди в округе Ланкашир, имеют тенденцию показывать, что дети, занятые этой профессией, лишены возможностей получения образования; что это неизбежно способствует росту невежественного и порочного населения; что возможность раннего трудоустройства детей на печатных площадках приводит к опустошению дневных школ; что родители без колебаний жертвуют будущим благополучием своих детей на протяжении всей жизни ради немедленной выгоды или удовлетворения, получаемого за счет дополнительных грошей, получаемых от заработка ребенка, и что они воображают или притворяются, что они не пренебрегают образованием своих детей, если отправляют их учиться в другие школы". в воскресные школы".

Изделия из металла. Главными центрами металлообработки являются Бирмингем, Вулвергемптон и Шеффилд; но многие из второстепенных филиалов находятся в разных частях Шотландии, а также в Вустершире и Ланкашире. В различных отраслях этого вида производства заняты многие тысячи детей обоего пола. Как правило, они начинают работать примерно на *восьмом* году жизни, как в Бирмингеме и Шеффилде, но часто и раньше; в то время как в *производстве булавок*, как это делается в Уоррингтоне, и мальчики, и девочки начинают заниматься в *пять* лет и работают *двенадцать часов* в день, а иногда, хотя и редко, даже больше. Рабочие часы на большинстве металлургических заводов очень нерегулярны, обычно от десяти до тринадцати в день; но, особенно в окрестностях Вулверхэмптона, нередко их увеличивают до пятнадцати-шестнадцати недель подряд. Помещения, в которых проводятся занятия, иногда бывают большими, чистыми и хорошо проветриваемыми; но в подавляющем большинстве случаев дается совсем другое описание.

"В целом здания очень старые, и многие из них находятся в полуразрушенном и даже опасном состоянии. Нет ничего более обыденного, чем находить многие окна разбитыми; в

некоторых случаях я наблюдал больше разбитых стекол, чем целых; по этому поводу те, кто работает, высказывают большие и справедливые жалобы. Цеха часто темные и узкие; многие из них, особенно те, которые используются для штамповки, находятся на четыре-семь футов ниже уровня земли; рабочие справедливо жалуются на эти последние, которые холодны и сыры. Из-за некачественной конструкции во всех этих старых цехах может стать "достаточно жарко летом (а также ночью, когда горит газ) и очень холодно зимой". Эффективная вентиляция в этих местах неизвестна. Подавляющее большинство магазинов никогда не белят, но есть много достойных исключения из этого утверждения".

"Уже говорилось, что, хотя все население города Вулверхэмптон и окрестностей всех рангов занято в различных мануфактурах этого места, все же мануфактур большого размера немного, работа обычно ведется в небольших мастерских. Эти мастерские обычно расположены на задворках домов, а в передней части улицы их очень мало; так что места, где работают дети и большая часть рабочих, находятся совершенно вне поля зрения, в узких дворах, немощенных дворах и тупиковых переулках. На более мелких и грязных улицах города, где проживают беднейшие представители рабочего класса, "есть узкие проходы через каждые восемь или десять домов, а иногда и через каждый третий или четвертый дом. Эти узкие проходы также являются общим желобом, который ни в коем случае не всегда ограничивается одной стороной, но часто протекает по всему проходу. Пройдя по проходу, вы оказываетесь в пространстве, размеры которого зависят от количества домов, хижин или лачуг, которые в нем находятся. Почти все они пропорционально переполнены. Из этого пространства есть другие узкие проходы, иногда ведущие в другие подобные лачуги. Мастерские и жилые дома в основном построены на небольшом возвышении, наклоненном к проходу". — (Второй отчет, стр. 33.)

Однако наиболее болезненными частями Отчета о металлургических производствах являются те, которые касаются обращения с детьми и подмастерьями в Уилленхолле, недалеко от Вулверхэмптона, и пагубного влияния тех подразделений, которые работают в Шеффилде. — (Стр. 83.)

"455. Район, который требует особого внимания в связи с повсеместным и почти невероятным жестоким обращением с детьми, - это Вулверхэмптон и его окрестности. В самом городе Вулверхэмптон среди крупных мастеров детей не наказывают сурово, а в некоторых профессиях, как, например, у японцев, их вообще не бьют; но, с другой стороны, в цехах по производству гвоздей и наконечников, на некоторых литейных заводах и среди очень многочисленного класса мелких мастеров в целом наказания суровы и безжалостны; и в некоторых случаях их можно назвать только свирепыми.

"456. В Уилленхолле детей позорно и жестоко избивают хлыстом, ремнем, палкой, ручкой молотка, напильником или любым другим инструментом, который находится под рукой, или бьют сжатым кулаком или пинают ногами.

"457. В Седжли их иногда бьют раскаленным железом, обжигая и оставляя синяки одновременно; иногда на них посылают "вспышку молнии". "Когда железный прут, раскаленный добела, вытягивают из горна, он испускает раскаленные частицы, которые человек обычно разбрасывает дождем по земле взмахом руки, прежде чем положить прут на наковальню. Иногда этот душ направлен на мальчика. Он может попадать на его руки и лицо, на обнаженные

руки или на грудь. Если его рубашка расстегнута спереди, что обычно и бывает, в ней застревают раскаленные частицы, и ему приходится вытряхивать их как можно быстрее" . . . - Его хозяина зовут ..., из Литтл-Лондона. Кроме него, есть еще один подмастерье, с которым обращаются так же плохо. ..., пятнадцати лет, "работает в Knoblocks с ...". Является товарищем-подмастерьем у Живет в доме своего мастера. Его избивает хозяин, который бьет его иногда кулаками, а иногда черенком напильника, а иногда палкой — неважно чем, когда он немного сердит; иногда бьет его локонами; четыре или пять раз раскроил ему голову; так что у него есть голова его товарища-подмастерья.

"466. Преподобный Исаак Кларксон, мировой судья, викарий Уэндсбери. "В его качестве магистрата к нему часто поступают жалобы от мальчиков на учителей из разных окрестных мест, таких как Уилленхолл и Дарластон, но он не поощряет их, поскольку им правильнее обращаться к магистратам Вулверхэмптона. Больше жалоб поступало к нему с рудников, чем с мануфактур; но иногда на последних наблюдалось очень плохое обращение. Мальчик из Дарластона недавно был безжалостно избит раскаленным куском железа. Мальчик обгорел — довольно сильно обгорел. Хотел расторгнуть договор, но хозяин обратился в попечительский совет или к клерку Стаффордского союза и пообещал в будущем вести себя лучше. Перед ним рассматривалось несколько подобных дел".

Следующие заявления Уполномоченных требуют серьезного рассмотрения. — (Второй отчет, стр. 105.)

"581. Но главная болезнь - это болезнь, вызванная занятием точильщиком, которое является наиболее пагубным из всех отраслей мануфактуры в Англии. Вдыхание пыли точильного камня и стали ножа, или того, что он может шлифовать, настолько пагубно, что срок службы сухого точильщика едва ли составляет в среднем тридцать пять лет, в то время как срок службы мокрого точильщика редко превышает сорок пять лет. Согнутая поза и давление на живот усугубляют зло. Шлифование вилками является наиболее вредным, потому что оно выполняется сухим способом и приходится стачивать гораздо больше стали. Доктор Найт утверждает, что он не может лучше выразить, насколько вредно для здоровья шлифование, чем заявив, что "те, кто больше всех пьет среди точильщиков, иногда живут дольше всех из-за более частого отсутствия на работе".

"582. Пылеулавливающие устройства в том состоянии совершенства, до которого они сейчас доведены, по-видимому, способны значительно уменьшить это зло, если не полностью устранить его. Шеффилдских точильщиков, однако, нельзя убедить воспользоваться этой гарантией; они знают, что обречены на раннюю смерть, и все же они абсолютно не желают, чтобы зло, которому они подвергаются, хоть в какой—то степени уменьшилось: они ревниво относятся к любым мерам предосторожности, направленным на продление жизни, как к средству увеличения предложения рабочей силы и снижения заработной платы; они за "короткую и веселую жизнь", и поэтому, даже когда хозяева тратят деньги на установку оборудования, эти люди отказываются им пользоваться и даже часто пинают его и ломают у себя под ногами. "-(Там же. Доказательства.)

Что касается морального состояния этого класса рабочих, то в Отчете говорится следующее. - (Второй отчет, стр. 176-178.)

"933. Моральное и религиозное состояние детей и молодежи, занятых в торговле и мануфактурах Бирмингема, описывается заместителем комиссара как крайне неблагоприятное. Социальные и домашние обязанности и привязанности лишь в малой степени культивируются и практикуются; многие никогда не посещают никаких мест религиозного поклонения; и о состоянии преступности среди несовершеннолетних некоторое представление может составить утверждение, что из общего числа известных или подозреваемых правонарушителей в этом городе за последние двенадцать месяцев, а именно 1223, по крайней мере половина были моложе пятнадцати лет.

"934. Что касается незаконных половых сношений, то они, по-видимому, преобладают почти повсеместно, причем с самого раннего периода жизни: к этому выводу приводят показания свидетели всех рангов.

"936. Вулверхэмптон. О моральном состоянии молодежи в округе Вулверхэмптон мистер Хорн говорит: "Собирая воедино все, что я узнал из различных свидетельств и бесед с рабочими за границей и дома, и все, что попало в поле моего наблюдения, я вынужден прийти к выводу, что моральные качества подавляющего большинства детей настолько малочисленны и слабы на практике, насколько это можно себе представить по отношению к тем, кто родился в цивилизованной стране, окруженной религиозными и образовательными учреждениями, и личностями, стремящимися улучшить положение трудящихся классов". Он добавляет Уилленхолл: "Более низкого уровня морали, в самом полном смысле этого слова, я думаю, найти было невозможно. Я не имею в виду, что среди них есть много более заметных пороков, но что среди них нет моральных чувств. У них нет морали.

"940. Шеффилд. На всех предприятиях в Шеффилде, где занято большое количество детей, утверждается, что младшие дети гораздо теснее взаимодействуют со старшими юношами и с мужчинами, чем это обычно бывает на хлопчатобумажных, шерстяных и льняных фабриках; и что разговоры, которые вынуждены слушать дети, развратили бы их умы и притупили бы их моральные чувства, даже если бы они были тщательно и добродетельно воспитаны, но, конечно, этот результат наступает быстрее и полнее в случае тех, у кого мало религиозной культуры или ее вообще нет, и перед их глазами мало, но дурного примера от других людей. их колыбель устремлена вверх.

"943. Привычки к употреблению алкоголя формируются в очень раннем возрасте, солодовый ликер обычно вводят на мастер-классах, к участию в которых приглашаются самые маленькие дети. "Очень многие, - говорят полицейские, - часто посещают пивные, где играют в домино, в "багатель" и т. Д. На деньги или выпивку". Врачи называют раннюю невоздержанность в поведении одной из причин высокой смертности в Шеффилде. "Есть пивные, - говорит преподобный мистер Фариш, - которые посещают исключительно молодые люди, потому что мужчины не хотят, чтобы они жили в одних домах с ними самими. В этих пивных поощряется встреча молодежи обоих полов, и за этим следуют сцены, разрушающие все остатки добродетели или морали".

"945. Но все категории свидетелей заявляют, что "самой отвратительной чертой разврата среди несовершеннолетних в этом городе является раннее заражение в результате общения полов"; что "проституция среди несовершеннолетних чрезвычайно распространена". "Доказательства, - говорит заместитель комиссара, - могли бы быть удвоены, что свидетельствует о раннем начале сексуальных и беспорядочных сношений между мальчиками и девочками".

"953. Седжли.—В Седжли и соседних деревнях количество девочек, занятых изготовлением гвоздей, значительно превышает количество мальчиков. Об этих девушках мистер Хорн сообщает: "Их внешность, манеры, привычки и моральный характер (насколько к ним можно применить слово *"нравственный"*) соответствуют их полуцивилизованному состоянию. Постоянно общаясь с невежественными и развращенными взрослыми и молодыми людьми противоположного пола, они естественным образом пускаются во все тяжкие; пьют, курят, ругаются матом, теряют всякую сдержанность в словах и поступках и становятся такими же плохими, как мужчина. Из-за жара кузницы и твердости работы зимой мало кто нуждается в одежде, а летом шесть или семь человек, которые теснятся в этих маленьких берлогах, находят жару почти удушающей. Мужчины и мальчики обычно обнажены, за исключением брюк и расстегнутой рубашки, хотя очень часто у них нет рубашки; а на женщинах и девочках только тонкая, рваная нижняя юбка и расстегнутая рубашка без рукавов".

Плетение кружев.—В этой профессии неоспоримыми доказательствами доказано, что для детей является *обычным* начинать работать в возрасте четырех, пяти и шести лет; и были обнаружены случаи, когда ребенка всего *двух* лет заставляли работать рядом с матерью. Работа, конечно, очень незначительная, но она бросается в глаза. Заместитель комиссара, подробно описав дело, говорит

58. В этом случае, если утверждение матери верно, один из ее детей в возрасте четырех лет работает по двенадцать часов в день с интервалом всего в четверть часа на каждый прием пищи, на завтрак, ужин и чай, и никогда не выходит поиграть; и еще двое ее детей, одному шесть, а другому восемь лет, работают летом с шести утра до сумерек, а зимой с семи утра до десяти вечера, пятнадцать часов.

"59. Эта семья уникальна только тем, что детей отправляют на работу в возрасте двух-трех лет. В этом округе дети обычно приступают к работе в четыре, пять и шесть лет; имеющиеся свидетельства делают этот факт неоспоримым". (Второй отчет, стр. 10.)

Следующие выдержки относятся к часам работы в кружевной промышленности:—

"336. В округах Ноттингем, Лестер и Дерби, частично по только что названным причинам, а частично из-за распущенных привычек рабочих, "часы труда настолько нерегулярны, что невозможно говорить о них с точной точностью". Ручные станки, особенно широкие, обычно работают двумя руками; на некоторых очень больших станках работают по три человека в каждом; мужчины работают на таких станках "посменно". Наиболее распространенное время - шестнадцать, восемнадцать, а иногда и двадцать часов. "Какими бы долгими, - добавляет подкомиссар, - ни были часы, в течение которых машины приводятся в движение, даже в течение целых двадцати четырех часов, будь то вручную или с электроприводом, едва ли когда-либо бывает два полных комплекта нитевдевателей".

341. Мистер Уильям Хайнд, двадцати девяти лет, рабочий— "Среди мелких мастеров, у каждого из которых есть одна или две машины, принято, чтобы одна группа детей работала на двух или трех мастеров. Учителя часто живут далеко друг от друга; детям часто приходится преодолевать одну или две мили. Они всегда нужны, когда машина выходит из строя, независимо от часа дня или ночи; ночью их требуется столько же, сколько и днем, если только мужчины не захотят разместить детей, что делается очень редко, особенно когда торговля идет хорошо. Когда существует хороший шаблон и машина постоянно используется, у детей "почти нет покоя", у них

нет регулярного времени на прием пищи, "нет времени ни на что"; когда одна машина выключена, включается другая. Сам раньше был нитевдевателем, а затем намоточником. Часто уходил в шесть утра, и у него не было времени перекусить, разве что время от времени перекусывал до трех-четырёх часов дня. То же самое происходит и сейчас, когда торговля процветает. У детей нет регулярного времени для приема пищи; им присылают еду, и они едят, когда могут; у некоторых нет ничего, кроме куска хлеба. Для сна нет более подходящего времени, чем для еды; дети часто ложатся "посреди дверей магазина, когда тепло". Считает, что сотни людей были отправлены в могилу этой работой. Этого достаточно, чтобы убить детей, идущих наполовину накормленными и одетыми на работу ночью, в это время года. (Столбик термометра прошлой ночью показывал 102.) — (Второй отчет, стр. 56-9).

Конечно, работа такого рода, в течение таких часов и в таком раннем возрасте не может не иметь плачевных последствий для здоровья в дальнейшей жизни, а также для морального облика. Соответственно, Комиссары отчитываются. — (II, стр. 109, 110, 181.)

"598. Из-за характера их занятий, продолжительного и нерегулярного рабочего дня, частых ночных дежурств и нехватки времени, отводимого на прием пищи, — что является злом наибольшего масштаба в случае растущих детей — конституция часто серьезно нарушается. "Большинство детей, которых я видел, - говорит подкомиссар, - были бледными и нездорового вида, а некоторые были маленького роста. Здоровье и зрение часто сильно ухудшаются, особенно у бегунов, которые иногда теряют сознание во время работы; действительно, не может быть занятия, которое более серьезно ухудшает телосложение. Близорукость, амавроз, искривление позвоночника, чрезмерная конституциональная слабость, несварение желудка и нарушение функций матки, можно сказать, являются почти универсальными: все свидетельства указывают на этот вывод".

""В городе Ноттингеме, - говорит мистер Грейнджер, - все партии, духовенство, полиция, фабриканты, рабочие и родители согласны с тем, что нынешний способ использования детей и молодежи в качестве нитевдевателей является наиболее плодородным источником безнравственности. На самом деле, может быть лишь несколько состояний, более непосредственно ведущих к пороку и расточительству. Детей обоего пола вызывают из родительского дома в любое время суток, и, поскольку совершенно неясно, как долго они могут потребоваться, на два часа или на всю ночь, приводится готовый и неопровержимый предлог для того, чтобы остаться дома. — (№ 138.)

"Моральное состояние кружевниц в Нортгемптоншире, Оксфордшире, Бедс энд Бакс, по словам майора Бернса, крайне низкое, и среди них распространена проституция из-за их скудных заработков, любви к нарядам и почти полного отсутствия ранней моральной культуры". — (Отчет: Приложение. Часть I, стр. А. 12, с. 104.)

Модистка и пошив одежды. — Часть из этих поучительных Тома, который описывает состояние молодых женщин, работающих в качестве модистки и Мантуя лицам, в наших крупных городах, и особенно в Лондоне, является, однако, то, что оставило самое тяжелое впечатление на наши умы — не только потому, что работа этих несчастных девушек из всех самых, серьезные и неустанные — и не потому, что оно наносится исключительно на слабый пол, и в период жизни наиболее восприимчивы травмы от перенапряжения перенапряжение — ни за фактические последствия, которые показаны наступить в тысячи дел, так особенно прискорбно-но ведь избыток труда (со всеми его пагубным и смертельным исходом) это терпели на службе, и

нанесли выполнения заказов, класса, чьи собственные освобождение от тяжелого труда и лишений, должны сделать их строго осторожны, чтобы не увеличить, беспричинно, или эгоистично, труды и лишения своими менее одаренными людьми—класса, многие из которых были явно громко обличая жестокость гораздо более простительные преступления, и в выражении несколько крикливый и переигрывал сочувствие страданиям, которые не на минуту не сравнятся по тяжести с теми, которые ежедневно наносили на беспомощность своего пола, в служении своей наигранной и капризная хочет. Замечание может показаться резким, но имеющиеся у нас доказательства полностью подтверждают его — что, вероятно, ни в одном занятии — ни в типографиях Ланкашира, ни в торговле кружевами Ноттингема, ни на угольных шахтах Шотландии, ни в мастерских Уилленхолла, ни, тем более, на хлопчатобумажных фабриках Манчестера (о которых несколько лет назад так трогательно сокрушалась лондонская ярмарка моды) — нельзя встретить примеров жестокости, которые не "белеют в тени" тех, что практикуются каждую весну и осень. неопробованный и до сих пор почти неизвестный — в модных заведениях метрополии.

Следующие выдержки покажут, что мы не виновны в преувеличении.—(II, стр. 114-122.)

"622. Подсчитано, что в Лондоне в модистском и портняжном бизнесе работает по меньшей мере 1500 работодателей, и что число молодых людей, нанятых каждым работодателем, варьируется от двух или трех до двадцати пяти или тридцати пяти - в среднем в каждом заведении около десяти, что составляет в целом 15 000 человек; но это не включает подмастерьев, работающих в собственных домах, которых также великое множество.

"623. В некоторых из тех заведений, которые считаются наиболее регулируемыми, в течение модного сезона, занимающего около четырех месяцев в году, обычная продолжительность рабочего дня составляет пятнадцать часов, но в чрезвычайных ситуациях, которые часто повторяются, эти часы увеличиваются до восемнадцати. Во многих заведениях продолжительность рабочего дня в сезон не ограничена, молодые женщины никогда не получают больше шести часов, часто не более четырех, иногда только трех, а иногда и не более двух часов на отдых и сон из двадцати четырех; и очень часто они работают всю ночь.

"625. Мисс О'Нил, Уэлбек-стрит, работодатель, говорит— "В весенний сезон количество рабочих часов не ограничено. Обычные часы работы — с шести утра до двенадцати ночи, иногда с четырех утра до двенадцати. Сама часто работала с шести утра до двенадцати ночи в течение двух или трех месяцев подряд. Нет ничего необычного, особенно в пошиве одежды, в том, чтобы работать всю ночь; просто в "разгар сезона" работа иногда продолжается всю ночь три раза в неделю. Дважды в неделю работала всю ночь. В некоторых домах, которые заявляют, что следят за здоровьем своих молодых людей, они начинают в четыре утра и заканчивают в одиннадцать вечера, никогда раньше. Слышал, в Лондоне есть дома, которые работают по воскресеньям.

"628. Мисс ..., менеджер—"уже десять лет работает "из первых рук", что означает лицо, которое берет на себя руководство бизнесом, присматривает за молодыми людьми, отлынивает от работы и т. Д. Обычные часы работы - с восьми утра до одиннадцати вечера зимой; летом - с шести или половины седьмого утра до двенадцати ночи. Во время модного сезона, то есть с апреля по конец июля, часто случается, что обычные часы сильно превышаются: если предстоит устроить гостиную, или грандиозный праздник, или траур, часто бывает, что работа продолжается двадцать часов из двадцати четырех, иногда всюночь. Каждый сезон по крайней

мере в половине деловых заведений случается так, что молодые люди время от времени работают по двадцать часов из двадцати четырех, два или три раза в неделю. В особых случаях, таких как прием гостей, общие траурные мероприятия и очень часто свадебные заказы, нередко приходится работать всю ночь; сама она проработала двадцать часов из двадцати четырех в течение трех месяцев подряд; в то время она страдала от болезни, и фельдшер протестовал против лечения, которому она подвергалась. Он хотел, чтобы свидетельница оставалась в постели по крайней мере еще один день, на что работодатель возразил, потребовал, чтобы она встала, и отпустил хирурга. Часто случалось, что работа продолжалась до семи часов утра в воскресенье. Если нужно было выполнить какой-то конкретный заказ, например, на похороны или свадьбы, и они заканчивали работу в субботу вечером в одиннадцать, то работали все воскресенье; кажется, это происходило пятнадцать раз за два года. Из-за того, что они работали так допоздна в воскресенье утром, а иногда и весь этот день, они очень редко ходили в церковь; на самом деле об этом и подумать было нельзя, потому что они обычно отдыхали в постели".

"639. Правильность этих утверждений подтверждается, среди прочего, следующими медицинскими свидетельствами: — Сэр Джеймс Кларк, барт., врач королевы— "Я обнаружил, что образ жизни этих бедных девочек такой, какой никакая конституция не могла бы долго выносить. Работали с шести утра до двенадцати ночи, за исключением коротких перерывов на прием пищи, в тесных комнатах и проводили несколько часов, отведенных для отдыха, в еще более тесных и переполненных квартирах — едва ли можно было придумать образ жизни, более полно направленный на разрушение здоровья человека, и это в тот период жизни, когда физические упражнения на свежем воздухе и надлежащая доля отдыха необходимы для развития системы. Судя по тому, что я наблюдала и слышала, я с трудом верила, что система, принятая на наших мануфактурах с наихудшим регулированием, может быть настолько разрушительной для здоровья, как для жизни молодой портнихи".

"647. "Описанный выше длительный труд, - говоритзаместитель комиссара, - я полагаю, не имеет аналогов в истории производственных процессов. Я просмотрел значительную часть отчета Фабричной комиссии, и в отчетах о фабриках с наихудшим управлением нет ничего, что можно было бы сравнить с фактами, выявленными в ходе настоящего расследования. Джентльмены, которые в силу своего официального положения были достаточно компетентны, чтобы судить, также заявили в ответ на мои вопросы, что им неизвестно ни об одном случае, когда рабочее время было бы таким продолжительным, как указано выше".

"663. Об общем обращении и состоянии этих молодых людей подкомиссар сообщает: "Свидетельства всех сторон подтверждают тот факт, что в этой стране нет класса людей, живущих своим трудом, чье счастье, здоровье и жизни приносятся в жертву так бессовестно, как у молодых портних. Без преувеличения можно утверждать, что по сравнению с числом занятых нет профессий, за одним или двумя сомнительными исключениями, таких, как точение игловок, в которых вызывается столько болезней, сколько в портняжном деле, или которые представляют собой столь устрашающий перечень мучительных и часто смертельных заболеваний. Серьезным усугублением всего этого зла является то, что недоброжелательность работодателя очень часто заставляет этих молодых людей, когда им становится плохо, скрывать свою болезнь из страха быть высланными из дома; и таким образом, болезнь часто приобретает все большую тяжесть или даже становится неизлечимой. Некоторые директора школы

настолько жестоки, что возражают против получения молодыми женщинами медицинской помощи". — (№ 626.)

СНОСКИ:

[32] Однако справедливости ради следует отметить, что многие компетентные и наиболее респектабельные наблюдатели заявляют, что, хотя факты, изложенные Комиссарами, могут быть совершенно верными, тем не менее, тон и дух Доклада свидетельствуют о существенном преувеличении.

[33] Однако угольные шахты на востоке Шотландии являются исключением.

[34] Любопытно сравнить это с аналогичным сравнением, проведенным фабричными комиссарами и охватывающим более 1000 детей. — (Анализ показаний, представленных фабричным комиссарам, стр. 9.)

Умальчиков, не работающих на фабриках, средний рост был	55,56	дюйма, у
мальчиков на фабриках -	55,28	"
	-	
Разница,	0,28!	"
Девушки не на фабриках,	54,979	"
Девушки на фабриках,	54,951	"

Разница,	0,028!!	"

ГЛАВА XVIII.

"ЛОНДОН ГЛОУБ" ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ВЕСТ-ИНДИИ.

Мы находим следующее откровенное признание в "Глоуб" от 10 июля 1856 года:

"Наши собственные острова Вест-Индии быстро скатываются к первобытной дикости. Когда богатые земли Ямайки ежегодно покидаются, а на Тринидаде и в Гвиане возделывание почти прекратилось, маловероятно, что Англия захочет еще больше распространить свой суверенитет на тропическую территорию, которая может быть введена в эксплуатацию только с помощью системы, которая была торжественно осуждена ".

Теперь давайте внимательно изучим и установим, что такое осужденная система, что такое одобренная система, которая была в целом принята вместо нее, и почему эта система одобрена, а система свободных негров осуждена как неудачная.

Нет сомнения, что автор ссылается на систему домашнего рабства в целом как на осужденную систему; и особенно на то крепостное право или деревенщину, которые недавно преобладали, но теперь отменены по всей Западной Европе. Утверждая, что система рабства была осуждена,

и в то же время признавая провал эмансипации в Вест-Индии, он фактически утверждает, что освобождение виллиенов не было провалом. Он имеет в виду, что это не было неудачей, потому что освобожденные виллиены действительно работают: да, только вдвое усерднее и дольше, чем их предки, крепостные. Он имеет в виду, что это не неудача, потому что они не только работают усерднее и дольше, но и работают за половину зарплаты или надбавки своих раболепных предков. Он имеет в виду, что это не провал, потому что некогда хозяева, а теперь работодатели, получают свою рабочую силу за половину того, что стоило содержать их в качестве рабов. Он имеет в виду, что это не провал, потому что свободный труд в Англии более распространен и намного дешевле, чем рабский труд в Америке. Он имеет в виду, что это не провал, потому что работодатели, помимо получения более дешевой и многочисленной рабочей силы, освобождаются от всех забот и тревог, связанных с управлением и обеспечением своих работников в здравии и болезни, в старости и младенчестве. Короче говоря, он имеет в виду, что это не провал, потому что рабочие Англии сейчас и вполнину не так свободны, как до их мнимой эмансипации. Они потеряли все свои права, половину своей свободы (поскольку работают усерднее, чем раньше), а их бывшие хозяева были освобождены от всех своих юридических обязательств и ответственности. Нет — британская эмансипация не потерпела неудачу, если исходить исключительно из эгоистичных интересов класса собственников. А британская свобода, как мы покажем в другой главе, означает неограниченное право класса собственности угнетать класс трудящихся, не связанное с обязательством обеспечивать их. Но этот автор хорошо знал, что изучение влияния эмансипации на положение рабочего класса в Англии было жестоким и чудовищным провалом, от начала до конца. Они почти такие же дикие и невежественные, как негры Вест—Индии, ничего не знают о Библии и живут в состоянии постоянной нищеты, голода и непосильного труда из поколения в поколение - от младенчества до старости.

Освобождение Вест-Индии было ошибкой мошеннической филантропии. Людям говорили, что негры после эмансипации будут работать больше, за меньшую плату и станут в большей степени рабами, чем раньше, точно так же, как это произошло с эмансипированными англичанами. Но филантропии "не везет". При этом не учитывались или забывались немногочисленные потребности и ленивые привычки негров, обилие горных земель, плодородная почва, добровольные фрукты и мягкий климат Ямайки. Негрдействительно свободен и наслаждается ленью, невежеством и свободой, как никто, кроме негра, не может. Ошибка и провал состояли в том, что он был освобожден по-настоящему, а не номинально. *Hinc illæ lachrymæ!*

Какое гнусное лицемерие - проливать крокодиловы слезы по счастливому негру и хвастаться британской Свободой, которая ежедневно и ежечасно отнимает жизни у десяти миллионов ваших белых братьев и соседей из-за бедности, холода, зловонного воздуха и воды и откровенного голода!

Но эта система, унесшая в безвременные могилы триста тысяч ирландцев за один день, не была осуждена. Нет; это выгодно угнетателям и не будет осуждено.

Во всех странах, где собственностью владеют немногие, а население достаточно густое, рабочие, освобожденные от домашнего рабства, подвергаются эксплуатации навыков и капитала, что делает их менее свободными и во всех отношениях находящимися в худшем положении, чем до освобождения. Доказать эту великую истину - главная цель нашей

нынешней работы. Мы знаем, что философия этого предмета запутанна и запутанна и что у нас есть предрассудки, фанатизм и предубеждения мира, которым мы должны противостоять и завоевывать их. Поэтому мы прибегаем к частым повторениям и приводим многочисленные доказательства, примеры и иллюстрации.

ГЛАВА XIX.

ЗАЩИТА И МИЛОСЕРДИЕ К СЛАБЫМ.

Простая словесная формула часто отличает трюизм от парадокса. "Долг общества - защищать слабых"; но защита не может быть эффективной без власти контроля; следовательно, "Долг общества - поработать слабых". И это долг, который никогда не было невыполнено ни одним организованным и цивилизованным обществом. Родители, мужья, опекуны, учителя, комитеты и т.д. - всего лишь хозяева под другим именем, чья обязанность - защищать слабых и чье право - контролировать их. Чернокожие в Америке как положительно, так и относительно слабы. Положительно, потому что они слишком расточительны, чтобы откладывать деньги на случай болезни, смены времен года или старости. Относительно так, потому что они совершенно не равны белым, среди которых живут, в войне умов и свободной конкуренции, которую порождает всеобщая свобода и поощряет политическая экономия.

В старых странах белые рабочие относительно слабы, потому что вся собственность полностью присвоена, а класс капиталистов обладает средствами неограниченного угнетения. Все признают, что в таких странах бедные нуждаются в защите. Но не может быть эффективной защиты без порабощения того или иного рода. В Англии часто отмечали, что все законодательство в интересах бедных заимствовано из системы домашнего рабства.

Общественная и частная благотворительность - это фонд, созданный трудом трудолюбивых бедняков и слишком часто выделяемый праздным или расточительным. Она склонна усугублять зло, которое намеревается излечить.

Те, кто дает, должны иметь право контролировать, в некоторой степени, поведение и расходование объектов своей благотворительности. Только после этого они могут быть уверены, что их дары будут способствовать добру. Но такая власть контроля была бы рабством.

Могут ли аболиционисты решить эти социальные проблемы?

Честолюбие всегда считалось самым благородным из человеческих недостатков. Однако это вовсе не недостаток и не преступление. Честолюбие жаждет власти, а без власти не может быть безопасной, благоразумной и активной благотворительности. Эгоистичные, ленивые и робкие люди лишены честолюбия и избегают власти из-за проблем, расходов и ответственности, которые она налагает. Активно добродетельные люди всегда амбициозны и желают обладать властью, чтобы они могли в какой-то мере контролировать поведение тех, кому они желают принести пользу.

Лучшее, что может сделать филантроп, — это купить рабов, потому что тогда его сила контроля будет наибольшей - его способность творить практическое добро, наиболее совершенной.

Мы пользуемся случаем, чтобы исправить ошибку, в которую мы впали относительно северного характера. Благожелательность, привязанность, щедрость и филантропия одинаково распространены на Севере и Юге; и различаются только способами их проявления. Мы - один народ.

Ежедневное и ежечасное проявление этих качеств проявляется на Юге, потому что так их проявлять безопасно, благоразумно и целесообразно. На Севере верно обратное: и все же "изгоните Природу, и она вернется снова". Человек общителен и филантропичен, и его привязанности, сдерживаемые в одном направлении, находят выход в другом. Жители Севера гораздо более щедры в пожертвованиях общественным благотворительным организациям и другим общественным институтам, чем мы. Это исправление нашей ошибки не влияет на наши теории — если это правда, что вы можете безопасно проявлять милосердие только к иждивенцам, которых вы можете контролировать. Но если это повлияло или влияет на них, нейтрализуя и ниспровергая, то это связано с правдой, и если мы продвигаем дело истины, мы готовы пожертвовать всем остальным.

"Наше путешествие на Север" вызвало сомнения относительно нашей оценки характера северян; а последующие наблюдения, чтение и размышления привели нас к выводу, который мы теперь с удовольствием признаем. Мы предпочли бы быть правыми, чем последовательными.

ГЛАВА XX.

СЕМЬЯ.

Вся современная философия сводится к одному пункту — свержению всех правительств, замене неограниченного "Суверенитета личности" Суверенитетом Общества и наступлению анархии. Сначала должно быть уничтожено домашнее рабство, затем религиозные институты, затем раздельная собственность, затем политическое правление и, наконец, семейное правление и семейные отношения. Это отчетливо признанная программа всех способных аболиционистов и социалистов, и к этой цели стремятся доктрины и практика самых слабых и робких из них. Прудон и французские социалисты в целом признают эту цель во Франции, а Стивен Перл Эндрюс вторит ей из Америки. Более многочисленный и робкий класс представлен мистером Грили и "Трибюн", которые не стали бы "сразу бросаться", подобно французским революционерам, "со взрывной силой побега, прямо в яблочко своей окончательной судьбы", но создали бы социальные условия, которые постепенно привели бы к этому результату. Мистер Грили не предлагает сразу покончить с браком, религией, частной собственностью, политическим управлением и родительской властью, но принимает философию и практику Фурье, которые обещают постепенно очистить человеческую природу и за несколько поколений подготовить ее к тому социальному тысячелетию, в которое более смелый и последовательный Эндрюс призывает общество немедленно погрузиться.

Христианские социалисты прекрасно и энергично сотрудничают с неверными социалистами и аболиционистами, чтобы приблизить это тысячелетие. Они также делятся на две партии.

Первый положился бы на Провидение — только немного помог бы ему, как мистер Грили, — и позволил бы нашему бедному старому изнеженному миру прекратить свое существование путем мягкой эвтаназии. Другая, более смелая партия, чувствует себя "призванной" в качестве особого инструмента, чтобы сразу нанести удар по старому миру и возвестить о наступлении нового золотого века, свободной любви и свободных земель, свободных женщин и свободных негров, свободных детей и свободных мужчин.

Нам нравятся северные социалисты—теоретики-аболиционисты - почитайте их речи, эссе, лекции и книги, потому что они согласны с нами в том, что их собственная форма общества - обман и провал; и в своих усилиях, спекуляциях и схемах по его реорганизации они представляют собой самый прекрасный, совершенный и завершенный образец доведения до абсурда. Лекция мистера Эндрюса о безвластии, притон кровосмешения в Онейде, фаланстерия Грили или нью-йоркский салун свободной любви представляют собой одинаково убедительные примеры такого способа демонстрации абсолютных истин, которые они демонстрируют, и столь же убедительные доказательства естественности и необходимости рабства, поскольку подобные ужасные злоупотребления повсеместно одобряются и практикуются свободным обществом. Поскольку все наши мысли, аргументы, доказательства и демонстрации предложены аболиционистами или заимствованы у них, нам кажется, что мы должны посвятить себя им. "Трибюн" очень правильно заметила, что наша социология была первой попыткой подобного рода на Юге. В ней также жестоко высмеивалось наше невежество. Он должен был помнить, что если бы не было болезней, не было бы и врачей. Мы заверяем Tribune, что для южанина мы в этих вопросах настоящие гении. У нас нет социальных болезней, и, следовательно, нет социальных врачей, которые писали бы о них или лечили их. Такие болезни были редкостью: ведь Аристотель жаловался, что нет терминов, чтобы выразить отношения мужа и жены, или родителя и ребенка. Эти отношения до сих пор так гладко функционировали в рабовладельческом обществе, что мы, пишущие, ощущаем ту же нехватку языка, на которую жаловался Аристотель более двух тысяч лет назад. Вам следовало бы изобрести такие термины на Севере, если это правда, поскольку мистер Эндрюс утверждает курсивом, что есть десять беглецов от брака на Севере к одному из рабства на Юге — из чего он, кажется, делает очень логичный вывод, что необходимость отмены семьи на Севере в десять раз больше, чем необходимость отмены рабства на Юге. Он и вы - эксперты, и мы знаем, что с нашей стороны самонадеянно оспаривать то, что вы говорите о вашем собственном обществе. Тем не менее, мы категорически против ваших фаланстерств и его любовных салонов. Джентльмены и ученые, как правило, на Юге, были бы застигнуты за изучением или практикой черного искусства с таким же успехом, как за чтением Оуэна или Фурье или за построением фаланстерских рядов. Что касается нас самих, то, подобно Бастарду из "Короля Иоанна", мы учимся этим вещам: "не обманывать, а избегать обмана". У нас есть целые папки документов о неверных и отмене смертной казни, таких как "Трибюн", "Освободитель" и "Исследователь". Фанни Райт, Проповедница дьявола и Священник Дьявола, Том Пейн, Оуэн, Вольтер и другие люди - наши ежедневные спутники. Добрые люди обходят наш офис стороной, когда проходят мимо него, и даже куры, которые слоняются вокруг него, заразились нарушением Прав женщин, поскольку всего несколько дней назад мы видели шанхайского петуха с выводком из двадцати цыплят под карнизом, в то время как мадам Хен расхаживала с такой же развязностью, как любая Цветущая или мудрая женщина Севера.

Любовь и почитание семьи - это для нас не только принцип, но, вероятно, предрассудок и слабость. Мы никогда не покидали семейный кров на две недели, пока не достигли среднего

возраста, и теперь, когда наш возраст насчитывает почти полвека, мы никогда не покидали дом с интервалом в два месяца. И наше чтение истории, а также наши жизненные привычки, возможно, неподготовили нас к тому, чтобы оценить коммунистические теории Фанни Райт, Оуэна и мистера Грили. Пытаясь оправдать пути Бога и Природы в противовес прогрессивности черного республиканизма в Америке и Красного республиканизма в Европе, мы хотели бы предупредить читателя, что являемся предвзятыми свидетелями. Мы - восторженные поклонники социальных отношений, представленных в историях Авраама, Исаака и Иакова. Социальные отношения, установленные во Второзаконии и 25-й главе книги Левит и практикуемые евреями по сей день, вызывают наше искреннее восхищение и одобрение. Моисей для нас - Глава законодателей, а двадцать пятая книга Левит - лучшая политическая платформа. Чистота семьи, по-видимому, является его первостепенной целью.

Гомер тоже, особенно в своей "Одиссее", очаровывает и приковывает нас своими прекрасными описаниями семейного счастья и семейной чистоты. По мере того как завоевания и торговля приносили богатство и развращали мораль и манеры, семья была развращена и разрушена, как это происходит сейчас в самых торговых точках Севера. Но стоит нам только перенестись в Италию, и там, с самых ранних дней традиции до угасания свободы, начатого Суллой и Марием и закончившегося Августом, мы обнаруживаем, что семья - это чистое, святое явление. С той эпохи, пока на Юге не возникло рабство, семья так и не восстановила свое достоинство и значимость. Феодализм сделал кое-что, чтобы исправить распущенную мораль эпохи Августа, но он перенял колониальное рабство, ослабил семейные узы и никогда не соединял в достаточно тесной связи и подчинении материалы, которые, по велению природы, должны формировать человеческий улей или социальный круг.

Аристотель досконально понимал этот предмет; и, по-видимому, в его время он был в целом настолько хорошо понят, что он не утруждает себя его объяснением. Он начинает свой трактат о политике и экономике с семьи и сначала рассуждает о рабах как о части семьи. Он предполагает, что социальная жизнь так же естественна для человека, как для пчел и стад; и что семья, включающая мужа, жену, детей и рабов, является первым и наиболее естественным проявлением этой социальной природы. Поскольку государства состоят из семей, а прочное целое не может быть сформировано из прогнивших частей, он посвящает большую часть своего трактата семейному воспитанию и управлению. Хотелось бы, чтобы современные государственные деятели, философы и политики стали практичными, как Аристотель, и не пытались строить социальные и политические здания до тех пор, пока не будут уверены в прочности материалов, из которых они будут их строить. Поскольку все люди большую часть своей жизни проводят в семьях, крайне важно, чтобы они обращались к мудрому устройству этого древнего и универсального института.

Мы хотим доказать, что великое движение в обществе, известное под разными названиями, такими как коммунизм, социализм, аболиционизм, Красный республиканизм и Черный республиканизм, преследует одну общую цель: свержение всех законов и правительств и установление анархии, и что разрушение семьи является одним из средств, с помощью которых все они соглашались для достижения общей цели. Мы будем цитировать только Стивена Перла Эндрюса, потому что он, безусловно, самый способный и лучше всех информированный из американских социалистов и реформаторов, и потому что он приводит факты и авторитетные источники, чтобы показать, что он действительно представляет текущую мысль и общее намерение. Мистер Эндрюс - джентльмен из Массачусетса, который жил на Юге. Он был

лектором по отмене смертной казни. Он ученик Уоррена, который является учеником Оуэна из Ланарка и Новой Гармонии. Оуэн и Уоррен - Сократ и Платон, а он - Великий стигариец, настолько же превосходящий их, насколько Аристотель превзошел Сократа и Платона. Но мы полагаемся не только на его теории; он приводит исторические факты, которые показывают, что тенденция и конечная цель любого упразднения сводятся к суверенитету личности, распаду семей и отсутствию правительства. Он прочитал серию лекций для элиты Нью-Йорка на эту тему, которые вызвали одобрение, и из которых мы приведем цитату. Он основал или помогал создавать Деревни Свободной любви и возглавлял Салун Свободной любви в городе Нью-Йорк, которому покровительствовали и одобряли "Высшие классы". Он, несомненно, философ и истинный представитель Северного аболиционизма. С этим утверждением, которое, как мы думаем, никто из читавших его "Науку об обществе" не станет отрицать, мы переходим к цитированию его умелых и прекрасных лекций, воплощенных в публикации под названием "Наука об обществе". Наша первая цитата взята из его первой лекции и первой главы его работы:

Несомненно, каждая эпоха примечательна для тех, кто в ней живет. Когда в человеческих делах больше всего царит неподвижность, движения все еще достаточно, чтобы приковать к себе внимание и даже вызвать удивление у тех, кто находится непосредственно в непосредственной близости от него. Однако этого естественного предубеждения в пользу периода, с которым нам больше всего приходится иметь дело, ни в коем случае недостаточно для объяснения растущего во всех умах убеждения в том, что нынешняя эпоха представляет собой заметный переход от старого порядка вещей к новому. Рассеянные лучи серого рассвета новой эры действительно появились еще при жизни нынешнего поколения. Первой полосой света, пробившейся сквозь густую тьму старогорезима, было провозглашение Мартином Лютером права на личное суждение в вопросах совести. Следующим, наводившим ужас на старый свет как новое предзнаменование надвигающихся революций, было отрицание Хэмпденом, Сиднеем, Кромвелем и другими божественного права королей и утверждение неотъемлемых политических прав самих людей. За этим последовала Американская декларация независимости, установление могущественной Демократической республики в западном мире на основе этого принципа, за которой последовали Французская революция, господство террора, ответные действия и очевидная смерть демократической идеи в Европе. Наконец, в наши дни наступает красное зарево Французского социализма, на которое мир все еще смотрит с неуверенностью, является ли это каким—то зловещим и стремительным предзнаменованием страшных событий, или же это не настоящий восход Солнца Праведности с исцелением в Его лучах; ибо есть те, кто глубоко и религиозно верит, что решением социальной проблемы будет фактическое нисхождение Нового Иерусалима - установление Царства Небесного на земле.

Таким образом, сначала в религиозных, затем в политических и, наконец, в социальных отношениях людей были выдвинуты новые доктрины, которые полны обещаний для тех, кто полон надежд, и полны тревоги для робких и консервативных. Это различие знаменует собой самое широкое разделение в рядах человечества. В церкви, государстве и общественной жизни настоящими партиями являются прогрессисты и регрессионисты — те, чьи самые блестящие фантазии связаны с будущим, и те, чьи самые приятные воспоминания связывают их нежными ассоциациями с прошлым. Католик и протестант, виги и демократ, антисоциалист и

социалистка - вот термины, которые по своему происхождению соответствуют этому общему делению; но как только происходит новая классификация, сформированные таким образом партии снова подразделяются, с обеих сторон, по всепроникающей тенденции, с одной стороны, к свободе, идентификации и прогрессу, и к закону, порядку и неподвижности - с другой.

До сих пор борьба между консерватизмом и прогрессом казалась сомнительной. Победа поочередно касалась знамени тех и других. Наконец сомкнутые ряды консерватизма дрогнули. Так называемая реформа, по общему признанию, становится более могущественной, чем ее антагонист. С бледных губ неохотно срывается признание, что революции - политические, социальные и религиозные — составляют программу грядущей эпохи. Реформа, так называемая, во благо или в горе, но все же реформа, должна править временем. Старые общественные устои отжили свой век. Ни одна истина не является сейчас более универсальной для умов людей, чем та, что была сформулирована Карлейлем: "Должен быть новый мир, если вообще должен существовать какой-либо мир. То, что человеческие дела в нашей Европе могут когда-нибудь вернуться к старой печальной рутине и протекать там с какой-либо устойчивостью или постоянством, - эта маленькая надежда сейчас не является надежной. Эти дни всеобщей смерти должны стать днями всеобщего нового рождения, если разрушение не должно быть полным и окончательным! Настало время заставить самого тупого человека задуматься и спросить себя, откуда он пришел? Куда он направляется? Настоящая "Новая эра" как для глупых, так и для мудрых". Такое положение вещей не ограничивается Европой. Волнения в Америке, возможно, более мирные, но они не менее глубоки. Основы старых верований и привычек мышления рушатся. Старые гарантии порядка быстро исчезают. Настоящая "новая эра" для нас тоже столь же надвигается и неизбежна.

Это все для того, чтобы показать широту и размах социальной революции, которую рассматривают как деструктивисты, так и консерваторы; ибо м-р Карлайл похож на нас и считает, что обществу нужно больше правительства, которое все портит, а не расслабляет. Он тоже социалист, но консервативный социалист. Он утверждает, как и мистер Эндрюс, что общество потерпело крах, но предлагает другой способ восстановления. В тот самый момент, когда мы в Америке объявляли о крахе Свободного общества, он в Европе провозгласил "Последний день" этого Общества. Это был всего лишь другой способ выражения той же мысли. Теперь мы покажем на примере той же лекции мистера Эндрюса, что уничтожение Семьи является частью программы Упразднения. На странице 31 в этой же лекции он говорит:

Любое проявление совести и любое проявление поведения в отношении именно этого предмета любви уже терпимо среди нас. На одной чаше весов стоят Шейкеры, которые вообще отвергают связь полов. На другом конце стоит ассоциация перфекционистов в Онейде, которые придерживаются, практикуют и оправдывают Священными Писаниями как религиозную догму то, что они называют сложным браком или свободой любви. У нас в этом штате действуют строгие законы против супружеской неверности и блуда; но в Америке законы такого рода бессильны перед всепроникающими настроениями протестантизма, который отстаивает свободу совести для всех людей и во всем, при условии, что последствия падают на самих участников. Следовательно, перфекционисты Онейды живут спокойно и пользуются уважением в сердце штата Нью-Йорк и перед лицом всего мира; и гражданское правительство, верное

демократическому принципу, который является тем же принципом только в другом применении, мало озабочено вмешательством в это нарушение своих собственных постановлений, при условии, что они не возлагают ответственность за свое поведение на тех, кто не соглашается нести их.

И на странице 33 он говорит:

Однако в целом правительство по-прежнему вмешивается в брак и родительские отношения. Демократия в Америке всегда развивалась с должным учетом девиза благоразумия -*festina lente*. Во Франции во время первой революции демократия устремилась со взрывной силой, вырвавшись из многовекового сжатия, прямо в яблочко своей окончательной судьбы, от которой она отшатнулась с такой силой, что глупый мир в течение полувека мечтал, что жизненный принцип демократии мертв. Логически вытекая из демократических принципов, юридическая обязанность брака была отменена, и был подтвержден Суверенитет Личности над институтом.

Страница 42:

Я также должен извиниться как за неполноту, так и за очевидный догматизм любого краткого изложения этого предмета. Я утверждаю, что это не только возможно и рационально вероятно, но и что это строго вытекает из правильного понимания устройства человека, что всякое правительство в смысле принудительного ограничения Личности или, по существу, всего, должно в конце концов прекратиться, а вместе с ним и вся сложная атрибутика и ширма королей, Императоров, президентов, законодательных органов и судебной власти. Я утверждаю, что признаков этого результата предостаточно в существующем обществе, и что именно инстинктивное или разумное восприятие этого факта теми, кто не рассчитывал на столь многое, дает начало и жизненную энергию реакции в церкви, государстве и социальной жизни. Я утверждаю, что сегодня от теории и практики правления, как в этих Соединенных Штатах, до полного упразднения всякого правительства, стоящего выше Индивидуального, расстояние меньше, чем назад от теории и практики правления, как сейчас в деспотических странах старого света.

Таким образом, читатель увидит, что отмена смертной казни предполагает полное ниспровержение Семьи и всех других существующих социальных, моральных, религиозных и правительственных институтов. Мы цитируем мистера Эндрюса, потому что он "лонго интервалло", самый способный философ отмены рабства. Потребовалось бы много томов, чтобы отобразить и разоблачить мнения всех приверженцев Новой философии. Но каждый человек, который честно возьмется за поиск истины, на каждом шагу будет обнаруживать, что мы ничего не исказили и не преувеличили. Семья находится под угрозой, и все мужчины Севера или Юга, которые любят и почитают ее, должны встать и действовать.

ГЛАВА XXI.

РАБСТВО НЕГРОВ.

До тех пор, пока земли Америки не будут захвачены немногими, население не станет плотным, конкуренция между рабочими активной, занятость неопределенной, а заработная плата низкой, личная свобода всех белых будет оставаться благословением. У нас обширные незаселенные территории; население может перестать увеличиваться или увеличиваться медленно, как в большинстве стран, и может пройти много столетий, прежде чем будет практически поставлен вопрос, предпочтительнее ли рабство у капитала рабству у людей-хозяев. Но у негра нет ни энергии, ни предприимчивости, и даже среди нашего немногочисленного населения он, с его расточительными привычками, обнаруживает, что его свобода - проклятие для него самого и еще большее проклятие для общества вокруг него. Эти соображения и другие, столь же очевидные, побудили Юг попытаться защитить рабство негров как исключительный институт, признавая, нет, утверждая, что рабство, в целом или абстрактно, является морально неправильным и противоречит общему праву. С поразительной непоследовательностью, сделав это признание, которое отвергает авторитет Библии, светской истории и почти универсальной практики человечества, они поворачиваются и пытаются поддержать причину негритянского рабства этими самыми взорванными авторитетами. Если мы не хотим отвергать всю божественную и почти всю человеческую власть в пользу рабства, мы должны отстаивать этот институт абстрактно.

Настаивать на том, что статус общества, который был почти универсальным и который прямо и постоянно оправдывается Священным Писанием, является его естественным, нормальным и необходимым статусом при обычных обстоятельствах, на первый взгляд правдоподобно. Настаивать на меньшем - значит уступить нашему делу и отказаться от нашей религии; ибо если белое рабство является морально неправильным, нарушением естественных прав, Библия не может быть истинной. Человеческая и божественная власти, по-видимому, в целом сходятся во мнении о целесообразности наличия хозяев и рабов разных рас. Номинальное рабство евреев друг у друга, по своему временному характеру и, без сомнения, по своей мягкости, больше напоминало нашу опеку и ученичество, чем обычное домашнее рабство. В очень многих странах древности и в некоторых современных закон разрешал коренным гражданам становиться рабами друг друга. Но немногие пользуются преимуществами таких законов; и редкость подобной практики подтверждает общую истину о том, что хозяин и раб должны иметь разное национальное происхождение. В некоторых отношениях, чем больше разница, тем лучше, так как раб будет чувствовать себя менее униженным своим положением. В других отношениях, возможно, слишком большая разница ожесточает сердца и ожесточает чувства как господина, так и раба. Цивилизованный человек ненавидит дикаря, и дикарь отвечает ему взаимностью с лихвой. Следовательно, вест-индское рабство недавно пойманных негров не является очень гуманным, ласковым или цивилизующим институтом. Негры Вирджинии стали нравственными и умными. Они любят своего хозяина и его семью, и их привязанность взаимна. И все же нам больше нравятся ленивые, но умные домашние слуги, чем измотанные, но глупые подручные; и нам больше нравятся мулаты, чем негры; и все же негры, как правило, более любящие, довольные и верные.

Мир в целом смотрит на рабство негров как на худшую форму рабства, потому что он знаком только с рабством в Вест-Индии. Отмена рабства никогда не возникала, пока не было введено

рабство негров; и сейчас отмена направлена только против рабства негров. Нет никакого благотворительного крестового похода, пытающегося освободить белых рабов Восточной Европы и Азии. Таким образом, мир подготовлен к защите рабства абстрактно - он настроен только против рабства негров. Эти предрассудки были по своему происхождению вполне обоснованными. Работоторговли, ужасов Среднего пролива и рабства в Вест-Индии было достаточно, чтобы пробудить самую вялую филантропию.

Но рабство на Юге стало благотворным и защищающим институтом, и наши негры, по общему признанию, живут лучше, чем любое свободное трудящееся население в мире.

Как мы можем утверждать, что белое рабство - это неправильно, в то время как все огромное количество свободных работников голодает, а рабы, белые или черные, по всему миру наслаждаются комфортом?

Мы пишем во имя Истины и человечности и не будем выступать в роли защитников господина или раба.

Отвращение к неграм, расовая антипатия, гораздо сильнее на Севере, чем на Юге; и весьма вероятно, что эта антипатия к личности негра смешивается с ненавистью к институту, с которым он обычно связан, или порождает ее. Ненависть к рабству, как правило, немногим больше ненависти к неграм.

Есть один веский аргумент в пользу рабства негров по сравнению со всеми другими видами рабства: он, будучи непригодным к механическому искусству, торговле и любым другим искусным занятиям, предоставляет этим занятиям заниматься белым; и это не портит репутацию всей промышленности, как в Греции и Риме, где рабами были не только художники и механики, но и торговцы.

Хотя, как общий и абстрактный вопрос, негритянское рабство не имеет других претензий по сравнению с другими формами рабства, за исключением того, что из-за неполноценности или, скорее, культуры расы почти все негры нуждаются в хозяевах, в то время как среди белых только дети, женщины, очень слабые, бедные и невежественные и т.д. Нуждаются в некотором защитном и управляющем отношении такого рода; тем не менее, как предмет временного, но всемирно важного значения, негритянское рабство стало самым необходимым из всех человеческих институтов.

Торговля африканскими рабынями в Америку началась три с половиной столетия назад. Ко времени Американской революции предложение рабов превысило спрос на рабский труд, и рабовладельцы, чтобы избавиться от бремени и предотвратить рост неприятностей, стали яростными противниками работоторговли, и многие из них были аболиционистами. Новая Англия, Бристоль и Ливерпуль, которые получали прибыль от этой торговли, не страдая от неудобств, долгое время выступали против ее отмены. Наконец, были приняты законы и договоры, а также снаряжен флот для их отмены; и через некоторое время рабы большей части Южной Америки, Вест-Индии и Мексики были освобождены. Тем временем хлопок, рис, сахар, кофе, табак и другие продукты рабского труда вошли во всеобщее употребление как предметы первой необходимости. Население Западной Европы, поддерживаемое и стимулируемое этими продуктами, утроилось, а население Севера увеличилось в десять раз. Продукты рабского труда стали дефицитными и дорогими, а голод участился. Теперь очевидно, что эмансипировать всех негров означало бы уморить голодом Западную Европу и наш Север. Отказ от расширения и

умножения негритянского рабства, *pari passu*, с расширением и умножением свободного общества, приведет к большим страданиям. Если бы вся Южная Америка, Мексика, Вест-Индия и наш Союз к югу от линии Мейсона и Диксона, от рек Огайо и Миссури, были рабовладельческими, продукты рабства были бы в изобилии и дешевы в свободном обществе, а рынок сбыта их товаров, мануфактур, коммерции и т. Д. - безграничным. Свободные белые рабочие могли бы жить в комфорте и роскоши на легкой работе, если бы не требовательные и жадные землевладельцы, боссы и другие капиталисты.

Мы должны признаться, что, как бы вы ни насыщали мир удобствами и роскошью, мы не видим, как заставить капитал ослабить свою монополию — как сделать что-либо, кроме как дразнить наемников. Капитал, безответственный капитал, порождает и всегда будет порождать "немедикабельный вулкан" так называемого Свободного общества. Он проникает во все уголки домашней жизни, заражает ее пищу, одежду, питье, саму атмосферу и преследует наемника от лачуги до богадельни, тюрьмы и могилы. Делай, что он хочет, иди, куда он хочет, капитал преследует и преследовать его. "Hæret lateri lethalis arundo!"

Капитал поддерживает и защищает домашнего раба; облагает налогами, угнетает и преследует свободного работника.

ГЛАВА XXII.

СИЛА СЛАБОСТИ.

Перед нами простирается неизведанный моральный мир, который приглашает нас к исследованию; но ни наше время, ни наши способности, ни характер нашей работы не позволят нам сделать больше, чем просто взглянуть на его красоту.

Однако приятно отвернуться от мира политической экономии, в котором "сильный творит добро", а сила духа и тела используется для угнетения и взыскания со слабых, к тому другому, лучшему и гораздо более многочисленному миру, в котором правит слабость, облаченная в броню привязанности и благожелательности. Восхитительно удалиться от внешнего мира с его соревнованиями, соперничеством, завистью, ревнивостью и эгоистичной войной умов в лоно семьи, где единственным тираном является младенец - величайший раб и хозяин дома. Вы сразу чувствуете, что сменили острую атмосферу эгоизма на мягкую атмосферу доброжелательности. Каждый предпочитает благо других своему собственному и находит наибольшее счастье в том, чтобы жертвовать эгоистичными удовольствиями и служить удовольствиям других. Жена, муж, родитель, ребенок, сын, брат и сестра обычно действуют по отношению друг к другу в соответствии с принципами Священных Писаний. Младенец в своем капризном господстве над матерью, отцом, братьями и сестрами проявляет в самых ярких красках "силу слабости", силу привязанности. Отец более заботливо заботится о жене и дочерях, чем о сыновьях, потому что они слабее и вызывают больше его привязанности.

Зависимые, в силу своей зависимости, осуществляют такой же контроль над своими начальниками во многих вещах, какой эти начальники осуществляют над ними. Таким образом, и только таким образом, могут быть уравнены условия. Это представляет собой практическое

равенство прав, обеспечиваемое не человеческим, а божественным законом. Наши сердца обливаются кровью при разграблении птичьего гнезда; а маленькие птички, поскольку они слабы, подавляют нашу силу и требуют нашей заботы. Мы любим и лелеем розу и сочувствуем лилии, которую какой-то распутный мальчишка помял и сломал. Наш верный пес разделяет наши чувства, и мы будем рисковать нашими жизнями, чтобы исправить несправедливость, причиненную ему.

Не все мужчины эгоистичны. "Сила не всегда творит добро". В семейном кругу преобладает закон любви, а не закон эгоизма.

Но, помимо жены и детей, братья и сестры, собаки, лошади, птицы и цветы—рабы также принадлежат к семейному кругу. Неужели их обычная человечность, их крайняя слабость и зависимость, их великая ценность, их забота о наших нуждах в детстве, возмужании, болезни и старости лишают их той привязанности, которую вызывает все остальное в семье? Нет; интересы господина и раба связаны друг с другом, и каждый в своей соответствующей сфере, естественно, стремится способствовать счастью другого.

Смиренный и послушный раб осуществляет больший или меньший контроль над самым жестоким и бессердечным хозяином. Неизменный закон природы состоит в том, что слабость и зависимость являются элементами силы и, как правило, в достаточной степени ограничивают этот всеобщий деспотизм, наблюдаемый во всей природе человека и животных. Моральный и физический мир - это всего лишь последовательность подчинений, и чем совершеннее подчинение, тем больше гармонии и счастья. Низшие и высшие действуют и реагируют друг на друга через агентства и средства массовой информации, слишком тонкие для человеческих представлений; и все же, рассчитывая на обычные результаты, человек должен быть готов предоставить Богу то, что только Бог может регулировать. Человеческий закон не может породить благожелательность, привязанность, материнскую и отцовскую любовь; он также не может заменить их; но он может, нарушая обычные отношения человеческих существ, остановить и нарушить течение этих более тонких чувств нашей природы. Она может отменить рабство, но она никогда не сможет создать между капиталистом и рабочим, между работодателем и нанятым добрые и нежные отношения, которые обычно существуют между хозяином и рабом.

ГЛАВА XXIII.

Деньги.

Со времен Платона и Ликурга до наших дней социальные реформаторы стремились ограничить или запретить использование денег. Мы не сомневаемся, что его умеренное употребление необходимо для цивилизации и способствует человеческому счастью и благополучию - и мы так же мало сомневаемся в том, что его чрезмерное употребление является самой мощной из всех причин неравенства условий жизни людей, чрезмерного богатства и роскоши у немногих и великой нищеты и страданий у многих, а также общей изнеженности и разложения нравов. Деньги - это великое оружие в свободном, равном и конкурентном обществе, которое навыки и

капитал используют в войне умов, чтобы эксплуатировать и угнетать бедных, непредусмотрительных и слабоумных. Его пагубные последствия значительно усугубляются кредитными и банковскими системами, а также средствами связи и передвижения, которыми сегодня обладает мир. Каждая сделка или обмен - это более или менее враждебное столкновение умов. Деньги значительно увеличивают количество сделок и обменов и, таким образом, вовлекают общество если не в войну, то, по крайней мере, в недружественные столкновения. В семье деньги не используются между ее членами. Там, где в семье есть рабы, совокупное использование денег сильно ограничено. Это дает нам еще один аргумент в доказательство того, что христианская мораль в значительной степени осуществима в рабовладельческом обществе — и неосуществима в свободном обществе.

Социалисты заимствовали эту идею отказа от денег или ограничения их использования из Спарты и других древних государств; и к тем же источникам можно отнести почти все их планы социального улучшения. Платон в своей философии заимствовал из этих источников, а последующие социалисты заимствовали у него. Мы прилагаем интересную статью на тему денег из "Утопии" сэра Томаса Мура:

УТОПИЯ, ИЛИ СЧАСТЛИВАЯ РЕСПУБЛИКА.

Следовательно, я должен сказать, что, поскольку я надеюсь на милосердие, я не могу иметь никакого другого представления обо всех правительствах, которые я вижу или знаю, кроме того, что они представляют собой заговор более богатых людей, которые под предлогом управления обществом преследуют только свои частные цели и изобретают все способы и уловки, которые они могут найти; во-первых, чтобы они могли без опасности сохранить все, что они приобрели таким дурным путем, а затем, чтобы они могли нанимать первых, чтобы они трудились на них по как можно более низким ставкам и угнетали их столько, сколько им заблагорассудится; и если они могут если они могут только добиться установления этих изобретений государственной властью, которая считается представителем всего народа, тогда они считаются законами; и все же эти нечестивые люди, после того как они из-за самой ненасытной алчности разделили между собой то, чем могли бы быть хорошо обеспечены все остальные, далеки от того счастья, которым наслаждаются утописты; *что касается пользы для нас, поскольку желание денег угасает*, это лишает их многих тревог и поводов для большого зла. И кто не видит, что мошенничество, кражи, грабежи, ссоры, волнения, раздоры, мятежи, убийства, предательства и колдовство, которые на самом деле скорее караются, чем ограничиваются строгостью закона, прекратились бы, если бы деньги больше не ценились в мире. Их страхи, беспокойства, заботы, труды и наблюдения исчезли бы в тот же момент, когда упала бы стоимость денег".

ГЛАВА XXIV.

ГЕРРИТ СМИТ О ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЕ И УИЛЬЯМ ЛОЙД ГАРРИСОН О НЕВЛАСТИИ.

В течение прошлой недели мы получили "*Земельный реформатор*", аграрную газету, только что вышедшую в Нью-Йорке, в которой мы уверены, что узнаем перо Геррита Смита, лидера

аболиционистов Нью-Йорка; а также номер "Освободителя", в котором мистер Гаррисон, лидер аболиционистов Новой Англии, излагает свои доктрины отсутствия правительства.

Привлекая внимание Севера и Юга к мнениям, открыто и активно пропагандируемым такими выдающимися людьми, которые находятся в противоречии со всеми существующими институтами, мы оказываем равную услугу всем слоям нашей общей страны.

Мистер Смит говорит:

"Почему бы не разрушить эту монополию? Потому что, говорит возражающий, переданные права запрещают это. Но не может быть переданных прав против первоначальных и естественных прав. Никакие притязания части человеческой семьи на землю в то время как земля не может быть действительной против притязаний всей человеческой семьи на нее. Никакая передача бумаг или пергаментов прежним поколениям не может лишить прав нынешнее поколение. Никакие сделки и никакие условные титулы не могут сравниться в справедливости с великими титулами, посредством которых Природа дарует и передает себя каждому поколению, появляющемуся на земле; и посредством которых она делает живых (просто потому, что они живые, а вовсе не из-за их отношения к мертвым) равноправными владельцами своей почвы и морей, своего света и воздуха. Никаких договоренностей, посредством которых шести тысячам человек, монополизировавшим земли Ирландии, не должно быть позволено отнять у шести миллионов право собственности на нее. Если естественное и неотъемлемое право целого не имеет первостепенного значения по сравнению с тем, что, как утверждают, приобрели части, то *шесть миллионов рожденных в мире являются нарушителями границ*; и тогда Создатель обвиняется в недостатке мудрости и доброты. Если справедливо, что масса людей удерживает свое положение на земле простым терпением или на условиях, продиктованных их собратьями, то разве это не правда, что Бог - Беспристрастный Отец, ибо тогда неправда, что он дал землю всем своим детям, а только избранным".

Мы тоже считаем Свободное общество очень плохой вещью и решительным провалом, но и вполнину не таким плохим, как это рисует мистер Смит. В Ирландии существует система богаделен, которая в какой-то степени признает доктрину о том, что все люди имеют право жить на земле и получать от нее поддержку. На практике система не всегда работает хорошо; тем не менее, мы уверены, что она работает намного лучше для всех сторон, чем аграрный план мистера Смита.

Но рабство, как на практике, так и в теории, признает и обеспечивает соблюдение права всех на комфортное существование на почве. Повторяем, в Европе не было пауперизма до тех пор, пока не было отменено феодальное рабство.

Действительно, будет странно, если избиратели в Нью-Йорке, большинство из которых не владеют землей, не поверят мистеру Смику на слово и не заявят о своих превосходящих правах, согласно его Высшему Закону и "Фундаментальным принципам", на всю землю. Это краткий и остроумный силлогизм на этот счет: "Земля в равной степени принадлежит всему человечеству по Высшему Закону, или Закону Бога, который выше всех человеческих законов; следовательно, большинство лэклэнда имеет больше прав на землю, чем нынешние владельцы, чей титул происходит от простого человеческого закона".

Нам никогда не приходило в голову, что нищие имеют наибольшее право на все фермы, пока мы не увидели это новое применение Высшего Закона. Но это ясно как божий день, если вы

согласитесь с Высшим Законом, изложенным мистером Сьюардом; и мы ожидаем вскоре услышать, что они передадут свои титулы в суд. Антирентизм выглядел именно так, и антирентизм сам выбирал себе Правителя и Судей.

Но мистер Гаррисон полностью перекупает мистера Смита за голоса бедняков. Он обещает не только каждому свою "виноградную лозу и смоковницу", но и виноградную лозу и смоковничное дерево, которые будут приносить плоды без культуры. Он собирается построить земной рай, в котором не будет ни тюрем, ни налогов, ни труда, ни нужды, ни болезней, ни боли, ни правительства — фактически, ничего. Но он должен говорить сам за себя. В "*Освободителе*" от 1 августа мы находим следующее:

"Действительно, собственно говоря, есть только одно правительство, и это не человеческое, а божественное; есть только один закон, и это "Высший Закон"; есть только один правитель, и этот единственный - Бог, "в котором мы живем, движемся и существуем". То, что называется человеческим правительством, является узурпацией, самозванством, демагогией, казнокрадством, мошенничеством и тиранией, в большей или меньшей степени, в зависимости от обстоятельств и интеллектуального и морального состояния людей. Несомненно, каждое существующее правительство на земле должно быть свергнуто ростом разума и моральным возрождением масс. Абсолютизм, ограниченная монархия, демократия — все держится на мече; все основано на доктрине, что "Сила творит добро"; все по своей сути бесчеловечно, эгоистично, кланово и противостоят признанию братства людей. Они для свободы то же, что виски, бренди и джин для воздержанности. Они принадлежат к "Царствам Мира сего" и в свое время должны быть уничтожены Сиянием пришествия Того, "чье право - царствовать", и установлением Царства, которое невозможно поколебать. Они не для народа, но делают народ своей добычей; они враждебны всякому прогрессу; они изо всех сил сопротивляются всем радикальным переменам. Вся история показывает, что Свобода, Человечность, Справедливость и Право когда-либо вступали в конфликт с существующими правительствами, независимо от их теории или формы".

Фаланстеры мистера Грили, Свободная любовь мистера Эндрюса, Тысячелетие мистера Гуделла и Аграризм мистера Смита - все бледнеют перед этим Царством мистера Гаррисона. Он король аболиционистов, Великий анарх Севера.

Мы не можем примирить эту тысячелетнюю доктрину мистера Гаррисона с другой доктриной, которую, как мы видели, ему приписывают в *Richmond Examiner*, а именно, что Бога нет, потому что никакой милосердный Творец не создал бы человечество таким образом, чтобы сделать рабство почти всеобщим. Теперь предположите, как это делает он, что рабство - это жестокий, греховный и порочный институт, разрушительный в равной степени для человеческого счастья и благополучия, и его выводу невозможно противостоять. Чтобы быть последовательными, все люди, выступающие против рабства, должны быть атеистами. Мы подозреваем, что вскоре их последовательность сравняется с их глупостью и богохульством.

Для нас, считающих рабство благожелательным институтом, одинаково необходимым как для защиты слабых, так и для управления злыми и невежественными, его распространение является частью того порядка и адаптации вселенной, который "возносит душу от Природы к Богу Природы".

ГЛАВА XXV.

ЧЕМ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ БОРЬБА С РАБСТВОМ.

М-р Карлайл очень справедливо утверждает, что отмена смертной казни и все другие общественные движения того времени практически не предлагают правительство в качестве моральной панацеи, которая должна исцелить и спасти страдающий мир. Прудон открыто выступает за анархию; а Стивен Перл Эндрюс, самый способный из американских социалистов и философов отмены рабства, тщательно критикует все существующие социальные отношения, все юридические и правительственные ограничения и предлагает Отсутствие правительства в качестве их замены. Он является автором эксперимента "Свободная любовь" в Нью-Йорке, а также соавтором и восхвалителем аналогичных экспериментов в деревнях или поселениях в Огайо, Лонг-Айленде и других местах на Севере и Северо-западе. Он последователь Джосайи Уоррена, который был связан с Оуэном из Ланарка в Нью-Хармони. Мы не знаем, есть ли какая-либо существенная разница между его системой и той, которая на протяжении многих лет практически применялась в округе Онейда, штат Нью-Йорк, перфекционистами, которые истолковывают Библию как авторитет для безудержного потакания всяким чувственным желаниям. Доктрины Фурье, Оуэна и Фанни Райт, а также других ранних социалистов - все они ведут к Отсутствию правительства и Свободной Любви. Вероятно, они предвидели и замыслили такой результат, но не предлагали его миру, который в то время был слишком порочен и непросвещен, чтобы оценить его блаженную чистоту и прелесть. Материалы, а также материалы слушаний "Безбожника", "Прав женщины", "прав негров", "школы свободного всего" и "школы против всякого", возглавляемых и проводимых в Бостоне Гаррисон, Паркером, Филлипсом и их помощницами-женщинами и неграми, показывают, что они тоже заняты "вбиванием клиньев" в расшатывание всей структуры общества и подготовкой к славному наступлению свободной любви и отсутствия правительства. Все документы о неверных и отмене смертной казни на Севере демонстрируют аналогичную тенденцию. Аболиционисты Нью-Йорка, возглавляемые Герритом Смитом и У.М. Гуделл, мы участвуем в точно таких же проектах, но, будучи христианами, присвоили бы Свободной Любви и Отсутствию правительства название Тысячелетия. Вероятно, половина аболиционистов на Севере ожидают, что с наступлением Нового тысячелетия вскоре произойдет великая социальная революция. Если бы они терпеливо ждали этого события, вместо того чтобы пытаться вызвать его самим, их заблуждения, какими бы нелепыми они ни были, могли бы, по крайней мере, быть безобидными. Но эти прогрессивные христианские социалисты нисколько не отличаются от неверных социалистов Бостона. Они в равной степени полны решимости и заняты свержением священства и упразднением или разделом всей собственности — видя, что, будь то развязка Свободной Любви или Тысячелетия, разрушение всех существующих человеческих отношений и институтов является предварительным условием для их полного осуществления.

Как ни многотысячны были за последние годы социальные эксперименты, пытающиеся практиковать общность имущества, жен, детей и т.д., и как ни многочисленны книги, пропагандирующие и одобряющие подобную практику, все же существование и рост мормонизма сам по себе является более веским доказательством, чем все остальное,

тенденции современного свободного общества к отсутствию правительства и свободной любви. Во имя полигамии она практически устранила все ограничения на общение полов и разрушила Семью. Она также обещает квалифицированную общность имущества и братскую ассоциацию труда. Ежемесячно он избивает тысячи новобранцев из свободного общества в Европе и Америке, но не обращает ни одного в свою веру на рабовладельческом Юге. Рабство удовлетворяет и консервативно. Отмена, обнаружив, что все существующие правовые, религиозные, социальные и правительственные институты ограничивают свободу и приводят к квазирабству, полна решимости не останавливаться перед подрывом всех этих институтов и установлением Свободной Любви и Отсутствия правительства. Единственным лекарством от всего этого для свободного общества является строгое признание рабства как права в принципе и необходимости на практике, с большей или меньшей модификацией самого существования правительства, собственности, религии и социального существования.

Мы не будем пытаться примирить доктрины социалистов, предлагающих устранить все юридические ограничения, с их обличениями политической экономии. Не говоря уже о том, что это суть политической экономии и все кредо большинства социалистов. Политэкономисты, не говоря уже о том, за честную борьбу, за всеобщее соперничество, антагонизм, конкуренцию и каннибализм. Они говорят, что поглощение более слабых членов общества, истребление их капиталом и конкуренцией улучшит породу людей и принесет пользу обществу. Они предвидят последствия своей доктрины и последовательны. Гоббс видел, как люди пожирали друг друга в рамках своей системы двести лет назад, и все мы видим, как они занимаются тем же самым сейчас. Социалисты обещают, что когда общество полностью распадется, прививая хорошие принципы и "воспевая братство", все люди будут сотрудничать, любить и помогать друг другу.

Они ставят людей в положение равенства, соперничества и антагонизма, что должно приводить к крайнему эгоизму в поведении, и все же предлагают эту систему как лекарство от эгоизма. Нам их рассуждения кажутся абсурдными.

Однако доктрины, столь распространенные среди аболиционистов и социалистов, о Свободной любви и Свободных землях, Свободных Церквях, свободных женщинах и Свободных неграх, о запрете брака, Религии, частной собственности, отсутствии закона и правительства, являются законными выводами, если не очевидными следствиями из ведущей и отличительной аксиомы политической экономии — *Laissez Faire*, или не говоря уже об этом.

Мы думаем, что все ведущие социалисты и аболиционисты Севера согласны с Фанни Райт в том, что постепенные изменения, произошедшие в социальной организации от домашнего рабства к традиционному крепостному праву и, следовательно, к нынешней системе свободного и конкурентного общества, были всего лишь переходными состояниями, каждое из которых ставило работника в худшие условия, чем при абсолютном рабстве, но ценными как подготовляющие путь для нового и более совершенного социального государства. Они ценят нынешнее состояние общества тем выше, что оно невыносимо и должно скорее привести к Тысячелетию или Утопии.

ГЛАВА XXVI.

ХРИСТИАНСКАЯ МОРАЛЬ НЕПРАКТИЧНА В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ — НО ЕСТЕСТВЕННА ДЛЯ ОБЩЕСТВА РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОГО.

Странно, что теории, самоочевидно верные, как только они были предложены, остаются неоткрытыми на протяжении веков. Что может быть более очевидным и аксиоматичным, чем то, что равные по необходимости должны быть соперниками, антагонистами, соперницами и врагами. Самосохранение, первый закон природы человека и животных, делает этот эгоистичный образ действий необходимым для сохранения существования. Почти столь же очевидно, что в естественном, социальном или семейном состоянии бескорыстие, или предпочтение добра и счастья других, является диктатом природы и политики. Природа побуждает отца и мужа к самоотречению, чтобы способствовать счастью жены и детей, потому что его отраженное наслаждение будет в тысячу раз больше, чем любое прямое удовольствие, которое он может получить, ограничивая их или жестоко обращаясь с ними. Их страдания и жалобы делают его несчастным гораздо больше, чем то, в чем он им отказал, может компенсировать. Жена и дети тоже видят и чувствуют, что, отказывая себе и способствуя счастью главы семьи, они проводят истинную политику и проявляют наиболее разумный эгоизм, когда кажутся наиболее бескорыстными. Особенно, однако, верно в отношении рабов и хозяев, что "делать так, как они хотели бы, чтобы это делали" взаимовыгодно. Хорошее обращение и надлежащая дисциплина делают раба счастливее, здоровее, ценнее, благодарнее и довольнее. Послушание, трудолюбие и лояльность со стороны раба повышают способность и расположение хозяина защищать его и заботиться о нем. Интересы всех членов естественной семьи, включая рабов, идентичны. Эгоизму нет места, потому что природа, общие чувства и своекорыстие диктуют всем, что их истинный интерес - "любить ближнего, как самого себя" и "поступать так, как они хотели бы, чтобы поступали с ними", — по крайней мере, в пределах семьи. Выбросить в мир жену, детей и рабов - значит навредить им, а не принести пользу. Пренебречь наказанием детей или рабов, когда они этого заслуживают, - значит поступить не так, как поступили бы с нами. Такое наказание, как правило, является высшим проявлением самоотречения и самоконтроля. Легко и приятно быть снисходительным и небрежным — трудно требовать исполнения долга. Сторонники строгой дисциплины - лучшие офицеры, учителя, родители и хозяева, их больше всего почитают и любят их подчиненные. Они жертвуют своим временем и своими чувствами ради долга и высшего блага других. Легкие, распушенные, снисходительные люди, как правило, эгоистичны и чувственны и справедливо лишаются уважения и привязанности тех, кого они пренебрегают наказывать, потому что это нарушило бы их эпикурейский покой. Христианская мораль не является ни трудной, ни противоестественной там, где существуют зависимые, семейные и рабовладельческие отношения, а христианская мораль проповедовалась и предназначалась только для таких.

Вся мораль свободного общества гласит: "Каждый мужчина, женщина и ребенок сам за себя". Рабство в любой форме должно быть отменено. Жены должны иметь особые, обособленные и, следовательно, антагонистические и конфликтующие интересы со своими мужьями, а детям необходимо как можно скорее вернуть права мужчины. Разве это не удивительно, что такие люди, как Ченнинг и Вэйленд, не видели, что их мир всеобщей свободы был миром всеобщего эгоизма, разногласий, конкуренции, соперничества и войны умов. Гоббс действительно видел это и, предположив, что другого мира не существует, сказал, что "естественное состояние - это

состояние войны". Но семья, включая рабов, которую аболиционисты хотели уничтожить, была почти всеобщей и поэтому естественной. Христианская мораль - это естественная мораль в рабовладельческом обществе, а рабовладельческое общество- единственное естественное общество. Такое общество, как общество первых патриархов Иудеи при Моисее и Иисусе Навине, и как общество Юга, никогда не породило бы скептика, Гоббса, Уэйленда или Ченнинга. В таком обществе для людей естественно любить друг друга. Обычные отношения людей не являются соревновательными и антагонистическими, как в свободном обществе; и эгоизм не является общим явлением, но является исключением. Долг перед самим собой - это первая из обязанностей: свободное общество делает его единственной обязанностью. Человек от природы не эгоистичен или плох, ибо он от природы общителен. Свободное общество отделяет его от общества необходимости и делает плохим и эгоистичным.

В Священном Писании сказано, что богатому человеку труднее войти в царствие небесное, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко. Мы не богословы, но знаем из истории и наблюдений, что богатые люди, которые являются искренними и набожными христианами в свободном обществе, не знают, что делать со своим богатством, чтобы не превратить его в инструмент угнетения и зла. Капитал и навыки - это силы, которые почти всегда используются для угнетения рабочей силы. Если вы финансируете колледжи, вы воспитываете хитрых, ненасытных эксплуататоров, которые пожирают бедных. Если вы отдадите его торговцам или землевладельцам, это все равно будет дополнительным инструментом, всегда используемым для угнетения рабочих. Если вы раздаете их действительно нуждающимся, вы слишком часто поощряете праздность и увеличиваете бремя работающих бедняков, которые поддерживают всех: мы, вероятно, не видим другого безопасного способа инвестировать богатство, и это покупка на эти деньги рабов, поведение которых вы можете контролировать и быть уверенными, что ваша благотворительность не будет использована не по назначению и не принесет вреда.

Есть ли какой-нибудь другой безопасный способ инвестировать богатство или заниматься благотворительностью? Мы сожалеем, что деликатность не позволяет нам задать этот вопрос знаменитому, богатому филантропу с Севера, который является искренним, смелым, опытным и к тому же аболиционистом.

ГЛАВА XXVII.

РАБСТВО — ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СВОБОДНЫХ.

Терпя поражение со всех сторон, мы узнаем, что аболиционисты собираются выдвинуть выдающегося писателя с Севера, который докажет, что влияние рабства пагубно для белых, у которых нет рабов.

Теперь, на первый взгляд, это возвышает белых; ибо делает их не дном общества, как на Севере, — не прислугой, наемными поденщиками, уборщиками мусора и поварятами, — а привилегированными гражданами, подобными греческим и римским гражданам, с многочисленным классом, стоящим намного ниже их. В рабовладельческом обществе один белый человек не господствует над другим; ибо все равны в привилегиях, если не в богатстве; и

самый бедный не стал бы слугой — придержать свою лошадь, а затем протянуть руку или шляпу за наградой, если бы вы предложили ему богатство Индии. Чернорабочие, незащищенные и трудоемкие, а также позорные профессии - все они заняты рабами. Но заполнять их должен кто-то другой, а в свободном обществе половина его членов занята профессиями, которые не считаются респектабельными. Наши рабы возделывают землю, выполняют грубую и тяжелую работу на наших дорогах и каналах, подметают наши улицы, готовят нам еду, чистят нам сапоги, прислуживают за нашими столами, держат наших лошадей, выполняют всю тяжелую работу и занимают все низшие должности. Ваши свободные люди на Севере выполняют ту же работу и занимают те же должности. Разница лишь в том, что мы любим наших рабов, и мы готовы защищать, помогать и оберегать их; вы ненавидите и боитесь своих белых слуг и никогда не отказываетесь, в качестве морального долга, снизить им заработную плату до минимума и морить голодом их семьи, если это возможно, в доказательство вашей бережливости, экономии и управления — единственных добродетелей англичан и янки.

В свободном обществе так называемые свободные люди выполняют все обязанности рабов за меньшую плату, чем рабы, и пользуются бесконечно меньшей любовью и заботой со стороны своих начальников, чем рабы. Возвышает ли это их и делает ли счастливыми?

Профессии, которые хорошо оплачиваются и чей труд легок, предназначены для свободных людей в рабовладельческом обществе. Угнетает ли их это?

Врач, юрист, механик, дантист, торговец, надсмотрщик - фактически все профессии на Юге живут за счет доходов от рабского труда. Они делят прибыль с владельцем рабов. Ему нечем им платить, кроме того, что зарабатывают его рабы. Но вы, янки и англичане, не просто делите прибыль — вы забираете львиную долю. Вы зарабатываете больше денег на нашем хлопке, табаке, сахаре, индиго, пшенице, кукурузе и рисе, чем мы самизарабатываем. Вы живете рабским трудом — без него погибли бы, — и все же вы злоупотребляете им. Отрежьте Англию и Новую Англию от Южной Америки, Восточной и Западной Индии и от наших рынков, на которых они могли покупать продовольствие и продавать свои изделия, и они сразу же умрут с голоду. Вы живете нашим рабским трудом. Это возвышает ваших белых так же, как и наших, в значительной степени ограничивая их умелыми, хорошо оплачиваемыми, легкими и интеллектуальными занятиями, а также кормит и одевает их. Отмените рабство, и вы будете страдать гораздо больше, чем мы, потому что у нас есть все земли Юга, и мы можем *распоряжаться* трудом, как вы, а также благоприятная почва и климат, которые требуют меньше труда. Но хотя в отсутствие рабства мы могли бы прокормить себя, мы должны перестать содержать вас. Мы не стали бы ни посылать вам еду и одежду, ни покупать ваши худшие, чем бесполезные идеи.

ГЛАВА XXVIII.

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ УНИЧТОЖАЕТ СВОБОДУ И РАВЕНСТВО.

Аболиционисты и социалисты, которые в одиночку исследовали закоулки социальной науки, хорошо понимают, что они никогда не смогут создать свою Утопию, пока частная собственность

не будет отменена или уравнена. Человек без собственности теоретически, а слишком часто и практически, лишен единого права. Обычно считается, что воздух и вода являются общим достоянием человечества; но нет ничего более ложного на самом деле, чем теория. Право собственности на землю дает собственнику исключительное право на все, что находится над землей и под ней. Все земли присвоены, а вместе с ними и воздух над ними, воды на них и шахты под ними. Бедняк, чтобы дышать воздухом или пить воду, должен сначала найти место, где он может по праву наслаждаться ими. Он постоянно не может найти такого места и вынужден из-за своих потребностей вдыхать спертый и гнилостный воздух маленьких комнат, сырых подвалов и переполненных фабрик и пить недостаточное количество нечистой воды, поставляемой ему по цене, которую он с трудом может себе позволить. Он платит за воду, которую пьет, потому что она перестала быть общим достоянием. Он не свободен, потому что ему нигде по праву приклонить голову. Частная собственность монополизировала землю и уничтожила как его свободу, так и равенство. У него нет гарантий в отношении своей жизни, поскольку он не может жить без работы и адекватной заработной платы, и никто не обязан нанимать его. Если бы земля была общей, он всегда мог бы наслаждаться не только воздухом и водой, но и своим трудом добывать бы средства к существованию. Его положение теоретически и практически отчаянное и невыносимое. Будь он рабом, он пользовался бы фактически, а также юридически фиктивно, всеми необходимыми правами. Чистый воздух и вода, дом, достаточное количество пищи, огня и одежды всегда были бы в его распоряжении. Рабство - это форма коммунизма, и поскольку аболиционисты и социалисты решили принять новую социальную систему, мы рекомендуем им рассмотреть этот вопрос. Способ, которым должен быть осуществлен переход от нынешней формы общества к той системе коммунизма, которую мы предлагаем, очень прост. Негритянские рабы сейчас стоят по семьсот долларов за голову. Поскольку белые работают усерднее, они стоят около тысячи долларов. Сделайте человека, владеющего капиталом в тысячу долларов, опекуном (термин "хозяин" вызывает возражения) одного белого нищего средней величины; дайте человеку, который стоит десять тысяч долларов, десять нищих, а миллионеру тысячу. Это было бы актом простого милосердия и справедливости, ибо капиталисты сейчас живут исключительно за счет доходов от труда бедняков, которыми капитал позволяет им распоряжаться; и они распоряжаются ими и наслаждаются ими почти в тех точных пропорциях, которые мы обозначили. Таким образом, семья бедных рабочих, мужчин, женщин и детей, числом десять человек, может прокормить себя и заработать для своего работодателя около шестисот долларов, что составляет проценты с десяти тысяч. Они работали бы не усерднее, чем сейчас, не испытывали бы большей необходимости трудиться, были бы избавлены от большинства жизненных забот и получили возможность пользоваться всеми ценными и необходимыми правами. Что бы они потеряли в свободе и равенстве? Просто ничего. Имея больше прав, они имели бы больше свободы, чем сейчас, и приблизились бы к равенству. Возможно, их безопасность и освобождение от опеки сделали бы их положение предпочтительнее положения их работодателей. Мы подозреваем, что было бы легче найти подопечных или рабов, чем опекунов или хозяев, поскольку вся выгода была бы на стороне рабочего, а все убытки — на стороне капиталиста.

Освободите своих так называемых свободных рабочих, предоставив им достаточно собственности или капитала, чтобы жить, а затем призовите нас на Юге освободить наших негров. В настоящее время вы, аболиционисты, знаете, что наши негритянские рабы намного свободнее из двух; и было бы большим шагом вперед на пути к освобождению ваших

работников, если бы дать им опекунов, обязанных, как и наши хозяева, заботиться о них и имеющих право, с учетом этого, на доходы от их труда.

ГЛАВА XXIX.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭПОХА - ОТЛИЧНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ.

В статье в "*Era*" от 16 августа 1855 года, критикующей и отрицающей нашу теорию несостоятельности свободного общества, автор начинает с утверждения: "На прошлой неделе мы продемонстрировали на примере истории, что положение бедняков Англии значительно улучшилось в наше время, поскольку они освободились от уз феодального рабства". Затем он продолжает критиковать нас, но, прежде чем закончить, противоречит и опровергает свою работу неделей ранее и принимает нашу теорию в полном объеме. Он признает невыносимую эксплуатацию и угнетение капитала над трудом, но с нетерпением ждет того дня, когда это будет исправлено. Он, как и все аболиционисты, аграрий. Он также придерживается нашей доктрины, согласно которой крепостных отпустили умирать с голоду не потому, что свобода была благом. Далее он утверждает, что бедные рабочие не смогли бы заполучить хозяев, если бы захотели, потому что богатые могут получить их труд на более выгодных условиях. Таким образом, он отчетливо показывает, что Свободное общество потерпело неудачу и почему оно потерпело неудачу. Мы очень хорошо знаем, что богатые Западной Европы не стали бы добровольно брать бедных в рабы, но закон должен принуждать их к этому; ибо это единственно возможная аграрная система, единственный практически осуществимый способ предоставить всем людям достаточную, если не равную, возможность пользоваться terra mater. Вот его опровержение самого себя и подтверждение нашей теории, которую, по его мнению, он опровергает. Мы никогда не беремся за документ об отмене смертной казни, не найдя доктрин, подобных доктринам той эпохи, и приводим его только в качестве образца:

"При деспотических и коррумпированных правительствах, которые угнетают людей налогами, поддерживают расточительное правление и ненужные войны, которые развращают их дурным примером высокопоставленных лиц и препятствуют образованию или делают его невозможным — положение бедных и номинально свободных становится поистине плачевным. Но их губит не Свобода — скорее, ее отсутствие. Это их подчинение плохим правителям по невежеству, которое удерживает их в бедности. Мы знаем, что притязания капитала на львиную долю прибыли сами по себе, при любых обстоятельствах, являются большим препятствием для прогресса масс; но мы верим, что даже это препятствие однажды будет устранено — эта проблема в политической науке будет решена цивилизацией и христианством. Мы верим, что человеческий интеллект никогда, опираясь на свет Евангелия, который направляет и вдохновляет его усилия, не уступит холодному и бессердечному господству капитала над трудом. Но, во всяком случае, одно можно сказать наверняка, при наихудшей форме правления или при лучшей, а именно: когда Свобода становится бременем и проклятием для бедных, рабство — то есть порабощение массы рабочих с ответственностью со стороны хозяина за их содержание — больше невозможно. Когда свободные люди не в состоянии прокормить себя,

среди всех разнообразных занятий свободных обществ для них было бы невозможно найти хозяев, готовых взять на себя ответственность. Массы в Европе, по сути, обязаны своей свободой избыточному предложению рабского труда, который, когда становился обузой для земли, отбрасывался как бесполезный. Кто верит, что ирландские землевладельцы возьмут на себя ответственность за поддержку крестьян при условии, что они станут рабами? На самом деле, разве не печально известно, что они помогают им эмигрировать в Америку и часто сносят их хижины, чтобы изгнать их?"

В качестве дальнейшего доказательства аграрных доктрин аболиционистов мы приводим статью из *Northern Christian Advocate*, умной методистской газеты, издаваемой в штате Нью-Йорк:

"Фабричные рабочие.— Существует класс рабочих, состоящий из мужчин, женщин и детей, на которых мы смотрим только с сожалением — мы видим их, по крайней мере, в воображении, впадающими, несмотря на все их заботы, в полную зависимость и нищету. Следовательно, мы никогда не смотрим на фабрику или крупное производственное предприятие с неподдельным удовольствием. Мужчины и женщины, работающие на его оборудовании, слишком склонны отождествлять себя с такими предприятиями в неподобающей степени. Этот процесс ассимиляции и идентификации продолжается медленно, но верно, пока, наконец, индивид и фабрика не сливаются настолько в одно целое, что отдельное существование становится невозможным. Требуется одно или два поколения, чтобы добиться такого положения вещей. Денежная зависимость, незнание других занятий, физическое уродство и общая беспомощность простого фабричного населения - это не работа одного дня. Люди не могут сразу оторваться от других занятий — не могут обладать производственными знаниями и никакими другими знаниями до тех пор, пока у них не будет времени отойти от других занятий. Но каким бы замедленным ни был эффект, он обязательно последует, и, следовательно, каждое крупное механическое предприятие должно рассматриваться как имеющее определенные пагубные тенденции, от которых следует тщательно оберегаться.

"Причины рассматриваемого зла очень очевидны, как и соответствующее средство их устранения. Мы должны указать в качестве первой и главной причины ущерба тот факт, что капитал, поддерживающий механический бизнес, не находится под контролем рабочих. Мельницы или станки могут остановиться в любой час, несмотря на желания работников. Заработная плата может быть снижена, незначительно или значительно, с уведомлением или без него. С работниками в таких случаях не консультируются. Мотив может быть хорошим или плохим — это может быть защита от банкротства или накопление богатства за счет мускулов трудящейся, зависимой расы. Но, каким бы ни был мотив и решение, оперативник беспомощен — он не может контролировать ни то, ни другое. Трудиться - его обязанность; другим поручено регулировать цены, и единственный способ сдерживания, который в его власти, - это ненадежная *забастовка*. Забастовки в бизнесе подобны восстаниям в гражданских правительствах — последнее, отчаянное средство, столь же часто фатальное для пострадавшего, сколь и защищающее его интересы. То же самое верно и в отношении фермера, который не владеет землей, на которой он трудится, но вынужден заключать соглашения с землевладельцем. Отсюда хорошо известные непреодолимые пороки сельскохозяйственной аренды. В Европе она породила крепостничество и феодализм, а также значительную долю рабства и деградации, скрытых под мягким названием "крестьянство". Не имеет значения, какой может быть профессия, как только работник становится полностью зависимым и

чувствует эту зависимость, система наносит ему неисчислимый ущерб. Именно по этой причине крупные землевладельцы всегда сокращают численность населения, и общество приходит в негодность как раз по мере того, как средства независимого существования переходят из рук многих в руки немногих. Эта трудность есть и должна быть всегда на пути управления производственными предприятиями по нынешнему плану. Возможно, еще могут быть найдены какие-то средства для распределения капитала между оперативниками или, что то же самое, для предоставления рабочему разумных гарантий; но изменение должно быть радикальным. Монополия капитала настолько похожа на монополию земли, что мы можем легко убедиться, что никакие частичные меры никогда не приведут к излечению ".

ГЛАВА XXX.

ФИЛОСОФИЯ "ИЗМОВ", ПОКАЗЫВАЮЩАЯ, ПОЧЕМУ ОНИ ИЗОБИЛЮЮТ НА СЕВЕРЕ И НЕИЗВЕСТНЫ НА ЮГЕ.

Эксплуатация, или несправедливое требование навыков и капитала в свободном обществе, побуждает ученых и филантропов придумывать схемы побега и побуждает рабочих принимать эти схемы, какими бы химерическими они ни были, потому что они чувствуют, что их положение нельзя ухудшить. Они уже рабы без хозяев, и в этом суть человеческих страданий. Кроме того, всеобщая свобода разложила общество и поставила людей в изолированное, эгоистичное и антагонистическое положение, в котором каждый человек вынужден причинять зло другим, чтобы быть справедливым к самому себе. Но природа человека социальна, а не эгоистична, и он жаждет вернуться к родительским, братским и ассоциативным отношениям. Все "измы" сходятся в обещании более тесных и партнерских отношений, в установлении, по крайней мере, определенной общности собственности и в обеспечении слабых и несчастных предметами первой необходимости и удобствами жизни. Действительно, все они обещают установить рабство — за вычетом хозяина и надсмотрщика. А то зло, какое мы имеем девписать немного ощущается на юге, мужчины здесь поймут, что войти в клетку льва, а происходит в результате их учреждения. Мормонизм - это всего лишь чудовищное развитие измов. Все они, по сути, похожи друг на друга, и это наиболее успешно, потому что до сих пор это был социализм плюс надзиратель. Мантия Джо Смита снизошла на Бригама Янга, и если он обратится к истинному пророку, никто не знает, как долго эта штука может работать. Мормонизм зародился в Западной части Нью-Йорка, этой земле, изобилующей измами, где также возникли духовный рэп и перфекционизм онейды, где изобилуют шейкеры, милленаристы и миллериты, а все ереси процветают больше всего. Мормонизм сейчас ежедневно собирает тысячи новобранцев из свободного общества в Европе, Азии, Африке и на нашем Севере, и ни одного с Юга. В нем нет религии, но вместо нее существует чувственный моральный кодекс, который шокирует здоровое чувство приличия. Но это в какой-то степени объединяет собственность, сближает людей в более тесных и братских отношениях и обещает (возможно, ложно) безопасное убежище от изолированных и враждебных отношений, убийственной конкуренции и эксплуатации свободного общества. Все остальные "—измы" делают то же самое, но неправильное администрирование или отсутствие мастера вскоре взрывают их. В прошлом году мы видели рекламу уходящей с молотка последней из четырнадцати фаланстеров, построенных на Севере

по плану Греели-Фурьерита. У шейкеров дела идут лучше, но мистер С. П. Эндрюс, который является экспертом, сообщает нам, что у них, как и у мормонов, деспотичная голова. Социализм с такой деспотической головой очень близок к южному рабству и прекрасно уживается, пока жив деспот. Мистеру С. П. Эндрюсу следует просветить общественность относительно прогресса деревень Свободной Любви Триалвилл в Огайо, Современный Сион на Лонг-Айленде и т.д. "Самоизбранный деспотизм" - это его теория совершенствования общества. Захватил ли Кромвель, или Наполеон, или Джо Смит скипетр в этих восхитительных деревнях, которые, как мы надеемся, вскоре вдохновят перо какого-нибудь северного Бокаччо. Человеческое мнение движется концентрическими кругами. Упразднение поглощает маленькие "измы", а социализм поглощает Упразднение. Социализм давно достиг точки круга, наиболее далекой от рабства, и теперь быстро приближается к той точке, с которой он начался, то есть к рабству. Мистер Эндрюс, который не обманщик (за исключением того, насколько любой философ является обманщиком), мистер Эндрюс, который, вероятно, является выдающимся мыслителем Америки, мог бы, если бы захотел, доказать аболиционистам и социалистам, что после целого дня бешеной езды, подобной поездке Тоби Лампкина и его матери, они как раз собираются остановиться у лошадиного пруда в небольшой машине. в нескольких ярдах от того места, откуда они стартовали утром. Социалисты, включая Луи Наполеона, пытаются установить рабство, злоупотребляя при этом этим словом.

ГЛАВА XXXI.

ДЕФИЦИТ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ В СВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ.

Нормальное состояние свободного общества - это состояние голода. Сельскохозяйственный труд - самый тяжелый, наименее уважаемый и наименее оплачиваемый из всех видов труда. Природа и философия учат всех, кто может, избегать ее и убегать от нее и искать менее трудоемкие, более уважаемые и прибыльные занятия. В поле не работает никто, кто мог бы ему помочь. Следовательно, свободное общество в значительной степени зависит в плане питания и одежды от общества рабовладельцев. Западная Европа и Новая Англия получают хлопок, сахар и большую часть хлеба и мяса с Юга, с Кубы, России, Польши и Турции. В конце концов, основная масса их населения постоянно испытывает физическую нужду. Маккалох сообщает нам в своем издании "Адама Смита", "что лучшие ирландские рабочие едят мясо раз в месяц или раз в шесть месяцев; низшие - никогда. Лучшие английские рабочие едят мясо два или три раза в неделю". Ни один негр-южанин не поверит этому, даже если вы поклянетесь в этом. Тем не менее, это очень благоприятный отзыв об этих рабочих. Ирландцы редко едят хлеб, а английские крестьяне имеют к нему совершенно неадекватное отношение. На Континенте крестьяне обычно питаются фруктами, орехами, оливками и другими продуктами, которые наши рабы ищут вовсе не как пищу, а просто как приправы для придания вкуса мясу и хлебу. Сельское хозяйство - это надлежащее занятие рабов, однако за ним должны присматривать и направлять свободные люди. Его прибыли недостаточны для содержания отдельных семей чернорабочих, особенно белых чернорабочих в странах с холодным климатом, чьи потребности выше, чем у негров на Юге. Расходы семей значительно сокращаются там, где рабство объединяет большое

количество людей под началом общего главы или хозяина, и их труд становится более эффективным.

Это великая идея социалистов, и она более верна, чем доктрина политэкономистов "каждый сам за себя". Свободное общество в значительной степени кормится и одевается обществом рабов, за что оно расплачивается ничемными безделушками, модными безделушками и пагубной роскошью, без которых рабовладельческое общество жило бы гораздо лучше. Каждый должен изучить перепись населения Союза, чтобы увидеть, насколько Северо-восток зависит от рабского труда и насколько ничтожны его сельскохозяйственные продукты.

Прибыль от рабовладельческого хозяйства идет главным образом на пользу Западной Европе и нашему Северу. Таким образом, практичные люди на Севере, столь далекие от того, чтобы работать над отменой рабства, ежедневно доставляют на невольничий рынок большее количество рабов, чем когда-либо прежде. Добавьте к старой негритянской работорговле кули из Азии и подмастерьев из Африки, и ежегодный приток новых рабов намного превысит приток в любой другой период.

Аболиционистам, вероятно, удастся распустить Союз, втянуть нас в гражданскую и братоубийственную войну и отрезать Север от необходимых поставок продовольствия и одежды; но им следует помнить, что, пока они заняты этим любовным трудом, северные и английские торговцы быстро распространяют рабство, ежедневно открывая новые рынки для покупки и продажи кули, подмастерьев и африканцев.

Иностранная работорговля не является необходимой для снабжения невольничьих рынков. Увеличения числа нынешних рабов, при гуманном обращении, было бы достаточно для удовлетворения этого спроса. Но выращивание африканцев и кули обходится дешевле, чем выращивание рабов в Америке, и торговля ими, когда бы она ни велась, вынуждает хозяев до смерти обрабатывать своих старых рабов и покупать новых за границей.

Иностранная работорговля, особенно торговля Кули, - самое бесчеловечное занятие, которым когда-либо занимался человек. Одинаково бесчеловечно по отношению к жертвам, которых он импортирует, и к старым рабам, обращение с которыми и состояние которых он делает невыносимо жестоким. Направляя филантропию и общественное мнение в ложное русло, аболиционисты стали самыми эффективными пропагандистами рабства и работорговли. И рабство, в том виде, в каком оно существует в результате иностранной работорговли, потрясает наше чувство человечности ничуть не меньше, чем самых чувствительных аболиционистов.

С момента написания этой статьи мы познакомились со следующим в Charleston Mercury:

"Пшеница в Массачусетсе. Дефицит в производстве пшеницы только в Массачусетсе в 1855 году для потребления его жителями составлял 3915 550 бушелей, а индийской кукурузы — 3420 675 бушелей *(без учета каких-либо затрат на потребление кукурузы скотом.)*

"В 1850 году дефицит в производстве пшеницы во всех штатах Новой Англии был равен 1 691 502 баррелям муки; и 3 464 675 бушелям кукурузы *(не допуская ничего для потребления скотом.)*

"Это на 327 185 баррелей больше, чем было экспортировано отечественной муки из всех Соединенных Штатов в зарубежные страны в течение года, закончившегося 30 июня 1855 года,

и на 87 000 баррелей больше, чем было экспортировано как отечественной, так и зарубежной муки из Соединенных Штатов за тот же период".

Изучив результаты переписи, мы пришли к выводу, что зерна и картофеля, произведенных в Новой Англии, хватило бы примерно на прокорм ее крупного рогатого скота, лошадей, свиней и овец, не оставив ничего для ее жителей. Мы в последнее время по сравнению тщательно переписи Массачусетс и Северная Каролина, и нашли, в круглых цифрах, что, по мнению населения, в Северной Каролине прокорову ежегодно в десять раз больше человеческой пищи, как Массачусетс,—но что Массачусетс сбалансированный учет, производящих ежегодно в десять раз больше нищих и преступников в Северной Каролине. Мы также обнаруживаем, что недостаток пищи в одном штате и ее изобилие в другом влияют на продолжительность человеческой жизни. Смертность в Массачусетсе почти вдвое выше, чем в Северной Каролине. Мы пришли к выводу, что в Северной Каролине человеческого счастья в десять раз больше, чем в Массачусетсе. Перепись не дает никаких сведений о неверных и "измах" — в Северной Каролине их нет, а Массачусетс может похвастаться тем, что соперничает с Германией, Францией и Западным Нью-Йорком по их производству.

На самом деле, в Новой Англии говорить о разобщенности и создании собственного общества - самоубийственная глупость. Она не обладает элементами отдельной национальности. Она умна и богата; но ее богатство космополитично, а бедность коренная. Ее торговля, ее мануфактуры и денежный капитал составляют ее богатство. Разобщенность сделала бы их бесполезными и убыточными дома, и они были бы немедленно переданы другим государствам и нациям.

Северная Каролина вполне могла бы обустроиться сама, поскольку она может создать все необходимое для жизни, комфорт и роскошь внутри себя, а Вирджиния находится между ней и опасностью с одной стороны, и недоступным морским побережьем - с другой. Но мы, Виргиния, будучи пограничным штатом, оказались бы в плохом положении в случае разобщения и намерены держаться за него до тех пор, пока позволяет честь. Кроме того, Вирджиния любит свою ближайшую сестру, Пенсильванию, и ей невыносима мысль о разлуке с ней.

Tecum vivere amem!
Tecum obeam lubens!

ГЛАВА XXXII.

У ЧЕЛОВЕКА ЕСТЬ СОБСТВЕННОСТЬ НА ЧЕЛОВЕКА!

В "Освободителе" от 19 декабря мы замечаем, что редактор сводит спор о рабстве к простому вопросу: "может ли человек по праву владеть собственностью на человека?"

Мы думаем, что можем изложить это возражение против домашнего рабства в нескольких словах.

Человек - общественное и стадное животное, и все такие животные обладают собственностью друг на друга. Природа навязывает им рабство как закон и необходимость их существования.

Они живут вместе, чтобы помогать друг другу, и являются рабами по высшему закону мистера Гаррисона. Рабство возникает в соответствии с высшим законом и является и всегда должно быть равноценным человеческой природе.

Мы перечислим несколько из десяти тысяч его модификаций.

Муж имеет юридически признанную собственность на услуги своей жены и может юридически контролировать, в некоторой степени, ее личную свободу. Она его собственность и его рабыня.

Жена также имеет юридически признанную собственность на услуги мужа. Он является ее собственностью, но не ее рабом.

Отец владеет собственностью на услуги и личности своих детей до достижения ими двадцати одного года. Они являются его собственностью и его рабами.

Дети в младенчестве находятся в собственности каждого родителя.

Малолетние негры, больные, немощные и престарелые негры владеют самой ценной собственностью на службе и в капитале своих хозяев. Хозяева не имеют собственности на таких рабов, потому что на данный момент они не представляют никакой ценности.

Владельцы и капитаны судов владеют имуществом, находящимся на службе у моряков, и могут контролировать их личную свободу. Они (моряки) являются собственностью, а также рабами.

Службы и личности, жизни и свободы солдат и офицеров принадлежат правительству; находясь на службе, они являются как собственностью, так и рабами.

Каждый белый рабочий, будь то клерк, плотник, механик, печатник, простой чернорабочий или кто-либо еще, заключивший контракт на работу на срок в несколько дней, месяцев или лет, является на этот срок собственностью своего работодателя. Он не является рабом, как жена, ребенок, подмастерье, матрос или солдат, потому что, хотя право работодателя на его услуги одинаково безупречно, его средства защиты такого права сильно отличаются. В первом случае он может прибегнуть к силе, чтобы заставить подчиниться; в другом - он вынужден подать иск о возмещении ущерба.

Еще раз: каждый капиталист владеет собственностью на своих собратьев в пределах прибыли от своего капитала, или дохода. Единственный доход, который может быть получен от капитала, - это результат собственности, которую капитал предоставляет своим владельцам, в виде труда других людей. В наших первых трех главах мы попытаемся объяснить это.

Все цивилизованное общество признает и, в какой-то мере, выполняет обязательство поддерживать и обеспечивать всех людей, будь то коренные жители или иностранцы, которые не в состоянии обеспечить себя сами. Отсюда богадельни и т. Д.

Следовательно, все люди владеют ценной собственностью, реальной или условной, для оказания услуг друг другу.

Если, мистер Гаррисон, это единственная трудность, которую необходимо уладить между Севером и Югом, мы уверены, что ваша маленькая любимица, Разобщенность, "жизнь продлится, а медлительность умрет".

Когда мистер Эндрюс и вы полностью "изгнаете человеческую природу", растворите и дезинтегрирующее общество и сведете человечество к отдельным, независимым, но конфликтующим монадам, или человеческим атомам, — тогда, и не раньше, вы установите "суверенитет личности" и уничтожите свойство человека в человеке.

ГЛАВА XXXIII.

"ПОСЛЕДНИЙ УДАР" ПО ОТМЕНЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ.

Все аболиционисты готовы признать, что свободное общество в Европе потерпело полный крах, но назовут две причины этого краха — "Избыток населения и недостаток равенства и свободы".

Если бы население Англии удвоилось, труд, необходимый для поддержания этого населения, был бы уменьшен, если бы все трудозатраты и расходы поддерживались одинаково; потому что ассоциация и разделение труда могли бы стать более совершенными, и расходы одной семьи или отдельного человека могли бы быть разделены между многими и нести их многие. Социалисты и аболиционисты понимают это. Когда одной семье приходится содержать собственную школу, собственную мельницу, собственного механика, собственного врача, пастора и т. Д., Жизнь обходится дорого; но когда эти и другие расходы распределяются между многими, жизнь становится дешевой; следовательно, жить в густонаселенной стране гораздо менее трудоемко, чем в малонаселенной, если труд и расходы можно разделить поровну. Земля Англии с готовностью поддержит удвоение своего населения, если ее продукты не будут растрачиваться на роскошь, на кормежку оленей, дичи и лошадей. Англия не достигла той плотности населения, которая позволяет людям жить с наименьшим количеством труда. Ее рабочее население поредело, а рабочая сила стала дороже и дефицитнее в результате эмиграции последних лет в Америку, Калифорнию и Австралию — и все же зимой 1854 года произошла всеобщая вспышка и бунт ее работников, потому что падение цен привело к тому, что большое количество ее фабрик прекратили работу и лишились рабочих рук. Это происходит каждый день в свободном обществе из-за банкротства работодателей или из-за перенасыщения рынков и падения цен. Мы добавим, что прошлой зимой на собрании рабочих Нью-Йорка в парке было заявлено, что в этом городе 50 000 работающих мужчин и женщин остались без работы.

Система конкуренции (столь пагубная для рабочего класса) осуществляется в Америке с меньшими исключениями или ограничениями, чем в Европе. Следовательно, учитывая малочисленность нашего населения, положение рабочего класса в Нью-Йорке, Филадельфии и Бостоне хуже, чем в Лондоне, Манчестере или Париже. И это порождает больше социалистов в высших классах и больше толп, бунтов и профсоюзов среди рабочих, чем в Европе.

Наконец, если причиной краха свободного общества является избыток численности или недостаток свободы, то почему наши аболиционисты и социалисты так горячи и так активны в разрушении и реорганизации общества? Они заявили с полным единодушием, что свободное общество невыносимо, независимо от того, густонаселена страна или нет.

Аболиционисты хвастаются, что в свободном обществе земля дороже, а рабочая сила дешевле, чем в рабовладельческом. Любое из этих утверждений содержит признание того, что свободные работники работают больше на других и меньше на себя, чем рабы, — фактически, они менее свободны, чем рабы. Прибыль от земли - это то, что землевладелец присваивает из результатов труда работника. Там, где он присваивает больше всего и меньше всего оставляет работнику, там земли дороже всего, рабочая сила дешевле всего, а рабочие наименее свободны. В Европе земля продается намного дороже, чем на Севере; следовательно, рабочие фактически менее свободны, чем на Севере. На Севере они продают дороже, чем на Юге, потому что рабы потребляют больше результатов своего собственного труда, чем чернорабочие на Севере, и оставляют меньше прибыли землевладельцу. Высокая цена на землю в целом является безошибочным показателем бедности и фактического рабства рабочего класса. Его низкая цена в равной степени доказывает, что рабочие, независимо от того, называются ли они рабами или свободными людьми, работают больше на себя и меньше на землевладельцев, чем там, где земля дорога. В оседлых странах, где все земли присвоены, эта теория неоспорима.

Поскольку это короткая глава, мы пользуемся возможностью, чтобы извиниться и объяснить нашу дискурсивную, неметодичную и нехудожественную манеру.

Во-первых, характер врага, с которым нам приходится бороться, препятствует чему-либо подобному обычной войне. Они разделены на сотни маленьких партизанских отрядов, каждый из которых имеет свою особую партизанскую тактику, и мы вынуждены варьировать наш способ нападения от обычной канонады до боевых действий в кустарниках, в зависимости от случая.

Опять же, мы практиковались в качестве присяжных адвокатов в течение двадцати пяти лет и таким образом приобрели стойкую привычку к обобщению и повторению, а также к различным аргументам и иллюстрациям. Но в то же время мы научились "разбираться в нашем деле" и знать, когда оно "разобрано". Юрист, который соблюдал Единство в споре перед присяжными, наверняка проиграл бы свое дело; и теперь мир - это наши присяжные, которые собираются вынести вердикт против свободного общества "виновен".

Мы восхищаемся не прозрачной речушкой, которая журчит и извивается в ограниченном и искусственном течении по парку и садам знати; но мы восхищаемся разлившейся Миссисипи, чьи мутные воды в своем величественном течении с одинаковым спокойствием уносят в своих недрах обитателей курятника и птичьего двора, крупный рогатый скот, посевы, выкорчеванный лес и жилища людей. Исчерпывающий, не художественный, - вот к чему мы стремились бы. И все же Исчерпывающий аргумент может быть высшим искусством аргументации. Мы считаем, что наилучший способ написания - это тот, при котором факты, аргументация, риторика, остроумие и сарказм быстро сменяют друг друга.

Intonuere poli, et crebris micat ignibus æther!

Опять же, художественное исполнение неанглийское. Оно не соответствует ни их уму, ни вкусам. Дискурсивностью и похотливым изобилием мыслей и предложений они часто обладают, но всегда терпят неудачу, когда пытаются создать литературное или другое произведение искусства. Действительно, у нас есть сильное подозрение, что искусство ушло из мира примерно в то время, когда появилась бэконовская философия.

Непрерывный спор, без пауз и перерывов, на тему глубоко метафизическую, одинаково утомляет писателя и читателя. Никому это не нравится, и очень немногие это читают. "Желай сам" - это не только очень приятная автору сентенция, но и очень мудрая и предусмотрительная.

Наконец-то. Подобно Портосу, когда "у нас появляется идея", нас сразу охватывает лихорадочное желание поделиться ею, и мы думаем, что лучше прервать обычную нить нашего рассуждения, и сделать это сразу, чем портить всю нашу беседу, занимая наши умы двумя предметами одновременно.

Нас поражает другая идея. Пока мы едва ли такоцениваем достоинство авторства. Мы предаемся самозабвению, потому что у нас, как у писателей, нет репутации, которую мы могли бы поставить под угрозу или потерять. Но если эта книга получит успех, мы поднимемся на противоположные ходули аукционного достоинства — напишем книгу, такую же черствую и засушливую, как "остатки бисквита после долгого путешествия", и такую же лишенную оригинальности, остроумия, мысли или наводящей на размышления выразительности, как Речь королевы, Послание президента или дебаты в Сенате Соединенных Штатов. Мы пока не надоедаем миру "респектабельной глупостью", потому что наше положение этого не допускает.

ГЛАВА XXXIV.

НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО, ЛИЧНОЕ БОГАТСТВО, РОСКОШЬ И ЭКОНОМИЯ.

Среди политэкономистов распространена теория о том, что национальное богатство - это всего лишь сумма индивидуального богатства, и что по мере увеличения индивидуального богатства увеличивается и национальное богатство, *pari passu*.

Мы считаем эту теорию ложной и пагубной, тем более что она правдоподобна.

Все приносящее прибыль имущество или капитал, как правило, освобождают своих владельцев от труда и перекладывают труд, поддерживающий общество, только на часть его членов. Теперь, поскольку почти все богатство является продуктом труда, это сокращение рабочей силы уменьшает богатство или, по крайней мере, увеличивает бедность, возлагая более тяжелое бремя на трудящийся класс.

Это, однако, очень малая часть пагубных последствий индивидуального богатства. Общество требует от богатых жить в соответствии со своими доходами, роскошно питаться, иметь дорогую одежду, мебель, экипаж, дома и т. Д. И содержать много слуг.

Их доходы расходуются на предметы роскоши, и тысячи рабочих отрываются от производства предметов первой необходимости, чтобы производить эти предметы роскоши или обслуживать своих владельцев. Таким образом, бремя поддержки общества в том, что касается обычных удобств и предметов первой необходимости, ложится на плечи все меньшего числа людей по мере роста частного богатства и роскоши. Требуется тысяча нищих рабочих, чтобы прокормить одного миллионера, и без них его капитал не принесет прибыли. Этим объясняется большая численность и чрезмерная бедность широких масс в Англии. Половина хваленного капитала Англии, вероятно, две трети его, является всего лишь закладной на кости и сухожилия рабочих,

отныне и навсегда, переданной капиталистам. Государственный долг, всевозможные акции, деньги под проценты и, по сути, все долги представляют собой такого рода частное богатство, которое является национальной бедностью.

Роскошные дома, парки и все учреждения, содержание которых обходится дорого и которые не облегчают, а ограничивают производство предметов первой необходимости, также являются частью частного богатства и национальной бедности. Четыре пятых частного богатства Англии и половина частного богатства нашего Северо-Востока составляют суровый налог на рабочую силу и постоянное препятствие накоплению национального богатства.

Частное богатство Юга состоит главным образом в чернокожих рабочих и улучшениях земли, которые увеличивают ее производительный потенциал. Прекрасные вольеры, улучшенный скот, хорошие зернохранилища, машины и орудия для ведения сельского хозяйства, удобные хижины для негров, хорошие фруктовые сады и т. Д. Являются такой же неотъемлемой частью всего народа, как и личного богатства. Иначе обстоит дело с дорогостоящими частными домами в наших северных городах. Расходы на строительство, ремонт, меблировку и содержание слуг для их владельцев или арендаторов являются постоянным недостатком производительной промышленности, увеличивают бремя трудящейся бедноты и уменьшают национальное богатство. Пораженные нищетой поля Новой Англии являются необходимым следствием роскошных расходов в ее городах. Однако эта роскошь не является частью национального богатства, а является постоянным налогом на него, в то время как непроверенные фермы составляют почти три четверти всего ее реального богатства, поскольку они кормят и одевают человечество.

Это чрезвычайно интересная тема; мы не овладели ею, а если бы и овладели, то эта работа, над которой мы работаем, не подходит для ее полного обсуждения и изложения. Мы просто выносим несколько предложений на рассмотрение думающим и простодушным. Если мы правы, роскошь - величайший грех против общества; экономия и трудолюбие - главнейшие из социальных добродетелей.

ГЛАВА XXXV.

ПРАВИТЕЛЬСТВО ОСНОВАНО НА СИЛЕ, А НЕ НА СОГЛАСИИ.

Мы не согласны с авторами Декларации независимости в том, что правительства "черпают свои справедливые полномочия из согласия управляемых". С женщинами, детьми, неграми и лишь с немногими неимущественными собственниками советовались или давали согласие на Революцию или правительства, ставшие результатом ее успеха. Что касается этого, то новые правительства были самоизбранными деспотиями, а правящий класс - самоизбранными деспотами. Эти правительства возникли в силу и были продолжены силой. Все правительства должны возникать в силу и сохраняться силой. Сам термин "правительство" подразумевает, что оно осуществляется вопреки согласию управляемых. Отцы не получают свою власть как главы семей с согласия жены и детей и не управляют своими семьями с их согласия. Они никогда не прислушиваются к голосованию семьи относительно того, какой труд должен быть выполнен,

какие деньги должны быть потрачены, или относительно чего-либо еще. Хозяева не смеют прислушиваться к голосам рабов относительно своего правления. Если бы они это сделали, результатом был бы постоянный праздник, разгул и экстравагантность. Капитаны судов не назначаются с согласия экипажа и никогда не пользуются их правом голоса, даже при "удвоении мыса Горн". Если бы они это сделали, команда, как правило, проголосовала бы за то, чтобы напиться, и корабль никогда бы не достиг кейптауна. Даже в самых демократических странах солдатами не управляют с их согласия, и их голосование не проводится накануне битвы. Некоторые из них утратили (или никогда не имели) "неотъемлемые права на жизнь, свободу и стремление к счастью"; и, будь то американцы или русские, их заставляют сражаться без их согласия, а часто и вопреки ему. Древними республиками управлял небольшой класс взрослых граждан мужского пола, которые принимали на себя управление и осуществляли его без согласия управляемых. Юг управляется так же, как и эти древние республики. В округе, в котором мы живем, восемнадцать тысяч душ и только тысяча двести избирателей. Но мы, тысяча двести губернаторов, никогда не спрашивали и не собираемся спрашивать согласия шестнадцати тысяч восьмисот человек, которыми мы управляем. Если бы мы так поступили, у нас вскоре возникла бы "организованная анархия". Правительства Европы не смогли бы просуществовать и недели без положительной силы постоянных армий.

Все они - правительства силы, а не согласия. Даже на нашем Севере женщины, дети и свободные негры составляют четыре пятых населения, и всеми ними управляют без их согласия. Но они намерены исправить это грубое и вопиющее беззаконие на Севере. Они считают, что все мужчины, женщины, негры и умные дети равны и имеют равные права. Вдовы и свободные негры начинают голосовать в некоторых из этих Штатов, и вскоре им придется позволить голосовать всем цветам кожи, полу и возрасту, иначе они откажутся от славных принципов человеческого равенства и всеобщей эмансипации.

Мы опасаемся, что эксперимент, который они проведут, теоретически абсурден, и симптомы приближающейся анархии и аграризма среди них не оставляют сомнений в том, что его практическое применение будет ничуть не лучше теоретического. Антирентизм, изм "голосуй-сам-за-ферму" и все другие "измы" - это всего лишь разбрызгивающиеся капли, предшествующие социальному потопу.

Отмена заканчивается в "Правительстве согласия"; Правительство согласия - в анархии, Свободной любви, аграризме и т.д., и т.п., и "Самоизбранный деспотизм" завершает пьесу.

Если интересы губернаторов или правящего класса не консервативны, они, конечно же, не будут сохранять институты, наносящие ущерб их интересам. Никогда не было и никогда не может быть старого общества, в котором непосредственные интересы большинства человеческих душ не противоречили бы всему установленному порядку, всем правам собственности и всем существующим институтам. Массы ориентируются только на сиюминутные интересы; и они обязательно произвели бы революцию в правительстве, как только положение большинства было хуже, чем у меньшинства. Разделите всю собственность сегодня, и через год имущественное неравенство спровоцирует повторный раздел.

На Юге интересы правящего класса в высшей степени консервативны, и Юг быстро становится самой консервативной из наций.

Уже сейчас на Севере правительство колеблется между радикализмом и консерватизмом; в настоящее время радикализм или черный республиканизм находится на подъеме.

Число пауперов быстро растет; распространяются радикальные и аграрные доктрины; женщинам, детям и неграм скоро разрешат голосовать; и тогда они попробуют эксперимент "Правительства согласия и конституционной анархии".

Ошибочно говорят, что революции никогда не идут вспять. Они всегда идут вспять, и обычно дальше, чем там, где они начались. Социальная революция, происходящая сейчас на Севере, должна когда-нибудь пойти вспять. Сделает ли она это сейчас, прежде чем совершит бесконечное зло, прольет океаны крови и станет причиной бесконечных человеческих страданий; или консерваторы Севера позволят ей изнурять себя, причинять все это зло, а затем исправятся, прибегнув к военному деспотизму? Мы думаем, что благодаря своего рода союзу, наступательному и оборонительному, с Югом, Северный консерватизм теперь может остановить и повернуть вспять волну радикальногоизма и аграризма. Мы не будем брать на себя смелость указывать на все средства и *modus operandi*. Они на месте действия лучше всего поймут, что необходимо сделать.

Хотя мы считаем, что любое правительство - это вопрос силы, мы все же считаем, что правящий класс должен быть достаточно многочисленным, чтобы понимать все интересы и располагаться таким образом, чтобы справедливо представлять их. Таково было положение греческих и римских владык, таковы были старые бароны Англии и таковы белые граждане Юга. Если не все хозяева, как греческие и римские граждане, то все они принадлежат к расе хозяев, обладают исключительными правами и привилегиями гражданства и заинтересованы в том, чтобы это право гражданства не расширялось, не нарушалось и не делалось бесполезным и презренным.

В то время как правительства Европы более очевидно поддерживаются силой и управляются ею, чем в любой другой период, все же все они, по необходимости, бдительны и учитывают общественное мнение. Мнение сейчас правит миром, но не в том виде, в каком оно выражается через урну для голосования. Правительства становятся более популярными по мере того, как они становятся более властными. Многочисленный правящий класс не склонен ошибаться или игнорировать общественное мнение; и, следовательно, республиканские институты лучше всего приспособлены ко времени. При монархических формах правления в Европе с каждым днем становятся все более республиканскими. Фатальная ошибка, совершенная в Западной Европе, заключается в том, что власть принадлежит классу, который управляет массами, но не представляет их. Их интересы и интересы масс антагонистичны, в то время как интересы хозяев и рабов идентичны.

Обратившись к теории, к примерам Древних Республик и к Англии времен правления Плантагенетов, мы обнаружим, что институты Юга - далеко не лучшие из существующих сейчас в мире.

Мы думаем, что спекуляции относительно построения правительств не имеют большой ценности; ибо любое правительство - это постепенное приращение Природы, времени и обстоятельств. Тем не менее, эти теории приходили нам в голову, и, поскольку они консервативны, мы предложим их. В рабовладельческих странах все свободные люди должны голосовать и управлять, потому что их интересы консервативны. В свободных штатах правительство должно находиться в руках землевладельцев, которые также консервативны.

Система первородства и владения небольшими участками земли могла бы в значительной степени определить интересы всех; или, по крайней мере, те, у кого не было земель, как правило, были бы детьми и родственниками тех, у кого они были, и о них заботились бы они. Частое накопление крупных состояний и, как следствие, пауперизм масс - величайшее зло современного общества. Разве мелкие расходы не предотвратили бы это? Все не могут владеть землями, но ими должно владеть столько людей, сколько соответствует хорошему земледелию и развитой цивилизации. Социальные институты евреев, установленные Моисеем и Иисусом Навином, наиболее близко соответствуют нашим представлениям об идеальном правительстве.

Несколько слов на прощание консерваторам Севера. Подобная опасность угрожает Северу и Югу, исходя из одного и того же источника. Аболиционизм завершает то, с чего началась Политическая экономия. С неумолимой последовательностью "Оставить в покое" провозглашается отсутствие правительства. На Севере и Юге опасность для нас одинакова, и наши средства защиты, хотя и различающиеся по степени, должны быть одинаковыми по характеру. "Не говоря уже" должно быть отвергнуто, если мы хотим иметь какое-либо правительство. Мы должны во всех сферах действовать в соответствии с принципом, что мир "слишком слабо управляется", вам, жителям Севера, не нужно вводить рабство негров; и тем более низводить белых людей до состояния рабства негров. Но массы нуждаются в большей защите, а массы и философы в равной степени нуждаются в большем контроле. Предоставьте времени и обстоятельствам предложить необходимый закон; но, положитесь на него, "Анархия плюс уличный констебль" больше не будет отвечать. Калифорнийский комитет бдительности - это всего лишь толпа, ставшая необходимой из-за неадекватности обычного правительства. Это "vis medicatrix naturæ", тщетно пытающаяся освободиться от должности врача. Эта страна "слишком плохо управляется", где лучшие и наиболее консервативные граждане вынуждены объединяться в толпы и комитеты бдительности для защиты прав, которые правительство должно защищать, но не обязано.

Элемент силы, вероятно, в слишком малой степени присутствует в нашем федеральном правительстве. У него нет ни территории, ни подданных. Канзасу живется лучше, потому что у него несколько граждан и большая плодородная территория. Она поддерживает правительство, если не пороет его. Массачусетс тоже аннулировал свои законы. Юта презирует ее авторитет, и Калифорнийский комитет бдительности обвиняет ее в успешном неповиновении. Она представляет собой попытку создать *правительство* бумажного согласия без территории и граждан. Рассматриваемый и трактуемый как лига или международный договор между *отдельными государствами* или *нациями*, он все же может иметь долгое и полезное существование; ибо тогда эти *Нации* или *States*, видя, что у него нет средств для самоподдержки или самосохранения, могут, в своих взаимных интересах, объединиться, чтобы поддерживать и защищать его. До сих пор внутренняя слабость и опасность со стороны внешних врагов объединяли Штаты в поддержании Союза. В дальнейшем огромные преимущества дружественных и взаимных отношений, торговли и обменов могут продолжать давать аналогичный результат. Но перспективы тревожны, и хорошо, что все патриоты должны знать, что у Союза мало сил для поддержания и увековечения себя.

Есть три вида силы, которые, как нам кажется, могут поддержать правительство. Во-первых, "внутренняя необходимость", такая как рабство, которая заставляет немногих узурпировать власть и удерживать ее насильно, не консультируясь со многими; во-вторых, сила иностранного давления или агрессии, которая объединяет людей и государства для общей обороны; и в-

третьих, внутренняя сила предписывающего или узурпаторского правительства, которое поддерживает себя постоянными армиями. Таковы все правительства Западной Европы. Ни одно из них не могло бы просуществовать сорок восемь часов, если бы не постоянные армии. Эти постоянные армии стали необходимы и выросли по мере исчезновения рабства. Старые бароны поддерживали порядок среди канарейки, пролетариата, санкюлотов, нищих-кочевников, хлеща их по спинам и удовлетворяя их нужды. Их нужно кормить и заставлять работать. Современное общество пытается добиться этого (но тщетно) моральным убеждением и постоянными армиями. Беспорядки, толпы, забастовки и революции происходят ежедневно. Основная масса человечества не может управляться Законом. Мир хочет больше деспотической осмотрительности и меньше Закона. Мы прощаемся, говоря: "В этом мире слишком много Закона и слишком мало правительства".

Миром правит физическая сила, а не моральное убеждение. Негр видит плеть погонщика, привыкает к послушному, веселому трудолюбию и не осознает, что плеть - это сила, которая побуждает его к действию. Свободный гражданин выполняет "con amore" свой круг социальных, политических и домашних обязанностей и даже не мечтает, что Закон с его штрафами и тюрьмами, исправительными учреждениями и ограничениями или Общественное мнение с его остракизмом, толпами, дегтем и перьями помогают удерживать его на своей орбите. И все же, уберите эти физические силы, и сколько добропорядочных граждан вылетело бы, подобно огненным кометам, из своих сфер и взбудоражило бы общество своими эксцентричностью и преступлениями.

Управление - это жизнь нации, и поскольку никто не может предвидеть различные будущие обстоятельства социальной жизни, не больше, чем индивидуальной, абсурдно определять на бумаге, при рождении нации или отдельного человека, что они должны делать, а чего не должны. Широкое построение конституций так же хорошо, как и отсутствие конституции, поскольку оно позволяет нации приспосабливаться к обстоятельствам; но строгое построение разрушит любую нацию, поскольку действия необходимы для сохранения нации, а создатели конституции не могут предвидеть, какие действия будут необходимы. Если бы индивидуальная или общественная жизнь протекала в простой пассивности, конституции могли бы ответить. Не в меняющемся и активном мире. Луизиана, Флорида и Техас были бы отстранены от Юга по строгим правилам, и она была бы разрушена. Конституция в строгом понимании абсолютно несовместима с постоянным существованием государства.

ГЛАВА XXXVI.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ НА СЕВЕР.

Банко— Но это странно: часто, чтобы склонить нас ко вреду, инструменты тьмы говорят нам правду; Побеждают нас честными мелочами, чтобы предать нас С самыми серьезными последствиями.

Макбет.

Читатель, должно быть, заметил нашу склонность помещать отрывки из стихов в начале наших глав или вплетать их в текст. Она звучит как своего рода припев или рефрен и, при умелом обращении, производит такой же прекрасный эффект, как скрипка на пиру или духовой оркестр накануне помолвки. Это побуждает автора к еще большим усилиям и внушает читателю решимость следовать за ним в его самых глубоких рассуждениях и самых смелых спекуляциях. Мы научились этому у "наших Мастеров военного искусства", когда захватили их лагерь и весь их артиллерийский парк (который мы сейчас используем с таким убийственным эффектом против их собственных рядов). Мы также захватили их походное снаряжение, книги по военной стратегии и тому подобное. В них мы нашли правила, установленные для знаменитых песен, которые так гармонично сочетаются с речами на всех съездах безбожников и аболиционистов, собраниях за права женщин и Свободную любовь. Они призваны вызывать энтузиазм, подтверждать убежденность и "придавать смелости до предела". Кроме того, иногда они превосходно справляются с противоположной целью успокоительного. Часто, когда эта сестра своими неосторожными речами оскорбляет порядочность, пристойности, религию и мораль и опускается ей на голову, она шипит и кричит: "Выгоните ее! Выгони ее вон!" Брат, Этот Человек раздражается "напевами сладчайшей мелодии" и, подобно другому Орфею, умиряет другой ад. Не то чтобы мы намеревались каким-либо образом намекать на то, что этот музыкальный брат все время будет играть Орфея и предпримет такое же долгое и опасное путешествие, чтобы спасти свою сестру, как Орфей совершил ради Эвридики. Напротив, мы подозреваем, что в таких непредвиденных обстоятельствах он помолился бы Плутону, чтобы тот дважды запер ворота, и подкупил Цербера, чтобы тот вел более тщательное наблюдение. Такое впечатление у нас сложилось из трехсторонней переписки Грили, Эндрюса и Джеймса, озаглавленной "Любовь, брак и развод", а также из действий судов и законодательного собрания Массачусетса, которые, судя по количеству разрешенных ими разводов, как мы должны думать, едва ли могли найти время, чтобы отправить Хисса с визитом очищения в монастыри.

Теперь может случиться так, что иногда, когда мы "перегибаем палку" (что мы очень склонны делать) и оскорбляем читателя, наши стихи могут соответствовать цели песен об Отмене смертной казни и успокоить и умиловить его. Кроме того, они представляют собой своего рода интерлюдия или побочную игру, как в случае с Санчо, когда он соскользнул с летающего коня Клавилено, как раз когда они с Доном достигли созвездия Козла, и отправился играть с козлятами, чтобы унять головокружение. Я уверен, что когда мы, как это часто бывает, поднимаемся с нашим читателем в высшие сферы метафизики, у него немного кружится голова (по крайней мере, у нас) и что он благодарен за немного поэзии или за игру с нашими Козлами Упразднения. "Козлы, в самом деле!" сказал мистер Дж., "Львы, вам лучше сказать". Что ж, пусть будут львы! Мы боимся вас не больше, чем если бы вы были ягнятами; и вы не осмелитесь напасть на нас раньше, чем на рыцаря Ламанчи, когда он тщетно вызывал вас на смертный бой.

Пусть читатель не думает, что мы подражаем рыцарству дона или мудрости его оруженосца. Северный климат охладил мужество наших львов, и они боятся "бумажных пуль для мозга", но при этом им очень нравится стрелять ими в других, при условии, что они уверены, что выстрел не будет ответным.

Что касается Санчо, то мы считаем его самым мудрым человеком, которого мы когда-либо читали после него, за исключением Соломона. Действительно, в мире художественной литературы вся мудрость исходит из уст дураков — как свидетельствует шекспировский "Фальстаф и его дураки". Во всем этом есть, по крайней мере, сходство; ибо, как и в Реальном

мире, философы (например, наши Мастера военного искусства) монополизировали всю глупость, — где же с такой вероятностью можно найти мудрость, как не среди дураков?

Мы опасаемся, что наши "Маленькие каннибалы" теряют терпение и, возможно, немного завидуют нашему кажущемуся предпочтению наших коз. Они еще молоды и требуют ухода. Но это юные Геркулесы, рожденные с зубами, и если какие-нибудь змеи Отмены попытаются задушить их в колыбели, им, скорее всего, достанется самое худшее. Опасность, однако, заключается в том, что аболиционисты украдут и усыновят их, поскольку они безмерно любят юных каннибалов и тратят большую часть своего времени на шитье, вязание и приобретение абонементов, чтобы посылать рубашки и мастерки малышам далеко в Африке, которые с таким же негодованием отталкивают их, как старый король Лир, когда он разделся во время шторма и решил быть "самим собой".

Теперь, видя, что аболиционисты так преданы неотесанным, грязным, голым маленьким каннибалам Африки, разве у нас нет веских оснований опасаться, что они сбегут и усыновят наших, когда выйдут опрятно одетыми в черный муслин и сияющими золотом из умелых рук Морриса и Уинн? Они наверняка, по крайней мере, покорят сердца сильных духом дам, и если они будут хорошо обращаться с ними в младенчестве, мы не знаем, но что, если они подождут, пока не вырастут, мы можем выделить им одного-двух мужей из их числа.

Мистер Моррис пообещал, что снаружи они будут черными, как Эребус, а внутри белыми, как "свежевыпавший снег".

Если они смогут пережить тяжелое время младенчества — если критики не задушат их в колыбели, мальчики проложат свой собственный путь в мире и прославятся как Туссен или Дессалин.

Чтобы быть откровенными с читателем, недавно мы узнали, что структура книги так же важна, как и ее метафизика — как снаружи, так и внутри. Рисунок, размер, пропорции - все это необходимо учитывать, поскольку книги теперь используются не только для чтения, но и для украшения центрального стола. У нас на центральном столе стоит мраморный стол, который превосходно отвечает первому назначению, потому что никто не может задать озадачивающих вопросов о его содержимом. Теперь мы должны указать точную сумму, и не более, чтобы позволить мистеру Моррису и мистеру Уинну придать нашей книге внешний вид "комильфо". Отчасти с этой целью мы пишем эту главу. Читатель не будет возражать против того, чтобы прочитать больше или около того, а мистер Моррис и мистер Уинн будут знать, как сократить или опустить, поскольку они не только мастера своего дела, но и могут оказать нам ценную помощь в нашем.

Мы возвращаемся к нашим каннибалам с единственным замечанием к тому угрюмому и скромному читателю, который ворчит на наше случайное легкомыслие: "Вы, сэр, никогда не теряете своего достоинства, потому что вы обязательно раскроете свою глупость".

Мы предупреждаем Север, что каждый из ведущих аболиционистов поднимает вопрос о рабстве негров просто как средство достижения скрытых целей, и эти цели ближе к дому. Они не стали бы тратить столько времени и денег только ради негра или его хозяина, о которых они мало заботятся. Но они знают, что люди, когда—то честно приверженные агитации за рабство негров, когда—то приверженные всеобъемлющему принципу "что человек, будучи моральным деятелем, ответственным перед Богом за свои действия, не должен позволять, чтобы эти

действия контролировались и направлялись волей другого", по сути, привержены социализму и коммунизму, самым ультралевым доктринам Гаррисона, Гуделла, Смита и Эндрюса — никакой частной собственности, никакой церкви, никакого закона, никакого правительства, - свободной любви, свободным землям, свободным женщинам и свободным церквям.

Между доктринами, которых придерживаемся мы, и теми, которых придерживается мистер Гаррисон, нет середины — ни пяди какой-либо почвы. Если рабство, будь то белое или черное, является неправильным в принципе или на практике, тогда прав ли мистер Гаррисон — тогда все человеческие правительства неправильны.

Социализм, а не отмена рабства, является реальной целью черного республиканизма. Север, а не Юг, настоящее поле битвы. Подобно Фанни Райт, автору книги "Американский социализм", агитаторы Севера рассматривают свободное общество просто как переходное состояние к лучшей, но неопробованной форме общества. Читатель не сможет полностью понять идеи, которые мы хотели бы донести, не прочитав книгу мисс Фанни Райт "Англия-цивилизатор". Ее стоит прочитать не только как лучшую историю британской конституции, но и как наиболее правильный и совершенный анализ и описание свободного общества - той формы общества, которую, по общему мнению всех социалистов и мыслящих людей, нельзя выносить такой, какая она есть. Социалистам школы отмены рабства это нравится, потому что это невыносимо - потому что они считают это переходным состоянием к форме общества без закона и правительства. Мисс Райт хватается честности признать, что *перехода* так и не произошло. Нет; и никогда не произойдет: потому что изгнание человеческой природы является предварительным условием для ее возникновения.

Но мы торжественно предупреждаем Север, что то, что она называет *переходным периодом*, - это то, ради достижения чего каждый ведущий аболиционист переворачивает небо и землю. Это их настоящая цель — эмансипация негров - всего лишь ловушка для чаек.

В попытке достичь "переходного периода" могут быть пролиты моря крови до тех пор, пока военный деспотизм не придет к восстановлению мира и безопасности.

Мы (поскольку мы социалисты) согласны с м-ром Карлайлом в том, что действие свободного общества должно быть обращено вспять. Что вместо того, чтобы все больше и больше ослаблять узы, которые связывают человека с человеком, вы должны крепче затягивать их. Что вместо отсутствия правительства у вас должно быть больше правительства. И это в высшей степени верно для Америки, где по самой природе вещей, по мере старения общества и увеличения плотности населения, потребуется больше государственного управления. Чтобы предотвратить попытку переходного периода, который привел бы только к революции, вы должны начать управлять более энергично.

Но нас спросят, как это осуществить? Ответ прост. Средства под рукой, и работа начата.

Демократическая партия, очищенная от своего радикализма и в значительной степени набранная из рядов вигов старой линии, стала в высшей степени и активно консервативной. Это антиподы Демократической партии времен Джефферсона по территории, которую она занимает, и по мнениям, которых она придерживается (другое дело, чего она придерживается). Тем не менее, это была последовательная партия во всем. Последовательная, мудро и смело адаптирующая свои действия к чрезвычайным ситуациям. Это патология, и она действует в соответствии с преобладающими симптомами. Это правда, у него обширная Нозология в

Декларации независимости, Биллях о правах, Конституциях, Платформах, преамбулах и резолюциях; но, как хороший врач, он следит за состоянием пациента и бросает Нозологию на ветер, когда этого требуют симптомы. Когда мы вступили в партию, мы были радикалами и наполовину аболиционистами, и на ее знамени было написано: "*Миром слишком сильно управляют!*" Теперь мы уверены, что в сердце каждого добропорядочного гражданина укрепилось убеждение, что "миром слишком мало управляют".

Истинное и почетное отличие Демократической партии заключается в том, что у нее есть только один непреклонный принцип — "Безопасность народа является высшим законом". Обращаясь к этой партии, мы думаем, что Нация и Север могут с уверенностью рассчитывать на счастливый исход из наших трудностей. Сейчас она чиста, честна, активна и патриотична, и так будет продолжаться до тех пор, пока темная туча отмены рабства и социализма опускается и угрожает Северу. Долгое и спокойное обладание властью, несомненно, разврат. Тогда настанет время отбросить его в сторону. Теперь он способен, и только он способен, противостоять изменникам Севера и задушить их.

"Времена меняются, и люди меняются вместе с ними".

Хорошие и храбрые люди гордятся, а не стыдятся таких перемен. Пусть никакая ложная гордость за кажущуюся последовательность не удерживает нас от признания, которое, будучи опущенным, может затруднить наши действия.

Наша старая Нозология является эффективным арсеналом для самых крайних аболиционистов, и тем более эффективным, что мы не *формально* отказались от нее. Пусть "*Миром слишком мало управляют*" станет нашим девизом, будет начертано на нашем флаге и водружено на верхушку мачты.

Примечание.—Мы узнали, что многие старые федералисты Севера и некоторые южане вступают в наши ряды. Мы приветствуем их. Их принципы были неправильными, когда они их принимали, но (за исключением их доктрин консолидации) сейчас они вполне подходят. К несчастью старой Федеральной партии и недавно умершей партии вигов, они всегда оказывались правы не вовремя. На практике они были, как говорят врачи, нозологическими, а не патологическими. Партия вигов в Англии, как и Демократическая партия Америки, в высшей степени патологична, активна, наблюдательна и впечатлительна.

ГЛАВА XXXVII.

ДОПОЛНЕНИЕ.

Вирджиния, 18 ноября 1856 года.

Ум. Ллойд Гаррисон, эсквайр:

Уважаемый сэръ, я заметил столько справедливости в том, как рабство и другие социологические вопросы рассматриваются в *The Liberator*, что мне пришло в голову, что вы не

сочли бы предложения ультраправого сторонника рабства навязчивыми и, возможно, сочли бы их достойными места в ваших колонках. Я не стану обещать, что примеру вашей щедрости последуют на Юге. Это моя теория, что "возвращение к фундаментальным принципам" - это всего лишь измена, облеченная в перифрастическую фразу; и что право на личное суждение, свобода печати, свобода слова и свобода религии подчинены этим "принципам", и нельзя позволять им посягать на них, иначе не может быть стабильности в правительстве или гарантии прав частной жизни. Юг считает меня еретиком, но чувствует, что я прав, и заботится о том, чтобы попирающие эти священные права столь же эффективно суровым общественным мнением, как Луи Наполеон делает это законом или просто по своей воле.

Я полностью согласен с теорией, которую я слышал от мистера Уэнделла Филлипса[35], изложенной на лекции в Нью-Хейвене. Я не буду пытаться передать его красноречивые слова, поскольку я не в состоянии отдать должное его языку; но суть его теории заключалась в том, что правительства формируются не человеком, а являются постепенным наросом времени, обстоятельств и человеческих потребностей; что они растут подобно деревьям, и что человек может культивировать, обучать и способствовать их росту и развитию, но не может разобраться в них полностью. Итак, я принимаю теорию и предлагаю, во-первых, удержать людей от нанесения удара топором по корням наших южных институтов (то есть от обсуждения или возвращения к "фундаментальным принципам") моральным убеждением или мониторингом; затем дегтем и перьями, а при неудаче - уздечкой. Самые худшие институты, которые когда-либо росли в какой-либо стране, лучше лучших, когда-либо созданных философами или филантропами. Что касается наших, то мы считаем их, начиная со времен Рима, Афин и Иудеи, крупнейшими институтами мира.

С этими предварительными замечаниями я выскажу следующие предложения или вопросы:—

Разве рабство у капитала не менее терпимо, чем рабство у людей-хозяев?

Там, где немногие, как в Англии, Ирландии и Шотландии, владеют всеми землями, разве основная масса, простые рабочие, которые не владеют капиталом и не обладают ни механическими, ни профессиональными навыками, по необходимости, не являются рабами капитала?

Не это ли рабство капиталу вызвало великий ирландский голод, и не это ли то же самое рабство удерживает подавляющее большинство рабочего класса Западной Европы в состоянии наследственного голода?

В старых обществах, где рабочие являются домашними рабами и их численность превышает спрос на рабочую силу, разве их освобождение не привело бы их сразу к господству или требовательному деспотизму капитала, гораздо более тяжелому, чем домашнее рабство?

Разве освобождение европейских крепостных или виллиенов во всех случаях не нанесло ущерба их положению как класса?

В случае возникновения такого избытка домашних рабов, не было бы более милосердным следовать спартанскому плану и уничтожать излишки, чем план отмены рабства, который освобождает их всех, позволяет жить на половинное пособие и "сделать бесплатный труд дешевле рабского" посредством этой жесткой конкуренции и занижения цен при трудоустройстве?

Разве в северном обществе не меньше препятствий для превосходства ума, навыков и капитала и не меньше защиты, предоставляемой слабой, невежественной и безземельной массе, чем в любом другом, когда-либо созданном человеческим умом?

Разве "*laissez-faire*", по-английски "Каждый сам за себя, и дьявол заберет самого последнего", не является всей вашей теорией и практикой правления?

Когда ваше общество станет старше, население - плотнее, а собственность благодаря вашим торговым, спекулятивным привычкам попадет в руки нескольких человек, не будет ли рабство капиталу более полным и безраздельным, чем в любой части Европы, где трон, знать и установленная церковь стоят между боссами, банкирами и землевладельцами и угнетенными массами?

Разве почти все хорошо информированные люди философского склада ума в Западной Европе и на нашем Севере не сходятся во мнении, что вся структура общества, религиозная, этическая, экономическая, правовая и политическая, требует радикальных изменений?

Разве отсутствие такого мнения на Юге и его преобладание в свободном обществе не являются убедительным доказательством естественности и необходимости домашнего рабства?

Разве Север не пожелал бы оставить решение вопроса о рабстве в Канзасе общественному мнению христианского мира (поскольку он будет решаться всем христианским миром, из которых не один из ста будет рабовладельцем), если бы не было разумно, что общественное мнение вот-вот примет решение в пользу *негритянского* рабства, и, следовательно, что оно должно быть запрещено федеральным законодательством?

Южанин.

Поскольку наша работа попала в прессу, вышесказанное появилось в "*Освободителе*". Мы пользуемся случаем, чтобы поблагодарить мистера Гаррисона за его любезность и сделать несколько замечаний, которые, мы надеемся, не будут сочтены несвоевременными или дерзкими.

Сравнение мнений и институтов Севера и Юга приведет к более добрым и миролюбивым отношениям. До сих пор такие сравнения были невозможны, потому что Юг считал себя неправым, слабым и незащищенным; и эта Отмена была всего лишь попыткой нанести клеймо на взрывоопасные материалы ее социального здания. Теперь она в равной степени уверена в своей справедливости и своей силе и считает свою социальную систему более стабильной, а также более доброжелательной, равноправной и естественной, чем Северная. Хотя она никогда не потерпит радикальной агитации и демагогической пропаганды, она готова к философским спорам и дискуссиям, а также к историческим и статистическим сравнениям.

Южанин использует термин "дискуссия" как эквивалент агитации; ибо Юг не запрещает обсуждение какого-либо предмета надлежащими лицами, в надлежащих местах и при надлежащих обстоятельствах. (Кто такие подходящие люди и в какое подходящее время и в каком месте должны определяться здоровым, справедливым и просвещенным общественным мнением.) Но мужчины не должны читать лекций нашим детям на улицах о прелестях неверности; священники не должны проповедовать политику с кафедры; женщины не должны обрезать нижние юбки, подниматься на трибуну и разглагольствовать о чистоте Свободной

Любви; подстрекатели не должны произносить речи против права землевладельцев или учить наших негров священным доктринам свободы и равенства.

Мы удовлетворены нашими институтами и не желаем подвергать их "эксперименту в мерзком корпусе"! Если Север считает себя никчемным или ценным только как объект анатомического вскрытия или химических и френологических экспериментов, он может продвигать дело человечества, обращаясь со своим народом так, как философы обращаются с мышами, зайцами и дохлыми лягушками. Мы думаем, что ее случай не настолько отчаянный, чтобы санкционировать такие безрассудные эксперименты. Хотя ее эксперимент провалился, она еще не умерла. Путь к выздоровлению все еще открыт.

Поскольку мы являемся Братьями-социалистами, мы имеем право выписывать рецепты пациентам; и наши Братья-консультанты, господа. Гаррисон, Грили и другие должны должным образом учитывать ценность нашего мнения. Крайности сходятся — и мы с ведущими аболиционистами отличаемся друг от друга лишь на волосок. Мы, как и Карлайл, требуем больше государственного управления; они настаивают на отсутствии правительства. И все же их социальные институты могли бы создать превосходно управляемые южные сахарные и хлопковые фермы с главой, который управлял бы ими. Добавьте к фаланстерам мистера Грили надсмотрщика из Вирджинии, и нам с мистером Грили было бы не из-за чего ссориться.

Мы очень надеемся, что, когда наши каннибалы приготовят первое блюдо, "Наши мастера военного искусства" встретят их аплодисментами, а не шипением; "feu de joie", или благодарственным салютом, а не убийственным залпом в бок. Мы хотим дружить с ними и со всем миром; и когда опускается занавес, мы завершаем прощальную речь обращением римского актера — "Вос валете! et plaudite!"

СНОСКИ:

[35] Мистер Филлипс в личной жизни, помимо его отмены и секционных предрассудков, достойный, состоявшийся джентльмен. Он самый красноречивый и изящный оратор, которого мы когда-либо слушали. Кажется, что он извергает манну и амброзию изо рта, но при этом выпускает целые залпы горячей дробы. "Он сам себе антитеза" — адская машина, положенная на музыку.

КОНЕЦ.